

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3

Том 4. История

Санкт-Петербург
2015

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3 (Том 4) 2015
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

В. А. Верременко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент;
А. Дудек, доктор исторических наук, профессор (Польша);
К. Еконен, доктор философии, доцент (Финляндия);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент (Республика Молдова);
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
Л. Цзюань, доктор филологических наук, профессор (КНР)

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2015
© Авторы, 2015

Содержание

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Д.В. Васильев

Ханская власть в Казахской степи в контексте региональной политики Российской империи 7

Б.А. Алимджанов

Аграрная политика Российской империи в Туркестане: активное бездействие или пассивное вмешательство? 15

ЭТНОГРАФИЯ

Н.О. Блейх

Вопросы семейной организации северокавказских народов в XIX – начале XX в. 23

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В.А. Веретенко

Пансионаты в России во второй половине XIX – начале XX в. 33

К.В. Лазарев

Проблемы офицерских браков на рубеже XIX–XX вв. и их отражение в военных реформах начала XX в. 39

В.В. Карпова

Повседневная жизнь участников трудовых ученических дружин в России (1915–1916 гг.) 48

Р.А. Султанов

Проблема безработицы на Южном Урале во второй половине 1920-х гг. и общественное мнение 56

И.С. Дудина

«Великий перелом» в конфессиональной истории деревни центральной России: 1929–1930 гг. 63

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.И. Громова

Освещение проблемы проституции в отечественных женских журналах начала XX в. 70

Е.Н. Крылова

Журнал «Вестник Московского земства» – попытка создания общеземского печатного издания 82

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

А.Г. Гусев

Николай Александрович Алексеев: первый год в должности московского городского головы 89

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Ю.Е. Кондаков

Материалы князя А.Н. Голицына в российских архивах 99

И.Н. Ружинская, Н.Ю. Кузнецова

Пенитенциарная практика в монастырях Русского Севера
в последней трети XIX в.: по материалам А.С. Пругавина 107

А.В. Федькин

Современная отечественная историография повседневной
жизни рабочих России в конце XIX – начале XX в. 113

А.А. Конкин

Современная историография внутренней политики
большевиков в 1918–1920 гг. 120

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Н.Л. Семенова

Губернские прокуроры в системе местного управления
Российской империи в конце XVIII – начале XIX в.
(на примере Оренбургской губернии) 129

К.А. Яковенко

История разработки правовых основ охраны труда рабочих
табачной промышленности в России
в конце XIX – начале XX в. 138

С.Г. Шустов

Промышленное развитие майората Строгановых
в годы Первой мировой войны 144

Е.В. Прохорова

Санитарно-пищевой надзор
в послереволюционном Петрограде (1918–1921 гг.) 149

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Е.В. Никуленкова

Структура и руководство Института красной профессуры
в 1920-е годы 158

Т.В. Давыдова

Развитие медико-биологического направления советской
медицины в условиях культа личности И.В. Сталина 165

НУМИЗМАТИКА

С.Н. Травкин

Анализ материалов клада с Юга Бессарабии 173

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.Тань

Начало русских православных миссий в Пекине 181

Сведения об авторах 186

Contents

HISTORIC AREA STUDIES

D.V. Vasilyev

The khan's power in Kazakh steppe in the context
of regional policy of the Russian empire 7

B.Ab. Alimdzhanov

The agrarian policy of the Russian Empire in Turkestan:
active or passive inaction intervention? 15

ETHNOGRAPHY

N.O. Bleikh

Questions of the family organization of North-Caucasian
peoples at XIX – the beginning of XX centuries 23

SOCIAL HISTORY

V.A. Veremenko

Boarding schools in Russia in the second half
of XIX – early XX centuries 33

K.V. Lazarev

Problems of officers' marriages at the turn of XIX–XX centuries
and their reflection in the military reforms of the early XX century 39

V.V. Karpova

Daily life of participants of pupils' labor squads in Russia (1915–16).. 48

R.Ai. Sultanov

The problem of unemployment in the Southern Urals
in the second half of 1920s and public opinion 56

I.S. Dudina

"Great change" in religious history of peasants in Central Russia:
1929–1930 63

HISTORY OF POLITICAL THOUGHT

A.I. Gromova

Representation of the prostitution problem in the Russian women's
magazines at the beginning of the 20th century 70

Ye.N. Krylova

The journal "The Bulletin of Moscow Zemstvo" as an attempt
to create zemsky print edition 82

PERSON IN HISTORY

Al.G. Gusev

N.A. Alekseev: the first year in the position of Moscow city mayor 89

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Yu.E. Kondakov

Materials of prince A.N. Golitsyn in Russian archives 99

I.N. Ruzhinskaya, N.Yu. Kuznetzova

Penitentiary practice in the monasteries of the Russian North
in the last third of the XIX century: on materials of A.S. Prugavin 107

A.V. Fed'kin

Modern Russian historiography of everyday life of Russian workers
in the late XIX – early XX centuries 113

A.A. Konkin

Modern historiography of internal policy of the Bolsheviks
in 1918–1920s 120

RUSSIAN HISTORY PAGES

N. Semyonova

Provincial prosecutors in system of local management
of the Russian Empire at the end of XVIII – the beginning
of XIX centuries (on the example of the Orenburg province) 129

K.A. Yakovenko

History of the development of the work safety legal basis
of the tobacco industry workers in Russia at the end of the
19th – beginning of the 20th centuries 138

S.G. Shustov

Industrial development of Stroganovs' entail during World War I 144

E.V. Prokhorova

The food control in post-revolutionary Petrograd (1918–1921) 149

SCIENCE AND TECHNOLOGY HISTORY

E.V. Nikulenkova

The structure and management of the Institute
of Red Professors in 1920s 158

T.V. Davydova

The development of biomedical direction of Soviet medicine
under the conditions of the cult of personality of J. Stalin 165

NUMISMATOLOGY

S.N. Travkin

Analysis of the treasure materials from the South of Bessarabia 173

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

T. Tan'

Beginning of the Russian Orthodox mission in Beijing 181

About authors 186

Ханская власть в Казахской степи в контексте региональной политики Российской империи*

В статье рассматриваются политические отношения между российским правительством и казахскими ханами в самом начале XIX в. Показаны различия, произошедшие в отношениях к ханам региональных российских властей на рубеже столетий. Особое внимание уделяется ханскому совету как органу, призванному унаследовать традицию власти ханов.

In the article the political relations between the Russian government and the Kazakh khans at the very beginning of the 19th century are considered. The distinctions which occurred in the attitudes of the Russian regional authorities towards khans at the turn of the centuries are shown. The special attention is paid to Khan's Council as to the body urged to inherit tradition of khans' power.

Ключевые слова: история Казахстана; политика Российской империи; Центральная Азия; власть хана; Игельстром; Шергазы; Бокей; Ханский совет; Малая орда.

Key words: history of Kazakhstan; policy of the Russian Empire; Central Asia; power of khan; Igelstrom; Shergazy; Bokey; Khan's Council; Small Horde.

В период с 1780-х по 1790-е гг. происходит активизация государственно-политических отношений Российской империи с племенами и представителями государственных образований в Казахской степи. В это время появляются первые комплексные законодательные акты, реорганизовывавшие внутривластную жизнь, в первую очередь, в Малой орде. Этот период характеризуется, с одной стороны, созданием столь возможно благоприятных условий для приобщения казахов к общероссийской жизни (строительство караван-сараев, мечетей, мусульманских школ), а с другой – созданием новых для номадов административных и судебных институтов, призванных сделать регион более управляемым и подготовить его к дальнейшим трансформациям в сторону общегосударственных норм. Несмотря на то, что эти попытки не привели к желаемым результатам, можно с определенной долей уверенности говорить о

том, что в конце XVIII в. была предпринята попытка создать в регионе административную систему, сочетавшую в себе элементы косвенного и прямого управления, предполагающую использование традиционных институтов на службе империи, равно как и распространение на регион некоторых общеимперских учреждений.

Одним из таких институтов стала ханская власть [12, с. 65–115], которую Россия поначалу пыталась поставить на службу своим интересам, а затем, постепенно ограничивая ее, пришла к идее полного отказа от нее [3, с. 34–65; 1, с. 150–161; 5, с. 326–344].

Реализация реформ О. Игельстрома [2; 7; 8; 9; 6] показала готовность царской администрации перейти в новую фазу взаимоотношений с казахским социумом – к активному вмешательству и в социальную структуру, и во внутривнутриполитические отношения. Причем это проявилось не только в институциональном аспекте, но и применительно к повседневной практике взаимоотношений главной пограничной власти с ханами Малой орды. О.А. Игельстром уже настолько свободно чувствовал себя в отношениях с казахской знатью, что фактически позволил себе стать режиссером династических и социально-политических взаимодействий в российско-казахских отношениях. С этого момента перспектива включения Казахстана в состав Российской империи становится достаточно очевидной.

Такая активизация российской политики в отношении Казахстана создавала предпосылки для включения территории казахских владений непосредственно в состав империи, первый шаг к введению региона под юрисдикцию российского законодательства. Организационные и политические действия Игельстрома вызвали в правительственных кругах дискуссию о будущем административном устройстве Казахской степи, результатом которой стали первые в разной степени формализованные законопроекты.

В начале XIX в. существенно меняется положение России в Казахской степи. С одной стороны, упрочивается позиция империи в степном регионе, уже пережившем период адаптации казахов к существованию в политической орбите своего северного соседа, продолжается ослабление традиционных властных отношений в жузах. Регион все больше и больше втягивался во внутривнутриполитическую орбиту империи, переставал восприниматься инородным административно-политическим образованием. Существенную роль в российской политике начали играть торговые интересы. Власть признала, что казахское скотоводство стало играть чрезвычайно важную роль в экономике всей страны, и перешла к серьезным шагам в ликвидации междоусобной барымты, эту отрасль ослаблявшей. Во внешнеполитическом плане меняется позиция России на европейском театре, где Петербург уже начал твердо позициониро-

вать себя как часть «цивилизованного» пространства и все в большей мере чувствовал себя транслятором европейской цивилизации на восток. Наконец, упрочение позиций Великобритании в Индии подталкивали Россию к более активному закреплению на своих юго-восточных рубежах. Впервые в российских административных кругах прозвучала мысль о прямом захвате и возможном подчинении империи центральноазиатских ханств.

Управлявший Оренбургским краем в начале XIX в. военный губернатор генерал от кавалерии князь Григорий Семенович Волконский (1803–1817) разработал целую программу мероприятий, направленных на восстановление и развитие азиатской торговли России [10, с. 217–224]. Значительный блок предложенных князем мероприятий касался проблемы организации управления внутри Малой орды. Военный губернатор предлагал отправить правящего хана Айшуака в отставку с приличной по тем временам пенсией (1000 р.), а на место хана избрать его старшего сына султана Жанторе, весьма подверженного российскому влиянию. «Суд и расправу» в Степи князь Волконский полагал оставить в руках хана и ханского совета, а также родоначальников. Перед пограничной администрацией всегда маячила угроза антиправительственных мятежей, по примеру возглавлявшихся султанами Срымом и Каратаем. Поэтому одной из задач казахской администрации должно было стать противодействие появлению и усилению влиятельных батыров. Среди всех предложений Г.С. Волконского новизной отличалось пожелание отменить выплату жалованья всем казахским старшинам, за исключением хана и его совета. Регулярное жалованье он считал необходимым заменить разовыми стимулирующими вознаграждениями за конкретные оказанные услуги.

Несмотря на то что барымту (а также увещевания) как способ решения пограничных конфликтов, оренбургский военный губернатор считал неэффективными, тем не менее, исходя из принципа «насилие останавливается и прекращается одною силою...», он признавал возможным в случаях особо значительных грабежей посылать в степь для преследования преступников экспедиции от 500 до 1000 чел. в составе нерегулярных войск и, при необходимости, с легкой артиллерией. Как и О.А. Игельстром в свое время, князь Волконский считал необходимым организовать масштабную экспедицию с целью возмещения убытков, понесенных российской стороной от казахских грабежей. Экспедицию следовало организовать с размахом, достойным «славы престола» российского. Выступить в поход предлагалось соединенными силами российского корпуса и двухтысячного отряда казахских войск под командованием нового хана. Против виновных в антироссийских преступлениях оренбургский губернатор считал необходимым принять самые строгие меры:

подведомственных неблагонамеренным старшинам казахов по воле хана следовало расселить по другим владениям, имущество этих старшин конфисковать в возмещение ущерба, оставив излишек в распоряжении хана. Самых же старшин-преступников вместе с их семьями – переселить на постоянное жительство в сибирские или другие города внутри России. Кстати сказать, отказ от барымты как способа воздействия на казахов с российской стороны стал в начале XIX в. одним из элементов имперской политики в регионе [10, с. 232–233].

Подлинной причиной набегов казахов на купеческие караваны Г.С. Волконский называл поведение хивинцев, выступавших, по его мнению, их инициаторами и покровителями. А потому предлагал занять российскими войсками Хиву «с согласия или силою», потребовать возмещения нанесенного купечеству ущерба, освобождения российских и персидских пленников. Князь видел два варианта решения дальнейшей судьбы Хивы: «...удержать ее навсегда в нашей зависимости ...или, наказав контрибуциею, оставить ее собственной ея судьбе...». Оренбургский военный губернатор считал необходимым направить посланца и к бухарскому хану с предложениями добровольного освобождения содержащихся на территории ханства российских подданных и заключения торгового соглашения с Бухарой [10, с. 223].

Трудно дать однозначную характеристику рассмотренному документу и самой позиции Г.С. Волконского по центральноазиатским делам. С одной стороны, он выступал против барымты и предлагал иные меры к утверждению спокойствия на казахской стороне, а с другой планировал масштабное устрашающее вторжение на территорию Малой орды. С одной стороны, предлагал заменить ослабшего хана Айшуака более молодым и дееспособным, а с другой, предлагал в ханы кандидата, чьим главным достоинством считал полное повиновение пограничной администрации, и сохранял значение ханского совета как сдерживающей силы. Но, пожалуй, самым значимым проектом князя Волконского стала разработанная им тактика проведения военно-политического демарша против Бухары и, в особенности, Хивы. Впервые не только в среде пограничной администрации, но и вообще среди российского чиновничества прозвучала мысль не о налаживании отношений с юго-восточными соседями России и не только о некоем политическом давлении на ханства, но о прямом захвате и возможном подчинении Хивы (скорее всего, как самого слабого ханства) империи. Иными словами, в самом начале XIX столетия в Оренбурге прозвучал мощный внешнеполитический аккорд – предложение военной экспансии вглубь Центрально-азиатского региона.

В это время империя уже чувствует себя в состоянии более жестко диктовать свою волю местным народам. В 1805 г. военный губернатор обратился к казахам Малой орды с требованием прислать в Оренбург представителей всех родов и отделений для избрания нового хана, ссылаясь на преклонный возраст и состояние здоровья правящего хана Айшуака [4, с. 164]. Российская администрация дважды объявляла о выборах, но если прежде их полагалось провести в Степи и никоим образом не регламентировать имперскими властями, то теперь было оговорено сужение количества участников церемонии, а само место ее проведения свидетельствовало о намерении пограничных чиновников проконтролировать и процедуру. А через год были утверждены Правила для ханского совета в Малой орде [4, с. 166–168]. В появлении этого органа безусловно видится стремление если не уничтожить ханскую власть, то сделать ее управляемой.

Отныне решение всех важных вопросов в Малой орде окончательно отходило от хана и становилось совместной прерогативой его и ханского совета в составе председателя, шести советников (по два от каждого поколения), письмоводителя и его помощника под контролем российской администрации. К их ведению, а также родоначальников (родоправителей), в первую очередь, были отнесены суд и расправа среди казахов. Причем со всеми трудными случаями хан с советом должны были обращаться к пограничному начальству. Подтверждая легитимность хана после его высочайшего утверждения, Правила фактически предоставляли ему лишь полицейскую власть, оставляя судебные полномочия в совместном ведении хана и совета. При этом уголовной инстанцией для казахов призвана была стать Оренбургская пограничная комиссия. Полицейская власть на местах должна была принадлежать родоначальникам и старшинам, подчинявшимся хану. На казахскую администрацию официально возлагались обязанности по предотвращению набегов на пограничную линию, разбирательство всех жалоб, претензий и споров местного населения, точное и незамедлительное исполнение распоряжений правительственных властей. В требовании препятствовать «возникновению» и усилению батыров следует усматривать не только отголосок движения Сырыма Датова и стремление избежать междоусобных конфликтов, но и ощутимое усиление влияния российской власти в регионе, которая теперь готова была в определенной степени отказаться от принципа «разделяй и властвуй», перейдя к прямому управлению Казахской степью. Примечательно и то обстоятельство, что теперь, с целью противодействия отгону скота и увозу людей, правительство отказывалось от барымты и карательных экспедиций (проводившихся, как правило, нерегулярными войсками) ради правительственных

действий, осуществляющихся преимущественно с применением регулярных военных формирований. В сферу особого внимания хана и его совета должно было попасть всё, что касается возвращения российских пленных и возмещения ущерба от разграбления караванов, а также сопровождения (за плату) купеческих караванов в степи.

Таким образом, правила для ханского совета весьма четко демонстрируют тенденцию к превращению Казахской степи из полувисимого владения в собственно имперскую территорию, где хан фактически становился российским чиновником, а его власть практически полностью ограничивалась советом. Отныне традиционные казахские властные институты не только попадали под полный контроль пограничной администрации, но и видоизменялись в угоду интересам империи. Оренбургский военный губернатор и Оренбургская пограничная комиссия вполне официально превращались в высшие административные органы Малой орды. При этом внешние атрибуты казахской независимости сохранялись.

Ситуация определенным образом осложнилась в 1811 г., когда в оренбургской степи, согласно высочайшей воле, приступили к избранию нового хана. Общество раскололось на две части. Во главе одной партии стоял султан Шергазы, во главе другой – султан Бокей. Многократные попытки военного губернатора примирить обе партии провалились: сторонники Шергазы, обвиняя Бокея в союзе с султаном Каратаем, обличенным в убийстве хана Жанторе, категорически отказывались избрать единого правителя. В этих условиях Г.С. Волконский решился предоставить казахам право выбора двух ханов. Однако и здесь губернатор пошел на серьезное нарушение многовековой традиции – «...воспретил им строжайше, чтобы избираемого в ханы *не осмеливались сажать на белую кошму* по киргизскому обычаю для качания в знак признания его ханом до того, пока не воспоследует на то высокомонаршая... воля...». В итоге представители внутренней части оренбургских казахов избрали ханом Бокея, а султаны и старшины зауральской части – Шергазы. Причем сторонники последнего, не желая мириться с нарушением своих прав, насильно увлекли его вдаль от назначенного для выборов места, посадили на белую кошму и провозгласили ханом. На следующий день ханом был провозглашен и султан Бокей. Сообщая о случившемся Александру I, оренбургский губернатор доносил, что считает такое разделение Малой орды на две части даже полезным для России, «...ибо при невозможности соединить киргизцев в одно мнение, разномыслие будет обессиливать их важнейшие покушения на пределы Российские...» [11, с. 48]. Весной следующего года Государственный совет утвердил избрание обоих ханов [11, с. 51].

Чрезвычайно важно обратить внимание на то, что приехав в Оренбург в 1817 г. новый военный губернатор Петр Кириллович Эс-

сен (1817–1830) изменил принцип формирования ханского совета. Вместо избрания, как это было в 1806 г., председателя и шести заседателей от каждого из трех поколений Малой орды, Эссен сместил всех членов совета и потребовал от Шергазы лично, без избрания, назначить представленных им кандидатов. Так председателем ханского совета стал противник хана Арынгазы Абулгазиев. Хан Шергазы сообщал в Петербург, что губернатор фактически отнял у него власть, постоянно угрожал лишить ханской власти, использовал российских военных для агитации в пользу Арынгазы, чем и спровоцировал просьбы об утверждении его в ханском достоинстве [10, с. 333–335]. Стремясь сохранить видимость традиционной власти в Степи, российские администраторы беззастенчиво воздействовали на нее в своих интересах, используя, как указывалось выше, межродовые противоречия во имя дестабилизации в орде, децентрализации власти и облегчения управления казахами из Оренбурга.

После утверждения в 1806 г. правил для ханского совета в Малой орде власть хана становилась все более номинальной. Решение всех важных вопросов (в том числе суд и расправа среди казахов) окончательно отошло от него и стало совместной прерогативой хана и ханского совета под контролем российской администрации. Правила четко продемонстрировали тенденцию к превращению Казахской степи из полузависимого владения в собственно имперскую территорию, где хан фактически становился российским чиновником, а его власть практически полностью ограничивалась советом. Они являются наглядным примером не только установления полного контроля пограничной администрации над традиционными казахскими институтами, но и их видоизменения в интересах империи. Оренбургские власти, под прикрытием внешних атрибутов казахской независимости, теперь официально стали высшими административными органами для Малой орды.

Список литературы

1. Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. – М.; СПб., 2015.
2. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. – М., 2014.
3. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. 3-е изд., испр. и доп. – Алматы, 2007.
4. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): сб. док. и материалов / ред. кол. М.О. Джангалин, Ф.Н. Киреев, В.Ф. Шахматов. – Алма-Ата, 1964.
5. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 2009.

6. Лапин Н.С. Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы). – Астана, 2012.
7. Любичанковский С.В. Политика генерал-губернатора О.А. Игельстрома по отношению к казахам (результаты контент-анализа документов Госсювета, 1787–1790 гг.) // Человеческий капитал. – М., 2012. – № 8. – С. 132–135.
8. Любичанковский С.В. Реляции О.А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи // Урал. ист. вестн. – 2013. – № 2(39). – С. 102–107.
9. Любичанковский С.В. Реформа управления казахской степью генерала Игельстрома в отражении опубликованных документов из архива Госсювета (конец XVIII века) // Четвертые междунар. востоковедческие чт. памяти Н.П. Остроумова. – Ташкент, 2014. – С. 139–147.
10. Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. / отв. ред. М.П. Вяткин. – М.; Л., 1940.
11. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1 / сост. М.Г. Масевич. – Алма-Ата, 1960.
12. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006.

Б.А. Алимджанов

Аграрная политика Российской империи в Туркестане: активное бездействие или пассивное вмешательство?

В статье рассматриваются перипетии аграрной политики Российской империи в Русском Туркестане. Основной акцент сделан на отношении администрации края к поземельным отношениям местного населения. Также в статье сравниваются результаты аграрной политики Российской и Британской империй.

The article discusses the main vicissitudes of the agrarian policy of the Russian Empire in the Russian Turkestan. The main focus is on the attitude of the local administration of the province to the land relations of the local population. The article also compares the results of the agrarian policy of the Russian and British empires.

Ключевые слова: Туркестан, поземельные отношения, Британская Индия, мильк, аграрная политика, метрополия, колония.

Key words: Turkestan, agrarian relations, British India, mul'k, agricultural policy, the metropolis, the colony.

Аграрная сфера считалась основным направлением в экономической политике Российской и Британской империй. Нужно отметить, что в Британской Индии в земледелии было занято 2/3 жителей, а в Туркестане более 86 % трудоспособного населения [1, с. 102; 11, р. 364]. Аграрная политика России и Британии в колониях были схожи, но имелись и существенные различия. И в Туркестане и в Индии имперские власти формально объявили землю государственной собственностью, давая понять, что они являются «преемниками» предшествовавших государственных образований. Но в дальнейшем аграрная политика метрополий начала различаться по форме развития сельского хозяйства. Британцы стремились превратить сельское хозяйство Индии в капиталистическое предприятие, т. е. создавали «новый» тип землевладельца и стремились разрушить сельскую общину. За образец брался английский лендлордизм и мелкий собственник – фермер, который стал бы катализатором реформ в Индии. В Туркестане русские власти не спешили разрушать вековые хозяйственные связи и способ производства, понимая, что новая русская власть еще не способна изменить существующие отношения на селе. В 1886 г. было принято «Положение», где была глава, посвященная аграрным отношениям в крае. Но документ существенно не изменял ситуацию в сельском хозяй-

стве края. Положение только юридически оформило существующие в крае аграрных отношений. Многие государственные деятели находили документ неудовлетворительным и предлагали изменить статьи относящиеся к аграрной сфере или принять новое положение. В течение долгого времени русские власти (до 1917 года) дискутировали об аграрной политике в Туркестане. Непрерывающиеся дискуссии по этому поводу в Туркестанском крае свидетельствуют о разногласиях внутри колониальных властей и о смутном представлении официальных лиц об экономических проблемах края.

Британцы в колониальной Индии установили несколько форм землевладений – заминдари, райятвари и махалвари, которые с течением времени видоизменялись. Внедрение рыночных отношений в сельской местности привело к обезземеливанию крестьян. В результате это привело к перенаселению села. Следствием этого становился перманентный массовый голод в стране. В Туркестане же основное население (более 80 %) состояло из мелких землевладельцев, которые имели от 1 до 5 га земли. Излишек сельского населения (мардикеры, чорикеры и коранды), находили себе применение в сезонных работах. Современный исследователь вопроса К.А. Фурсов считает, что «большинство споров в правящих кругах Российской империи о выработке аграрной (и не только) политики в Туркестане сводилось к вопросу: чему отдать приоритет – политическим или экономическим соображениям? Правительство, чиновничество выступали за приоритет политических соображений, за скорейшую интеграцию края в империю и прежде всего его налоговую эксплуатацию. Отсюда курс на русскую колонизацию. В аграрной политике это выразилось в стремлении сохранить собственность верховной власти (землю крестьянам – только в пользование). Складывающаяся русская буржуазия, напротив, отдавала приоритет экономической эксплуатации края. Промышленники-текстильщики стремились превратить Туркестан с его развитой хлопководческой отраслью в источник сырья (и рынок сбыта) для своих фабрик. Соответственно в вопросе собственности на землю фабриканты стояли за развитие в сторону частного землевладения» [5, с. 29].

По нашему мнению, эти «споры» об экономическом развитии края носили декларативный характер и предназначались для повышения «имиджа» государственного деятеля занимавшегося «проблемами» Туркестана, и никакого «буржуазного» пути для развития Туркестана не существовало. Даже прогрессивный государственный деятель А.В. Кривошеин предлагал колонизацию и «сильную руку» для края. «Реформаторская» риторика была направлена на внешний контур, только для стран-соперниц Российской империи. Российская империя стремилась создать ареол «просвещенной и

либеральной» колониальной политики. Именно Туркестан должен был служить лучшим «образцом» процветания для Британской Индии и соседних ханств.

Начиная с 1867 г. администрация края приступила к созданию новых поземельных отношений. Их юридическое оформление в крае длилось до 1886 г. «Положение» 1867 г., как писал К.П. Кауфман, «не содержит в себе никаких указаний на начала, коих местной администрации должно держаться в устройстве и регулировании отношений населения к земле» [3, с. 219]. В результате Кауфман был вынужден приступить к изучению шариатского поземельного права, чтобы на этой основе выработать новое поземельное законодательство. По этому вопросу начальник края писал: «...для выяснения настоящего положения землевладения, неизбежно, прежде всего, рассмотрение мусульманского земельного права, как осуществлялось оно до нас, в практике Кокандских и Бухарских властителей края» [3, с. 223]. Для изучения шариатских норм прав землевладения в край были приглашены лица с востоковедным образованием, такие как Д.И. Ростиславов, Н.Н. Пантусов, П.И. Пашино и др. Было определено, что в ханствах существовали следующие виды землевладения: 1) амляк – государственные земли; 2) мильк – частное землевладение (в основном эти земли принадлежали родственникам хана и дворцовой аристократии); 3) вакфы – земли принадлежавшие духовенству. Кауфман констатировал факт отсутствия понятия частной собственности в европейском понимании. То есть «согласно основными положениями мусульманской теории земельного права, все земли ислама суть земли государственные» [3, с. 229]. Именно неограниченное право государства на землю, по мнению Кауфмана, нанесло ущерб экономике края. Амляковые земли платили харадж (от одной десятой до половины урожая), мильковые и вакфные земли не облагались налогом. Русская администрация решила покончить с мильковым землевладением и сократить вакфное землевладение, так как «мильководельцы и мусульманское духовенство, отстаивающие свои поземельные претензии, составляют аристократический класс населения, политически нам враждебный, недовольный новым порядком, лишившим эти влиятельные сословия их прежней общественно-политической роли. Вопрос о привилегированном землевладении является, таким образом, вопросом о материальной силе туземной аристократии, интересы которой не примиримы с видами правительственными» [3, с. 243]. Ликвидация мильковых земель (мильки оставались за владельцами, если они могли предъявить документ, доказывающий привилегии владельца на землю), таким образом, был политическим актом, который укреплял русскую власть в крае. Вакфные земли были перерегистрированы и урезаны вчетверо. В итоге в

Туркестане основным сельскохозяйственным производителем стал мелкий собственник земли. А собственником земли была объявлена сельская община.

В 1873 и 1881 гг. К.П. Кауфман разработал проекты для упорядочивания поземельных отношений в Туркестане. Эти проекты не предполагали, как объяснял автор, «ни создания в Туркестанском крае частной собственности из земель податных, т. е. государственных, ни преобразования земледельческого туземного населения в класс крестьян собственников, ни вообще приурочения к делу поземельного устройства туземного населения правил и оснований крестьянской реформы» [3, с. 258–259]. Кауфман предлагал на разрешение законодательной власти лишь самые элементарные положения, клонившиеся к утверждению фактического землепользования в крае за теми же самыми владельцами [3, с. 258–259]. Он просто предлагал увеличить доходы казны и упрочить русское влияние в Туркестанском крае. Кроме того, он не забывал основную «миссию» администрации в крае, то есть колонизацию края, и замечал по этому поводу: «проектированное для края устройство земельное и податное нужно было, таким образом, не столько ради увеличения экономического благосостояния туземцев, сколько в интересах скорейшего разъяснения нашей правительственной программы по делам поземельным и создания в крае русской и туземной колонизации» [3, с. 262]. Но эти проекты не получили одобрения в правительстве. Министерство Иностранных дел было против всяких изменений в поземельном вопросе и усмотрело в политике Кауфмана «преждевременную и не оправдываемую обстоятельствами» реформу, так как «осуществление ее, повело бы за собой не благо для туземного населения и выгоду для интересов государственного казначейства, а пагубные общественные перевороты в крае и последствия в политическом отношении крайне опасные» [3, с. 254]. Министерство финансов увидело в поземельной политике генерал-губернатора «обширную экспроприацию земель туземцев в пользу казны» [3, с. 255]. Государственный контролер отметил, что «в коренном изменении того порядка поземельного устройства, которым довольно население и которое может обеспечить казне значительный доход не представляет надобности» [3, с. 255]. Невзирая на все возражения, Кауфман продолжал «самовольно» применять на практике принципы проекта 1873 г. Идеи проекта были внедрены в Ферганской долине в 1876 г., где К.П. Кауфман юридически укрепил за местным населением земли в форме постоянного пользования и заменил все налоги на государственную оброчную подать [2, с. 247].

Помимо кауфмановских существовала масса других проектов (напр., Н.К. Гирса, Н.П. Игнатьева и др.), которые предлагали свое

видение развития поземельных отношений в Туркестане. Так, Н.К. Гирс предлагал следующее: «ст. 102. Земли и угодья, занимаемые селениями, закрепляются на правах полной собственности, за каждым из владельцев по обычаю». То есть речь шла о развитии капиталистических отношений в Туркестане. Противоположный проект выдвинул граф Н.П. Игнатъев. В ст. 255. утверждалось: «Земли Туркестанского края, за исключением состоящих на праве полной собственности, остаются государственными». Тем самым Игнатъев предлагал превратить в Туркестан в русскую вотчину [6. Д. 26. Л. 26 об.].

«Положение» 1886 г. стало компромиссом между разными подходами о будущем развитии Туркестана. Был выбран средний путь развития поземельных отношений. Ст. 255 «Положения» гласила: «...за оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его владении, пользовании и распоряжении, на установленных местным обычаем основаниях». Препятствием к признанию за населением Туркестана прав частной собственности на землю считалась особенность среднеазиатского земледелия, основанного на искусственном орошении [4, с. 152]. Земли, находящиеся в пользовании кочевников были признаны собственностью государства и были отданы им в их пользование по обычаю. Фактически в Туркестане существовало три вида земельной собственности: 1) землевладение на праве личной собственности – к таким землям относилась большая часть орошенных земель в Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской областях; размеры этих участков были крайне невелики и средний размер землевладения в Ферганской области не превышал 5 десятин, в Самаркандской 7, а в Сырдарьинской 10 десятин; 2) государственные земли, принадлежащие кочевникам, на правах пользования; 3) вакфные земли, которые принадлежали духовенству, мечетям и медресе [8, с. 66–68]. Крупное землевладение в Туркестане не получило развития. Как писал агроном А. Шахназаров, «экстенсивное хозяйство на орошенных землях вести немыслимо, так как одни только сооружения при проведении воды к растениям требуют больших затрат труда. Отсюда и понятно, почему крупное землевладение, вооруженное даже большими оборотными капиталами, оказалось несостоятельным» [8, с. 68–69].

В отличие от Британской Индии в Туркестане общинное землевладение не претерпело значительных изменений при русской власти. Если в Индии главной задачей властей было разрушение сельской общины, то в Туркестане администрация стремилась законсервировать сельскую общину. 10 июня 1900 г. Государственный Совет внес изменения и дополнение в 255 статью «Положения». Закон, устанавливая принцип частной собственности на местных обычаях, в то же время устанавливал

нового владельца в лице сельского общества, за которым утверждались эти земли [8, с. 70].

В начале XX в. возникла необходимость изменения существующих поземельных отношений в крае. Невзирая на развитие сельского хозяйства, русская власть не спешила внедрять полную частную собственность на землю [7. Д. 1721. Л. 13]. Но официальные власти понимали, что рыночные механизмы для дальнейшего развития Туркестана необходимы. 10 июня 1900 г. Государственный Совет принял дополнения к «Положению» Туркестанского края. Здесь признавалось, «хотя в означенных постановлениях (имеется в виду ст. 255–263 «Положения») вполне проявилось стремление нашего законодательства к закреплению за населением Туркестана находящихся в его владении земель, однако существующие законоположения не создали в Туркестанском крае института частной собственности. Неудовлетворительность такого положения очевидна, и представляется настоятельно необходимым разрешить рассматриваемый вопрос в смысле признания за туземным населением права собственности на принадлежащие ему земли» [7. Д. 1721. Л. 13 об.]. Несмотря на все резолюции в реальной жизни основные положения и принципы Кауфмана действовали в Туркестанском крае до 1917 г.

В Британской Индии к земельному вопросу отнеслись иначе, чем в Русском Туркестане. Если русские власти стремились исходя из законов шариата решить поземельные отношения в крае, то в Британской Индии к делу подошли практически: в основу земельной политики легла английская система землевладения. Парадокс такого подхода к землевладению состоял в том, что англичане объявили все земли государственными по праву завоевания. Британцы, как и русские, исследовали и изучали местное землепользование, но выводы у них получились иные. Британцы «видоизменили» существующие отношения землепользования, а русские все оставили «по-старому», исключение составило крупное землевладение, которое было уничтожено. Причина такого подхода к аграрной проблеме кроется в следующем: русские столкнулись в Туркестане с более однородным составом населения, которое развивалось в едином культурном и экономическом поле. А британцы столкнулись с разнородным составом населения, которое сильно отличалась друг от друга в культурном, экономическом и языковом отношениях [9, с. 109]. Разнородность населения и стала препятствием для англичан в проведении успешной экономической политики в стране, и поэтому британцы, видоизменив статус местных землевладельцев, превратили их в основных поставщиков налогов для казны. Между метрополией и местной администрацией существовали разногласия по аграрной проблеме: метрополия

временами настаивала на ускорении реформ в стране [10, р. 281–182], а местная колониальная бюрократия не спешила с преобразованиями, так как понимала опасность необдуманных реформ. Метрополия опиралась в своих рекомендациях, скорее всего на английский опыт проведения реформ и «свысока» оценивала ситуацию в колонии, а местная бюрократия находила решения проблем из необходимости, т. е. индийская действительность была сильнее любого циркуляра из Лондона. Противоречия между метрополией и колониальной местной администрацией была кажущейся, на самом деле Лондон взваливал всю ответственность на местную бюрократию. Похожая ситуация наблюдалась и в Российской империи. Временами метрополия отправляла «ревизии» в Туркестан, которые вскрывали все «недочеты» местной колониальной администрации. Но, в конце концов, местная бюрократия сама принимала решения, которые отвечали бы интересам края и метрополии. Во многих случаях новоиспеченные вице-короли Индии и генерал-губернаторы Туркестана старались провести реформы в доверенных владениях, но после первого провала они охладевали и возвращались к реальности.

Аграрная политика Российской империи предполагала создание в Туркестане развитой сельскохозяйственной структуры, которая обслуживала бы русскую промышленность. Но вместо этого, в Туркестане не была проведена модернизация края по мировым стандартам. Русская администрация стремилась собственными силами Туркестана преобразовать край в развитый агропромышленный комплекс. Влияние имперской аграрной политики на местное население была минимальной, так как русская администрация активно не вмешивалась в производственную структуру края. Основными производителями являлись местные дехкане, которые своими силами производили нужную продукцию для метрополии. Само население края активно включалось в рыночные отношения, а администрация и высшие круги империи сдерживали экономическое развитие края, так как боялись модернизации «снизу», которая бы, по их мнению, нарушило бы нормальное развитие края.

Список литературы

1. История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 2. – Т., 1956.
2. Отчет о состоянии Туркестанского края, составленный сенатором, тайным советником Гирсом, командированным для ревизии края по Высочайшему повелению. – СПб., 1883.
3. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 гг. Составлен титулярным советником П. Хомутовым. – СПб., 1885.

4. Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане (В проектах и законах 1867–1886 гг.). – Т., 1963.
5. Фурсов А.К. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток (Oriens). – 2010. – № 6. – С. 28–44.
6. Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 25.
7. Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 27.
8. Шахназаров А.И. Сельское хозяйство Туркестана. – М., 1908.
9. Шейэ Ж. Современная Индия. Ч. II. – М., 1913.
10. Dutt R. The Economic history of India. V. II. – L., 1904.
11. Fraser R.W. British India. – L., 1918.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 93/94(470.62/67)

Н.О. Блейх

Вопросы семейной организации северокавказских народов в XIX – начале XX в.

В статье повествуется о том, что в условиях переходного состояния семейной организации автохтонного населения Северного Кавказа в XIX – начале XX в., «классические» большая и малая семья были не единственными, а лишь начальной и конечной формами бытового устройства. Лежавшие между ними промежуточные виды, будучи временными и нестабильными, до сих пор не стали предметом теоретического осмысления исследователей, а между тем они не могут быть сброшены со счетов при характеристике семейной организации и быта. Автор на основе архивных и документальных материалов восполняет данный пробел этнографии.

In the article it is narrated, that under the conditions of the transient state of the family organization of the autochthonic population of the North Caucasus at XIX – the beginning XX centuries, the “classical” large and small family were not the only, but the initial and final forms of everyday life. The intermediate forms between them, being temporary and unstable, until now, did not become the object of the theoretical comprehension of researchers, and meanwhile they cannot be ignored in the characteristic of family organization and way of life. The author on the basis of archive and documentary materials fills this gap of ethnography.

Ключевые слова: большесемейная организация, видовая типологизация, горские народы, нуклеарная семья, Северный Кавказ.

Key words: large-family (bolshesemeynaya) organization, specific classification, mountain peoples, nuclear family, the North Caucasus.

В современной научной литературе до сих пор нет общепринятой терминологии видовой классификации семейной организации; не стали предметом особого теоретического осмысления или, точнее говоря, стали им лишь в той мере, в какой это касалось исторических типов большой семьи промежуточные формы семейной организации у народов Северного Кавказа. Поэтому мы позволим себе более подробно остановиться на этих и других дискуссионных вопросах, касающихся семейной организации народов Северного Кавказа.

Как известно, за основу классификации семьи берется разделение её на два основных вида – малую и большую. Однако эта терминология говорит не о численности, а скорее о строении

семейной бытности. Малая семья включает в себя только одну вертикаль – супружескую пару с неженатыми детьми или без таковых. Поэтому в бытовом отношении её называют элементарной, а в научном значении – нуклеарной (от лат. «*nucleus*» – «ядро»). Большая семья представлена двумя и более вертикалями родственников и потому в домашнем обиходе её называют сложной, а в научной терминологии – неразделенной и общинной. Эти семьи имеют также свои подвиды. Так, нуклеарная семья делится на простую (супруги с детьми) и усложненную (супружеская чета с детьми и один из родственников), большая семья подразделяется на расширенную (появляется при увеличении малой семьи) и составную (складывается при полигамии). В свою очередь расширенные семьи делятся на отцовские (науч. – корневые) и братские (науч. – горизонтальные).

Некоторые ученые выдвигают мнение о том, что из покон веку все семьи были расширенными, но затем с расслоением общества, они стали распадаться на элементарные. Это утверждение, на наш взгляд, верно отчасти. Дело в том, что в семейной ячейке, как и в экономике (доказано И. Кондратьевым), существует определенная цикличность, в результате которой малые семьи имеют тенденцию к разрастанию, а достигнув определенной степени зрелости, дробятся, снова превращаясь в элементарные. И что немаловажно, мы видим, как семьи разных формаций соседствуют и мирно сосуществуют друг с другом. В этом есть некая историческая справедливость: в условиях преобладания натурального хозяйства требовалось много рабочих рук, имеющихся в расширенных семьях, а с развитием производства и НТР, когда такая надобность отпадает, корневые и горизонтальные семьи чаще начинают превращаться в нуклеарные. Однако на Северном Кавказе большесемейная организация смогла сохранить свою целостность вплоть до начала XX в. (намного дольше, чем в центральной России). Выясним, что же являлось цементом её столь долгого функционирования.

Сохранение на долгое время больших семей (у осетин они просуществовали долее других народов Северного Кавказа) имело своим основанием, прежде всего, социально-экономические факторы, хотя нельзя сбрасывать со счетов и идеологические моменты семейно-родового культа. Помимо этого имелись и другие немаловажные причины этому, заключавшиеся:

- в трудных условиях хозяйственно-бытовой жизни, которые составляли удобную форму организации коллективного труда, столь необходимого в горных условиях;

- в эпоху родового строя, а затем феодализма большая семья в общественном отношении имела больший вес, чем малая,

немногочисленная семья. В обществе такая семья могла с успехом отстаивать свои права или даже притязания, в то время как интересы малой семьи зачастую оказывались ущемленными;

- опасность насилия со стороны чужеродцев поддерживала долгие века необходимость жить большесемейным коллективом [1, с. 45].

Как видим, существовало множество позиций столь долгой «живучести» сложных семей у горцев и потому мы согласны с авторитетным мнением А.Х. Магометова о том, что «утверждения отдельных авторов об устойчивости большесемейных отношений, покоившиеся исключительно на идеологическом единстве и авторитете главы семьи, не имеют под собой почвы» [10, с. 160]. Как бы солидируясь с ним, путешественник Л. Штедер писал: «Никакое принуждение не поддерживало семейную связь, только боязнь собственной слабости и надежды на лучшее пропитание связывали их крепче в одно общество» [15, с. 30].

Как видим, в Северокавказском крае упор делался на большие, патриархальные семьи, что было отмечено всеми побывавшими здесь исследователями и путешественниками. Однако в этом контексте остаётся дискуссионным вопрос о численности семейной группы у различных горских этносов. К примеру, адыги, по сведениям Т. Лапинского, «...проживали одним семейным коллективом, включающим от 20 до 100 человек» [9, с. 321]. С этим утверждением согласны и современные ученые (Н.Г. Вербецкий, Е.Н. Студенецкая, Т.Т. Шикова и др.). Но иной точки зрения придерживается проф. В.К. Гарданов, отмечающий более малую численность адыгской семейной ячейки (до 8 чел. – 83,5 %, 8–10 – 8 %, свыше 10 – только 9,4 %) [3, с. 421].

Не менее спорны данные о численности домоладцев у других северокавказских этносов. К примеру, у осетин, по описаниям М.М. Ковалевского, «...крестьянское подворье представляло собой группу лиц в 20, 40, 60, 100 человек или более того» [8, с. 31]. Причину этого ученый видел в том, что разъезд «между братьями при жизни родителей был явлением редким и ненормальным». Тот же момент зафиксировал и Н.Н. Харузин, говоря о том, что, даже женившись, сыновья оставались жить с родителями» [18, с. 133]. Однако найденные нами архивные материалы свидетельствуют о том, что средний подушный размер горской семьи составлял: у дагестанцев – 8,6, у чеченцев – 4,8, у ингушей – 6,7, у осетин – 6,8 чел. [14. Д. 20. Л. 1–64].

Как видим, налицо явное несоответствие фактов, запечатленных в архивных документах и этнографическом материале. По идее мы могли бы отдать явное предпочтение демографической статистике и сделать выводы о наличии в

XIX столетии преобладании нуклеарной ячейки общества, однако, как справедливо отмечал проф. Б.А. Калоев, «количественные выкладки также нуждаются в критическом подходе и на этой почве – внесения этнографической коррекции» [7, с. 212]. По нашему мнению, преуменьшение реального численного состава своих семей горцы делали сознательно для уменьшения различных податей, облагаемых подушно. А с окончанием Кавказской войны, когда хозяйства стали облагаться подымными налогами, не влияющими на количество ртов, сама община стала вмешиваться в хозяйственный быт горцев, запрещая им реальный раздел семей. Как видим, статистика отражает переходное состояние больших семей, при котором все семейные ячейки рассматривались как отдельные домохозяйства. Вышесказанное приводит нас к мысли, что в критическом подходе нуждаются не только статистические, но и этнографические выкладки. К примеру, оценивая популярные в этнографии сведения о том, что взрослые сыновья продолжали проживать с родителями до самой смерти последних, не следует забывать, что в XIX столетии средняя продолжительность жизни в России составляла только 33 года, а на Северном Кавказе, в одной из отсталых социально-экономических окраин империи, и того меньше – 30 лет [19. Д. 8. Л. 1]. И потому в большинстве случаев такое совместное проживание не могло продолжаться долго. Но еще важнее другое. Из сообщений о совместном, нераздельном проживании взрослых женатых сыновей с родителями или братьями далеко не всегда прослеживается степень нерушимости большесемейных коллективов. Здесь мы снова сталкиваемся с той неисследованностью распадного состояния расширенных семей, которое прослеживается в этнографической науке. В значительно лучшем научном освещении находятся тенденции развития семейной ячейки и ее особенности у отдельных народов и групп населения Северного Кавказа, хотя и здесь имеются «подводные камни».

Так, некоторые представления о соотношении большой и малой семьи в горах и на равнинах в конце XIX – начале XX в. дают следующие показания: в 1880-х гг. в Мухолском обществе горной Балкарии имелось 15 %, а в Санибанском обществе горной Осетии – более 22 % семей, насчитывавших свыше 15 чел. [19. Д. 8. Л. 219 об]. Еще более высокую долю больших семей в начале XX в. указывают для ряда балкарских обществ А.И. Мусукаев (около 40 %) [13, с. 18–20], а для Дагомского прихода Осетии – А. Скачков (95 %) [17, с. 34], в Карачае, по сведениям Б.В. Миллера, почти не наблюдались элементарные семьи [12, с. 461]. В то же время уже в 1886 г. на 12 равнинных селениях Адыгеи имелось лишь 8,5 % [16, с. 61], а в 24 равнинных селениях Чечено-Ингушетии – только 3,5 % семей

численностью свыше 10 чел. [4, с.10–11]. При всей условности этих данных, о чем говорилось выше, они, видимо, позволяют считать, что к началу XX столетия большесемейная организация в той или иной степени сохранялась у карачаевцев и балкарцев, а у других народов региона – главным образом в среде еще не переселившегося в равнинные районы населения. Для жителей же равнинных районов можно считать установленным, что у них уже во второй половине XIX в., если не еще раньше, абсолютно преобладали малые семьи.

Но это – решение вопроса лишь в первом приближении. В условиях того переходного состояния, в котором находилась семейная организация значительной части коренного населения Северного Кавказа в XIX – начале XX в., «классические» большая и малая семья были не единственными, а лишь начальной и конечной формами. Лежавшие между ними промежуточные виды, будучи временными и нестабильными, не привлекли к себе особого внимания, а между тем они не могут быть сброшены со счетов при характеристике семейной организации и быта. Так, по данным исследователя Х.М. Думанова, основанным на архивных и полевых материалах, у кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в. при семейных разделах в большинстве случаев делилась не земля, а собранный с нее урожай [5, с. 73]. По сведениям М.А. Меретукова, у всех адыгов новообразованные малые семьи не только продолжали жить в одной усадьбе, но и первое время сохраняли остатки коллективной собственности, а глава прежней семейной общины, если он был жив, «удерживал некоторую власть над членами новых семей» [11, с. 265–266]. Сходная ситуация зафиксирована А.И. Мусукаевым в Балкарии, где «нередко наблюдалось, что после раздела большой семьи малые семьи женатых сыновей в течение нескольких лет продолжали жить в одном дворе, ведя совместное хозяйство до тех пор, пока экономические возможности семьи не позволяли им произвести реальный раздел» [13, с. 21]. То же сообщает Б.А. Калоев об осетинах: «...после раздела семейной общины, если между братьями сохранялись хорошие отношения, они продолжали совместно владеть пахотными и сенокосными участками, мельницей и другими хозяйственными постройками, а в горах – и отцовским домом, который делили на отдельные ячейки» [7, с. 209]. Нечто подобное имело место, по мнению Н.П. Гриценко, у чеченцев и ингушей, что рисуется им, впрочем, несколько противоречиво: «Если более пристально приглядеться к «большим семьям», то они не представляли единой ячейки в полном смысле этого слова. Обычно в одном дворе находилось 2–3 дома, в которых по сути дела жили 2–3 самостоятельные семьи. Юридически они считались одной семьей для того,

чтобы не дробить накопленного богатства – скота, земли и пр.» [4, с. 11].

Все эти примеры важны в том отношении, что они четко показывают несовпадение семейного и домашнего циклов, а это в свою очередь до крайности затрудняет определение самого типа семьи. В самом деле, и патриархальная и элементарная семья являются одновременно и локализованными и экономическими общностями ближайших родственников и свойственников; приведенные же факты говорят о расхождении этих характеристик. С одной стороны – сегментация, раздел, нарушение строгого локального единства, с другой – более или менее выраженное сохранение экономической целостности. Перед нами семьи не большие и не малые: это семьи переходного типа.

Эта динамическая ситуация – наличие не только двух основных типов семьи, но и их разнообразных подтипов – в значительной степени сближала жизненный уклад всех вообще дореволюционных горских семей. И это позволяет нам говорить не только о специфических особенностях структуры и быта больших и малых семей, но и о том общем, что было свойственно старокавказскому семейному быту в целом.

Еще одним фактором известного единообразия быта различных типов старокавказских семей была включенность многих, если не большинства из них в состав близкородственных объединений – семейно-родственных групп или патронимий. В ней человек ощущал тесную связь с членами не только собственной, но и других родственных семей, не мыслил свою семью, по крайней мере во многих отношениях, как некую самостоятельную категорию. Это в равной степени относилось к членам как больших, так и малых семей: ведь и те и другие одинаково входили в состав патронимии. Рассмотрим их подробнее.

Горская семейная ячейка строилась на основе патрилокального или вирилокального брачного поселения [3, с. 23]. Исключения из этого установления были редки. Как всегда в семье патриархального типа, главой являлся самый старший по возрасту мужчина. Во главе нуклеарной семьи стоял непосредственно супруг, причем сложную малую семью мог возглавлять его отец или неженатый старший брат, главой большого семейного коллектива был отец или старший из братьев. В сложных семьях нередко случалось, когда после смерти главы семьи старший из братьев добровольно отказывался и передавал бразды правления следующему по старшинству брату. Бывало также, что главой расширенной семьи становилась старшая женщина. Но это не было возведено в ранг правила, а являлось скорее исключением. В малых семейных группах после смерти главы семейства верховенство переходило к

взрослому сыну, а если таковых не находилось, то по решению сельского общества назначалась опека кого-либо из родственников-мужчин. Лишь в самом конце XIX в. стали появляться отдельные малые семьи, возглавленные вдовами, которым судебным решением поручалась опека над их малолетними детьми.

Разновидность семьи накладывала свои особенности и на бытовое существование семейной группы. В сложной семье, как бы велика она ни была, все её члены жили вместе: у одних этносов – в разных частях одного дома (чеченцы, ингуши, дагестанцы), у других – в различных постройках при дворе (осетины, карачаевцы, балкарцы), у третьих – приветствовалось смешанное проживание (адыги, черкесы) [7, с. 217]. Хозяйство велось сообща под руководством «старшего» и «старшей», распорядившихся соответственно мужской и женской частью семейного коллектива. Такое разделение труда у разных народов Кавказа имело свою специфику. К примеру, равнинные осетины занимались всеми видами земледелия, обработкой камня, заготовкой дров и т. д., их женщины ведали всеми домашними работами, они не привлекались к полевым работам, а их участие в скотоводстве обычно ограничивалось доением молочного скота и чисткой хлевов. В горных районах Чечни и Ингушетии мужчины занимались отходничеством, а домашние промыслы сохранялись полнее, женщины широко участвовали в молотье и уборке урожая, занимались обработкой шерсти, кож и т. п. Сходным было разделение труда в адыгской и балкарской семье. У карачаевцев женщины шире, чем у других народов края, участвовали в скотоводстве, в том числе отгонном [11, с. 265]. Но в целом, как правило, у всех народов края мужчины занимались земледелием и пастбищным скотоводством, на женщинах лежала работа по дому и значительная часть домашних промыслов, подростки же помогали взрослым. Иногда в большой семье существовала своего рода специализация: один из мужчин ведал скотом, одна из женщин – заготовкой продуктов впрок и т. п., но чаще различные работы выполнялись поочередно. Разделение трудовых повинностей по половому признаку регламентировались очень строго. Считалось неприличным, чтобы мужчина вмешивался в женские, а женщина – в мужские дела [14. Д. 20. Л. 13–27].

Потребление в неразделенной семье также было совместным. Пищу дважды в день готовила «старшая» или одна из невесток в общем котле, ее съедали за общим столом, за который садились сперва мужчины, а затем женщины и дети. В разросшихся семьях ели в три очереди (старшие мужчины, молодые мужчины и женщины с детьми) или же разносили пищу по помещениям отдельных супружеских ячеек.

Что касается малой семьи, которая стала преобладать во второй половине XIX в., то её среднедушевая численность составляла 6–7 чел. [1, с. 52]. В нуклеарном семейном коллективе права старших ничем не отличались от функциональных обязанностей отца и матери патриархальной семьи, однако отношения между всеми домочадцами были более демократичными.

Иной состав семейной группы и иная, чем в семейной общине хозяйственная основа, меняли распорядок жизни этого коллектива. В элементарной семье, часто имевшей в своем составе лишь двух полноценных работников, на их долю выпадало значительно больше обязанностей. Женщина здесь чаще участвовала в земледельческих работах, главным образом в уходе за посевами и последующей уборке урожая; подростки раньше и полнее втягивались в крестьянский труд. Заметим, что отчасти именно различиями в виде семейных отношений объясняется у некоторых авторов (А.Н. Дьячков-Тарасов, С.Б. Сиюхов, Б.Б. Хубиев и др.) противоречивость литературных сообщений о степени участия женщины в работах за пределами дома. Но с другой стороны, здесь, конечно, сказывались и особенности хозяйственного быта отдельных народов Северного Кавказа и их различных – равнинных или нагорных – территориальных групп.

В индивидуальной семье женщина в силу описанных причин пользовалась значительно большей самостоятельностью. Муж не мог не признавать той роли, которую жена в действительности играла в хозяйстве и вообще в жизни семейной группы. Поэтому взаимоотношения между супругами в такой семье заметно отличались от тех, которые имелись обычно в сложной семье. Иные были здесь и отношения между отцом и детьми. Воспитанием мальчиков с малых лет уже занимался сам отец [7, с. 215].

В элементарной семье родителю уже не приходилось скрывать свои чувства к детям, избегать разговоров с женой. Вообще сам строй жизни и хозяйственный уклад индивидуальной семьи отбрасывали в сторону многие из тех условностей, которые были свойственны большой патриархальной семье. Здесь реальная жизнь брала верх.

Таким образом, на всем протяжении человеческой истории у всех северокавказских народов существовало две формы семьи – большая (семейная община) и малая (нуклеарная). Поколенный и численный состав как большой, так и малой семьи мог быть различным. Только с известной долей приближения можно согласиться, что большая семья состояла из трех-четырех поколений, а малая насчитывала два, реже три поколения. Разумеется,

упоминаются и намного более крупные семьи (например, 40–60 чел. у осетин), но они и не приводятся в качестве типичных. Семейной общине было свойственно общее (коллективное) ведение хозяйства и общность интересов. Во главе её стояли старшие, которые решали все вопросы семейного быта. Патриархальные семьи просуществовали до конца XIX в. Из-за изменения экономико-политической обстановки большесемейные отношения стали постепенно ослабевать, что в конечном итоге привело к их распаду и замещению элементарными семьями. И, тем не менее, малая, моногамная семья не освободилась до конца от патриархальных устоев. В ней, как и в большой семье, поддерживалось строгое начало по мужской линии, со счетом родства по отцу и с мужским правом наследования. Элементарная семья унаследовала также многие из тех черт, которые были свойственны пережиточной форме семейной общины, и с небольшими изменениями дожила до наших дней, став преобладающей формой семейной организации в современном обществе.

Список литературы

1. Блейх Н. Социокультурная парадигма становления просветительства на Северном Кавказе: моногр. – Владикавказ, 2009.
2. Бромлей Ю.В. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. – М., 1972.
3. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). – М., 1967.
4. Гриценко Н.И. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период // Чечено-Ингушский науч.-исслед. ин-т истории. – Т. 5. – Вып. 1. – Грозный, 1964.
5. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). – Нальчик, 1976.
6. Калоев Б.А. Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). – М., 1951.
7. Калоев Б.А. Народы Кавказа. – Т. 1. – М., 1960.
8. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. – Т. 2. – М., 1890.
9. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961.
10. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). – Орджоникидзе, 1974.
11. Меретуков М.А. Семейная община у адыгов // Уч. зап. адыгского научного института исторических исследований. – Нальчик, 1970. – Т. 2.
12. Миллер Б.В. Из области обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение. – 1902. – № 1–4. – С. 20–34.
13. Мусукаев А.И. Из прошлого забытого (к вопросу изучения этнографии дореволюционной Балкарии). – Нальчик, 1975.
14. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра и

Правительства Республики Северная Осетия-Алания. (НАСОИГСИ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 20.

15. Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. – Орджоникидзе, 1940.

16. Очерки истории Адыгеи. – Майкоп, 1957. – Т. 1.

17. Скачков А. Опыт статистического исследования горного уголка // Терские ведомости. – 1905. – № 219. – С. 56–59.

18. Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Изв. Чечено-Ингушского науч.-исслед. ин-та краеведения. – Грозный, 1988. – Вып. 3. – С. 122–123.

19. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 22. Оп. 1. Д. 8.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47)«1850/1917»:316.74:37

В.А. Веременко

Пансионаты в России во второй половине XIX – начале XX в.

В статье анализируется организация жизни школьников в частных пансионатах России во второй половине XIX – начале XX в. Обращается внимание на то, что различия в формах создаваемых в стране пансионатов были обусловлены теми задачами, которые ставили перед собой их владельцы. Среди этих задач наиболее распространенными были: получение прибыли, оказание помощи иногородним родителям в обучении детей и реализация передовых педагогических установок.

The article analyzes the organization of pupils' life in a private boarding school of Russia in the second half of XIX – early XX centuries. Attention is drawn to the fact that differences in the forms of boarding schools created in the country were caused by the owners' tasks. Among these tasks, the most common were: profit, helping to nonresident parents to educate children and implementation of advanced educational systems.

Ключевые слова: пансионаты, частные учебные заведения, совместное обучение, элитные школы, общежития.

Key words: boarding schools, private schools, co-education, elite schools, dormitories.

Под пансионатами в дореволюционной России подразумевались учреждения двух видов: 1) это были закрытые частные учебные заведения, наиболее широко распространенные в период до 1870-х гг. В дальнейшем (в связи с развитием сети открытых учебных заведений) многие пансионаты, особенно женские, перепрофилировались в учебные заведения по подготовке детей к обучению в собственно средней школе, давая образование на уровне пригготовительного и 1–2-го классов учебных заведений Министерства народного просвещения [7, с. 51–52]. 2) пансионатами назывались своего рода общежития (как частные, так и государственные) при открытых школах, куда можно было поместить ребенка, родители которого проживали вне местности обучения. Заметим, что часть открытых средних учебных заведений стала таковыми во второй половине XIX в. путем допуска проходящих учеников и полупансионеров в бывшие закрытые учреждения [3].

Существовало три основные причины, побуждавшие частных лиц к открытию пансионатов. Во-первых, это стремление к извлечению материальной выгоды. Для многих женщин – начальниц и владелиц пансионатов – это был единственный способ обеспечить существование себе и своим семьям, поэтому с одной стороны, они устанавливали высокую стоимость обучения/пребывания детей, которая могла превышать 600 р. в год, а с другой пытались максимально сэкономить на пансионатах. Во-вторых, благотворительная деятельность, когда частное лицо (или сословно-общественное учреждение) оказывало помощь в воспитании и обучении детей нуждающихся представителей своей социальной группы или жителям той или иной местности. Во второй половине XIX – начале XX в. в связи с серьезным ухудшением экономического положения дворян [5], практически в каждом регионе открывались специализированные дворянские пансионаты, содержавшиеся на средства частных благотворителей или местных дворянских обществ. В-третьих, значительно реже, чем в первых двух случаях, такие частные пансионаты создавались для реализации передовых педагогических установок, апробации в России достижений западной и отечественной педагогической мысли [8, с. 5; 14; 11. Д. 1316; 1334]. Каждая из целей организации пансионата, несомненно, отражалась на условиях быта школьников в стенах того или иного заведения.

В большинстве случаев жизнь учащихся в пансионатах заметно отличалась от закрытых элитных школ, где действовала строгая «английская система» с железной дисциплиной, ранними подъемами и «спартанскими» условиями быта [3]. Конечно, многое зависело от позиции хозяина (хозяйки) – начальника (начальницы) конкретного пансионата, некоторые из которых стремились насколько возможно дублировать правила казенной закрытой школы, но, в большинстве случаев, условия жизни в пансионатах (в том числе и в отношении правил гигиены и санитарии) были проще и подвергались меньшей регламентации [6, с. 171–172; 8, с. 6–7]. Недаром мемуаристы, которым пришлось побывать и в частных пансионатах, и в казенных закрытых учебных заведениях, в один голос отмечали отсутствие «казенщины», домашний характер отношений между детьми и персоналом в пансионате, где было «не житье, а масленица» [16, с. 130–131]. Созвучные оценки и образы обнаруживаются и в художественной литературе того времени. Так, в «повести для юношества» Л.А. Чарской – «Ради семьи», действие которой разворачивается в одном из частных женских пансионатов Санкт-Петербурга, рисуются близкие, свободные отношения между персоналом и девочками. Причем одна из воспитательниц, всеобщая любимица Магдалиночка, несмотря на тяжелую стадию чахотки(!), живет в одном помеще-

нии с ученицами, которые выражают свою любовь к ней объятиями и поцелуями [13].

Частный характер большинства подобных учреждений делал в них возможным то, что представлялось совершенно недопустимым в казенной школе, например, совместное обучение мальчиков и девочек [2; 4]. Если в 50–70-е гг. XIX в. эти новации чаще всего осуществлялись «в силу необходимости», являясь следствием отсутствия достаточного числа средних учебных заведений в конкретной местности или способом увеличить контингент, а вместе с ним и доход заведения [6], то в конце XIX – начале XX в. – всё чаще как сознательно проводимая мера [14, с. 1–2; 4]. Впрочем, проверяющие инстанции, как правило, либо негативно, либо с изрядной долей осторожности относились к этой практике. Поэтому руководителям пансионатов, по крайней мере до начала XX в., приходилось прибегать к различным ухищрениям, например, выставлять кого-либо из персонала для «дозора». Как только проверяющий приближался к зданию пансионата, мальчики, по указанию учителя, должны были моментально перейти в другое классное помещение [1, с. 24–25].

В дореформенное время во многие из пансионатов дети принимались вместе с личной прислугой, в обязанности которой входил уход за ребенком и его вещами, а также контроль и информирование родителей обо всех обстоятельствах жизни школьника. По воспоминаниям современников, в этой среде нередко происходили «стычки и баталии» на почве разногласий «об исключительном благородстве той дворянской фамилии, юный отпрыск которой вверен был заботам той или другой горничной». Конечно же, «всякий такой скандал мгновенно облетал весь пансион, а воспитанницы принимали участие в происшедшей ссоре и вступались за ту или другую сторону» [16, с. 130–131]. Если же родители не имели возможности приставить к детям собственную прислугу (или это не допускалось правилами учебного заведения), то они стремились дать отпрыску необходимые наставления, тексты которых содержали инструкции на все случаи жизни, а одним из пунктов было обязательное требование отчитываться в форме дневника и/или писем о каждом прожитом дне [9. Д. 11. Л. 1–2].

В пореформенные десятилетия, в связи со значительными изменениями в экономико-социальном положении российского дворянства [5], практика отправки прислуги в пансионаты вместе с дворянскими детьми полностью сошла на нет.

К концу XIX в. основная масса пансионатов была рассчитана не более чем на несколько десятков человек. Очень часто для них выделялся отдельный этаж, а то и просто две или три комнаты в здании учебного заведения, в котором помимо пансионеров учились

еще приходящие ученики и полупансионеры (т. е. те, кто получали в школе питание, но ночевать уходили домой). Соответственно и подход хозяев пансионатов к детям мог быть двояким: либо просто обеспечение нуждающихся кровом, но без особого контроля над их жизнью, деятельностью, соблюдением гигиенических норм и пр., либо специально организованное совместное проживание, с тем, чтобы «постоянная совместная жизнь детей с учительским персоналом создала из школы большую семью, где полная свобода ребенка тесно слилась с строгим семейным режимом». Так, в школе Е.С. Левицкой в Царском Селе существовал следующий распорядок: «Классные уроки (длительностью от 25 до 50 минут в зависимости от возраста), как требующие большого умственного напряжения, разделены гимнастикой и пятиминутным отдыхом и оканчиваются в 1 час дня; послеобеденное же время (с 2 ч дня) посвящается практике иностранных языков, прогулке, играм и ручному труду на открытом воздухе, работе в мастерских, пению, рисованию, лепке, танцам, самостоятельному чтению, практическим занятиям по начальной топографии и лекциям по всевозможным отраслям знания.

В вечернее время (от 6 до 7 часов) дети продумывают по конспектам все слышанное в классе, исполняют различные письменные работы, как-то: самостоятельные сочинения, решение и составление задач и пр., а также привыкают пользоваться литературными источниками...» [14, с. 1]. Очевидно, что стоимость обучения во втором случае была значительно выше, чем в первом, и могла достигать в начале XX в. 800–900 р. в год.

Интересно, что такие очень дорогие, элитные школы, с «семейной обстановкой», очень часто вспоминались учащимися далеко не со светлыми чувствами. Вот, например, как описывал вышеупомянутую школу В.А. Свитальский:

«1911–1912. Царское Село. «Школа Левицкой», на английский манер. Форма: спортивный английский костюм с короткими брюками, чулки с отворотами (как нынешние спортивные гетры). До завтрака красные чулки, после завтрака черные. Кепки всегда красные, галстук красный, костюм серый. Знак школы – подснежник, носится на булавке в галстучке и на кепке вышивкой. Режим, приблизительно, следующий: школа представляет собой закрытое учебное заведение, т. е. ученики не приходят, а живут в ней. Провинившиеся, или не имеющие родителей, остаются на каникулы при школе. И зимой и летом форточки открыты.

Каждый корпус имеет во главе «дядьку», который будит всех, ему поднадзорных, в 7 часов утра, после чего в умывалке все подряд обливаются ледяной водой. После этого все гуськом пробегают под надзором дядьки аллею, специально для этой цели служащую.

Затем следует молебен, после чего все идут к завтраку. Если кто-либо не доел чего-либо за завтраком, обедом ли, ужином, на следующее, хронологически, принятие пищи, ему подают то же самое, пока он этого не съест.

На особые случаи имеется карцер. Параллельно, с ведома начальства, существует товарищеский суд, с узаконенной, таким образом, поркой гимнастической резиновой туфлей. Ударов от 50 до 200» [15, с. 81].

Иногда сами хозяева/учителя школ поселяли у себя несколько учеников, как правило, не более десяти. Такие своего рода квартирные пансионы занимали промежуточное положение между собственно пансионатами и жизнью подростков на квартирах. В доме учителя дети, под его контролем, соблюдали режим, питались за общим столом. Вечером преподаватель проверял выполнение домашних заданий или устраивал домашние вечера чтения или музыки. В столицах данная система особенно практиковалась в «передовых» учебных заведениях, в которые часто поступали дети из провинции, где таких учреждений было значительно меньше [10, с. 79–82]. Подобный пансион существовал, например, при гимназии Стоюниных, хозяева которой помещали в свою семью несколько учениц на учебную неделю (на воскресенье дети уезжали домой) или даже на все учебное время [9. Д. 316. Л. 20–37; 40–58].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. школьники обучавшиеся (проживавшие) в пансионатах оказывались в совершенно различных по характеру и организации заведениях, а под этим названием могло скрываться и место, где ребенок получал только кров, и элитное учебное заведение со сложной программой и полной регламентацией жизни.

Список литературы

1. Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте (публ. подг. В.В. Митрофанов) // Клио. – 2013. – № 11(83). – С. 22–28.
2. Верременко В.А. Идея совместного обучения и ее реализация в средней школе России в начале XX века // Духовная жизнь региональных сообществ: история, культура, повседневность: сб. докл. междунар. науч. конф. – Казань, 2014. – С. 251–254.
3. Верременко В.А. Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. – 2014. – № 8 (61). – С. 33–36.
4. Верременко В.А. Проблемы среднего совместного образования в России (школа Е.С. Левицкой в Царском Селе) // 300 лет Царскому селу: сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб., 2010. – С. 63–67.
5. Верременко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. – СПб., 2001. – С. 55–63.

6. Луговой А. Как росла моя вера // Вестн. Европы. – 1909. – Кн. 3. – С. 170–176.
7. Марасанова В.М., Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л. Женщины и образование в конце XVIII – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) // Женщина в рос. о-ве. – 2011. – № 1. – С. 44–54.
8. Мицюк Н.А. «Образование не для одной только гостинной». Феномен провинциальных женских пансионов // Женщина в рос. о-ве. – 2012. – № 2. – С. 3–9.
9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163.
10. Свободное воспитание. – 1908–1909. – № 11. – С. 79–82.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 4.
12. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – 1873. – № 3.
13. Чарская Л.А. Ради семьи: повесть для юношества. – М., 1914.
14. Школа Е.С. Левицкой в Царском Селе. – СПб., 1903.
15. Шумихин С. У меня свои вкусы, ощущения и судьба: В.А. Свитальский по воспоминаниям М.М. Мелентьева и другим материалам // Наше наследие. – 2002. – № 61.
16. Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. ст. А.Ф. Белоусова. – М., 2001. – С. 128–214.

К.В. Лазарев

Проблемы офицерских браков на рубеже XIX–XX вв. и их отражение в военных реформах начала XX в.

В статье рассматриваются проблемы заключения нелегальных (фактически в нашем понимании) браков офицерами русской армии на рубеже XIX и XX вв. Характеризуется деятельность комиссий, направленных на реформирование брачного законодательства. Выявлены основные причины проводимых реформ. Сформулированы главные дискуссионные вопросы, по которым развернулись основные споры. Особое внимание уделено анализу позиций офицерского корпуса относительно новых законотворческих инициатив. Выявлено отношение военных к проектам реформ. Раскрыты их практические рекомендации по совершенствованию брачного законодательства. Показана степень учета реформаторами предложений военных.

The article discusses problem of illegal marriages of Russian Army officers at the turn of the XIX and XX centuries. Activity of commissions reforming marriage law is characterized. Underlying conditions of the reforms are revealed. Main debatable questions are formulated. Special attention is paid to the analysis of Officer Corps's attitude to new law making initiatives. The disposition of the army men to reform projects is revealed, as well as practical recommendations on the improvement of marriage legislation. The degree of army men's propositions taken into account is being showed.

Ключевые слова: русская армия; военные реформы; браки офицеров; благопристойность, реверс.

Keywords: Russian Army, military reforms, officers' marriages, decency, endowment.

Проблемы семьи и брака относятся к обыденным и повседневным темам истории. Однако именно общественное отношение к этим темам является показателем состояния самого общества. Особую роль в нем играет нравственное состояние офицерского корпуса, составляющего основу армии и отвечающего за боеготовность вооруженных сил.

В имперской России все сферы жизни военнослужащих подвергались строгой регламентации со стороны государства: от внутреннего распорядка и несения службы, до личной жизни. Так в соответствии с приказом военного министерства от 6 января 1867 г. всем офицерам в возрасте до 23 лет запрещалось вступление в брак, а в возрасте до 28 лет офицеры могли вступать в брак только с письменного разрешения начальства и при имущественном обес-

печении не менее 250 р. годового дохода [27, с. 343; 4, с. 36]. Нарушители, как сами брачующиеся, так и притч должны были подвергаться различным санкциям [5; 6].

Так, например, было заведено дело на протоиерея Бакинской портовой церкви Николая Масютина за то, что он 9 января 1889 г. повенчал свою дочь Надежду с поручиком 5-го закаспийского стрелкового батальона Лебедевым без разрешения на то строевого начальника. Только после того, как священник предоставил письменную телеграмму от командира батальона с разрешением заключить брак, дело было закрыто [35. Д. 819. Л. 1–3].

На рубеже XIX–XX вв. правительство неоднократно возвращалось к теме офицерских браков, создавались комиссии, активно обсуждались возможные изменения действующего закона.

Ярким тому подтверждением является резкий рост в периодической печати публикаций по данной теме в 1898 г., связанный с работой комиссии под председательством генерал-лейтенанта Ю.В. Любовицкого, об увеличении окладов содержания строевых офицеров (1898–1899).

Суть проекта сводилась к еще большему ограничению числа офицерских браков. Члены комиссии были уверены, что холостой офицер по своим морально-нравственным качествам является более пригодным для ведения войны, чем семейный. Неженатый офицер лучше готов «на всякие непредвиденные назначения и командировки», а в военное время он проявляет «безусловное спокойствие, высокое мужество и храбрость, граничащую с самопожертвованием» [11, с. 942]. Кроме этого, пересмотр действующего положения о браках был связан с материальными трудностями государства, с необходимостью содержания офицерских семей в случае потери кормильца.

Комиссией предполагалось внедрить ряд мер. Повысить возраст присвоения офицерского звания с 23 до 25 лет. Вступление в брак без реверса (материального обеспечения) допустить только для офицеров, получающих не менее 1200 р. содержания (без квартирных). От остальных офицеров требовалось такое обеспечение, чтобы доход с него вместе с получаемым содержанием равнялся 1200 р., что составило бы для младшего офицера от 9 до 13 ½ тыс. р. Решение вопроса о возможном вступлении в брак предполагалось передать от командира части к его непосредственному начальнику – командиру корпуса. Подобная мера, по мнению реформаторов, должна была исключить влияние личных отношений на исход дела [33, с. 674–676].

В соответствии с предложениями комиссии брак должен был отвечать требованиям благопристойности, то есть невеста по своему воспитанию, нравственности и происхождению не должна была

уронить достоинство и доброе имя жениха. Данный вопрос о благопристойности невесты должен был решаться командиром части. Действующий закон о наказаниях за вступление в брак без разрешения начальства предлагалось ужесточить [33, с. 674–676].

Данные нововведения не распространялись на чиновников военного ведомства, поскольку многие из них женились еще в нижнем звании и, следовательно, при достижении классного чина были уже женатыми [32, с. 674–676]. Нельзя не согласиться с выводом В.А. Веременко, о том, что «реализация такого плана означала бы переход офицеров в сословие «военных монахов» [5, с. 157–164].

Неудивительно, что перспектива принятия подобных мер с целью «увеличения окладов содержания офицеров» вызвала негодование в офицерской среде, что наглядно видно на примере писем в редакции газет и журналов. В них военные выделили ряд возможных последствий, к которым могло привести ужесточение требования реверса с офицеров при вступлении в брак. Среди них они называли отток молодых, нравственных и трудолюбивых офицеров со службы на какую-нибудь другую казенную или частную службу. Предостерегали о возможном представлении фиктивных реверсов, взятых у знакомых, что поставило офицеров в еще более тяжелое нравственное и материальное положение. Прогнозировали, что вынужденное безбрачие офицеров приведет к снижению уровня общественной нравственности, усилению полового разврата, увеличению числа венерических больных, распространению незаконных сожительства и увеличению числа незаконнорожденных детей [3, с. 733; 31, с. 771; 5, с. 646; 2, с. 811].

В. Булыгин высказал пожелание членам комиссии, чтобы их проект «осуществился в далеком будущем или лучше никогда» [3, с. 733]. Он отметил, что при существующем положении браки легально чаще всего заключаются после достижения офицером 28 лет, то есть в возрасте, дающем право на брак без обеспечения. Принятие же положения Ю.В. Любовицкого привело бы к тому, что офицеры смогут вступить в брак лишь в возрасте 33–36 лет, когда их оклад составит 1200 р. в год. В столь зрелом возрасте, по мнению В. Булыгина, военные уже отвыкнули от семейной жизни и так и останутся холостыми.

Автор, печатающийся под псевдонимом Д.Х. (вероятно, Д.А. Хомяков) [22. Т. 1, с. 319] указывал, что введение предполагаемых мер приведет к тому, что офицеры в большинстве лишатся даже того незначительного круга штатских и военных интеллигентных знакомых, поскольку общество офицерской молодежи принимается в домах с определенной целью, как возможных женихов [12, с. 714].

Против предложений комиссии Ю.В. Любовицкого выступила даже редакция журнала «Разведчик», отмечая, что в настоящее

время московский купец боится завести знакомство с офицером из опасения, что он может сбить его сына с толку, привлечь в военную службу и этим нарушить преемственность купеческой профессии и расстроить все торговое дело. Внедрение же новых мер только ухудшит положение, будут практиковаться противозаконные сожительствa и «поколеблется нравственность замужних женщин, так как, не давая обет монашества, холостой офицер делается невольным подражателем кукушки» [12, с. 714].

А. Августов указывал на отрицательное нравственное влияние холостых офицеров на своих солдат. Отмечая, что нередко молодые офицеры пользуются услугами казенной прислуги для доставки себе живого товара. Такое отношение, конечно, далеко от нравственных идеалов, но при умении держать себя в обществе и при хорошем исполнении службы, оно нисколько не мешает получить от командира части в аттестационном списке отметку: «в нравственном отношении – отличный» [1, с. 714–715].

«Жутко становится при мысли, что все доводы за брак пойдут впустую» [24, с. 853], – писал в редакцию «Разведчика» Сергей Налабордин. Он отмечал, что если бы комиссия увидела, как проводит свое время на окраинах скучающая офицерская молодежь, то они немедленно отказались бы от некоторых пунктов своего проекта. Семья и забота о ней сделают жизнь молодого офицера осмысленной и отвлекут от того грязного разгула, к которому волею неволей тянет теперь молодежь гнет скучной окраины жизни.

Барон А.Н. Гиллесс считал, что этот вопрос должен быть разработан не на основании мнений старшего поколения, которое уже забыло, что такое брак, а на основании взглядов самих офицеров. «Командир части, как бы хорошо не знал солдат, он не может быть выразителем духовного мира подчиненных..., исчезнет роковая причина многих самоубийств – неудовлетворенная любовь за неимением материального обеспечения» [9, с. 782–784].

Все авторы были не согласны с мнением комиссии о том, что холостые демонстрируют большую храбрость и готовность к самопожертвованию, чем женатые. Наоборот семейный офицер более исполнительен и аккуратен при несении службы, поскольку чувствует ответственность за семью [1, с. 714–715; 25, с. 733–734]. Женясь, офицер крепко связывает себя со службой. Он не рискнет при первых неудобствах оставить службу, так как если холостой сможет пару месяцев перебиваться без места службы, то женатый нет [20, с. 835].

Так, Д.Х. отмечал, что чувство самосохранения – есть чувство природное и законное и оно будет присутствовать как у холостого, так и у женатого. Но громче всего будет говорить «голос совести и свой долг – долг честного солдата – исполнят как тот, так и другой

беспрекословно и не задумываясь, а сильные опасности вдохновят одинаково как того, так и другого на подвиг» [12, с. 714].

Также военные указывали, что семья является огромным стимулом в бою, в тяжелые минуты военных действий мысли о доме, семье и детях придают новые силы и бодрость духа, появляется желание жить и вернуться домой [11, с. 942].

Кроме необходимости отмены всех денежных ограничений на вступление в брак, военные сформулировали ряд мер дополнительного материального стимулирования офицерского корпуса. Так среди них чаще всего отмечали необходимость увеличения денежного содержания, предоставления офицерам казенного жилья [26, с. 714–715] и возможность бесплатного обучения детей [3, с. 733]. Материальное обеспечение семейств офицеров предлагали осуществлять за счет введения обязательного страхования семейных офицеров в той или иной форме [34, с. 1083–1084].

Авторы сходились во мнении, что решение о возможности вступления в брак должен принимать полковой командир, а также к решению этого вопроса стоит привлечь членов суда общества офицеров [36, с. 756; 20, с. 835; 10, с. 186–197]. Корпусный же командир находится слишком далеко от офицеров и руководствуется при разрешении или запрете брака чисто формальным и сословным принципом пристойности брака, то есть обращает внимание лишь на сословное происхождение невесты.

Так, о туманности понятия «пристойность» и отмене негласного сословного ценза при вступлении в брак говорил Н.С. М-й. Он отмечал, что в соответствии с п. 15 приказа по военному ведомству от 15 сентября 1884 г. в собрание офицеров имеют право входа незамужние сестры офицеров, а значит, они вполне могли быть женами военнослужащих. Однако на деле известны многочисленные случаи, когда командир части не разрешал брак по причине того, что невеста была из крестьянского сословия [23, с. 488; 20, с. 835]. Так, например, брак подпоручика Тиши с крестьянкой Марфою Корольковой не соответствовал критерию благопристойности и был признан недействительным 11 февраля 1893 г. [35. Д. 877. Л. 3].

В итоге неизбежен конфликт между офицером и войсковым товариществом, связанный с трансформацией в офицерской среде понятия о воинской чести. «Влюбленный офицер видит в своей возлюбленной все совершенство мира. А голос власти говорит: «она не может быть вашей женой, ее нельзя допустить в нашу среду, она этого не достойна. Той, которую вы считаете идеалом совершенства, мы и дети наши не могут протянуть руки» [17, с. 526].

Наглядной иллюстрацией такого конфликта служит пьеса Л.Г. Жданова «Вопросы чести». Она была удостоена одобрения на конкурсе А.Н. Островского и шла с большим успехом в Санкт-

Петербурге в театре В.А. Неметти в 1906 г. [16, с. 63]. В ней автор показал личную трагедию капитана Зарина, влюбившегося в деревенскую девушку и переехавшего из части в деревню к ней жить. Действия капитана вызвали непонимание в обществе офицеров и привели к дуэли с лучшим другом [14, с. 106].

Тему «пристойности брака» продолжил поручик С. Л-ов, предложивший избавиться от стереотипов сознания, и под понятием «пристойность», понимать в первую очередь нравственность и отчасти уровень образования, но никак не сословность [19, с. 762].

Таким образом, все офицерское общество по вопросу о браках высказывалось исключительно единодушно, не было выявлено ни одной позиции в защиту проекта комиссии об ограничении вступления в брак. Все военные сходились во мнении, что разрешение на вступление в брак не должно быть обусловлено ни денежным, ни имущественным обеспечением [10, с. 186–197]. Единственный критерий, на который указывали военные, был возраст офицера. Так, А. Августов предлагал установить минимальный возраст для вступления офицера в брак в соответствии с гражданским законодательством, то есть с 18 лет [1, с. 714]. Также с интересной идеей выступил В.И. Гомулицкий [22, с. 290], предложив запретить вступление в брак молодым офицерам, еще не прослужившим в части 3-х лет. За этот срок офицер должен привыкнуть к новой обстановке и уже не будет принимать поспешных решений [10, с. 197].

Позже в 1912 г. ряд авторов также указывали на необходимость запретить ранние браки. Так, автор пожелавший остаться неизвестным, отмечал, что поздний брак, когда мужчина пресытился свободной любовью и жаждет только покоя, а женщина наоборот – пересытилась покоем и жаждет любви, никак не может быть причиной неудачных браков. Наоборот, юный «мальчишка, в большинстве случаев не изведав бурь любви, устремится к ним из тихой пристани своего супружеского очага и начнет жаждать любви на стороне» [13, с. 12]. Автор считал, что в таком серьезном деле, как брак, нельзя ставить альтернативу, или «изношенный старичок, годный для слякучных вздыханий, либо безусый юнец». Обязательно должна быть золотая середина.

Повсеместные случаи вступления в брак без выплаты реверса, рост числа венерических заболеваний и нелегальных сожительства, по мнению автора, не могут сравниться с теми последствиями, к которым может привести вступление в брак в юном возрасте. Среди которых он называл огромное количество разводов, рост числа разводов, рост числа разводов, искалеченные судьбы офицеров и их детей, рост числа самоубийств. Ведь внутри у молодого офицера вместо твердых понятий о нравственности, чести и долге нередко только и

есть что танцы и куплеты [13, с. 10–15]. В дальнейшем вопрос о браках еще не раз поднимался на страницах периодической печати, однако все предложения носили схожий характер [8, с. 91–106; 15, с. 26–27; 21, с. 862].

Стоит отметить, что правительство прислушалось к позиции военных, но лишь отчасти. Предложения комиссии под председательством генерал-лейтенанта Ю.В. Любовицкого так и остались на бумаге. В остальном же правительство пошло своим путем.

Уже 19 марта 1901 г. были введены новые изменения в действующий закон об офицерских браках, разработанные комиссией под председательством генерал-майора С.И. Бибикова. Повысился статус военных, дающих свое разрешение на брак. Теперь вопрос о пристойности брака решал командир отдельной части, предоставляя свое заключение начальнику дивизии, который непосредственно давал разрешение на вступление в брак [30, с. 9–11]. Таким образом, данная мера была неким компромиссом между предложением комиссии Ю.В. Любовицкого и предложениями офицерского корпуса. Еще одной новой мерой была возможность для офицеров старше 23 лет создать семью в случае, если их доход от государства был больше 1200 р. в год [29, с. 9–11].

Оценка «пристойности» брака значительно не изменилась, и параметр сословности остался. Командир отдельной части обращал особое внимание на благовоспитанность, нравственность и общественное положение невесты. Однако с 1902 г. критерии «пристойности» брака стали распространяться на офицеров, которые вступили в брак в отставке, и затем вновь решили поступить на военную службу [31, с. 15, 16; 18, с. 104–106].

В 1903 г. снова было введено обязательное материальное обеспечение для офицеров, не достигших 28 лет, а для отдельных категорий офицеров суммы реверса были сокращены на 50 % [28, с. 116]. Только в 1909 г., как и предлагали военные, вопрос о пристойности брака начал решаться судом офицеров. Реверс для офицеров младше 28 лет был отменен, а минимальный возраст для вступления в брак – 23 года, так и остался вплоть до революции 1917 г. [29, с. 213–214].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. офицерский корпус русской армии выступил с резкой критикой деятельности государственных структур в деле брачного военного законодательства, но в рамках верноподданнических настроений. Практически все предложения и рекомендации военных, направленные на отмену денежных и имущественных ограничений при вступлении в брак не были услышаны реформаторами. Новые же законы и поправки чаще всего принимались с целью исключить возможность нарушения действующего законодательства.

За более чем 50 лет непрерывной законодательской деятельности в области брачного законодательства в целом все комиссии обсуждали схожие вопросы. Основные дискуссии развернулись по проблемам определения минимального и предельного возраста офицеров для вступления в брак, наличия и размера материального обеспечения. Подробно обсуждались боевые качества женатых и холостых военнослужащих, требования, которым должна соответствовать невеста офицера и сама процедура заключения брака. Пути же решения этих вопросов во многом зависели от экономического и политического положения внутри страны и в меньшей степени от мнения офицерского корпуса.

Несмотря на многочисленные нарушения закона и распространенную практику незаконных браков, связанную с отсутствием материального обеспечения, в офицерской среде существовали четкие представления о необходимости законной регистрации брачных союзов и об усыновлении внебрачных детей. Изменение социального состава офицерского корпуса в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. приведет к исчезновению данной проблемы.

Список литературы

1. Августов А. О браках офицеров IV // Разведчик. – 1898. – № 409. – С. 714–715.
2. Аркан О браках офицеров XII // Разведчик. – 1898. – № 414. – С. 811.
3. Булыгин В. О браках офицеров V // Разведчик. – 1898. № 410. – С. 733.
4. Верременко В.А. Дворянские семьи второй половины XIX – начала XX веков в поисках «монаршей милости» (по материалам Канцелярии е.и.в. по принятию прошений) // Вестн. молодых ученых. Сер.: Исторические науки. – 2004. – № 3. – С. 32–43.
5. Верременко В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб., 2014. – С. 157–164.
6. Верременко В.А. Семья в обход закона: брачная практика российских офицеров во второй половине XIX – начале XX века // Воен.-ист. журн. – 2006. – № 3. – С. 55–59.
7. Выходцевский В. Браки офицеров // Разведчик. – 1901. – № 561. – С. 646.
8. Гершельман Ф.К. Распущенность в войсках // Воен. сб. – 1908. – № 3. – С. 91–106.
9. Гиллесс А.Н. Нелегальные браки // Разведчик. – 1902. – № 619. – С. 782–784.
10. Гомулицкий В.И. По вопросу о браках офицеров // Воен. сб. – 1898. – № 9. – С. 186–197.
11. Д-в Д.Д. Браки офицеров XV // Разведчик. – 1898. – № 420. – С. 942.
12. Д.Х. О браках офицеров II // Разведчик. – 1898. – № 409. – С. 714.
13. Дх. Офицерские ранние браки // Воен. мир. – 1912. – № 12. – С. 12.
14. Жданов Л.Г. Вопросы чести. – СПб., 1906.
15. Защук И.И. Заметки из строевой службы. – СПб., 1908.

16. Иалин Н. Вопросы чести. Пьеса из военного быта // *Офицерская жизнь*. – 1906. – № 1. – С. 63.
17. Кашин Несколько слов об офицерских браках // *Офицерская жизнь*. – 1906. – № 34. – С. – 526.
18. Клокачев В.П. Брак офицеров. Законоположения главных государств Запада. История развития и современное положение вопроса в России. – СПб., 1907.
19. Л-ов С. Пристойность брака офицеров // *Разведчик*. – 1896. – № 307. – С. 762.
20. Л-ов С. Браки офицеров XIII // *Разведчик*. – 1898. – № 415. – С. 835.
21. Лыкошин Н.С. Несколько слов о семьях, не занесенных в послужные списки // *Разведчик*. – 1904. – № 722. – С. 862.
22. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. – М., 1956.
23. М-й. Н.С. Пристойность брака для гг. офицеров // *Разведчик*. – 1895. № 241. – С. 488.
24. Налабордин С. Браки офицеров XIV // *Разведчик*. – 1898. – № 416. – С. 853.
25. Н-ъ П.К. О браках офицеров VI // *Разведчик*. – 1898. – № 410. – С. 733–734.
26. О. О браках офицеров III // *Разведчик*. – 1898. – № 409. – С. 714–715.
27. Полн. собр. законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. 1866. – Т. XLI. От. 2. № 43940. – СПб., 1868.
28. ПСЗРИ. Собр. – 3. 1903. – Т. XXIII. Отд. 1. № 22588. – СПб., 1905.
29. ПСЗРИ. Собр. – 3. 1909. – Т. XXIX. Отд. 1. № 31633. – СПб., 1912.
30. Приказ по Военному ведомству марта 19-го дня 1901 года № 102 // О браках офицеров ... – СПб., 1903.
31. Приказ по Военному ведомству августа 24-го дня 1902 года № 323 // О браках офицеров... – СПб., 1903.
32. Путилова А.В. Мысли матери // *Разведчик*. – 1898. – № 412. – С. 771.
33. Редакция Браки офицеров // *Разведчик*. – 1898. – № 407. – С. 674–676.
34. Редакция журнала О браках офицеров XVI // *Разведчик*. – 1898. – № 426. – С. 1083–1084.
35. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 18.
36. С-ов. Н. О браках офицеров VIII // *Разведчик*. – 1898. – № 411. – С. 756.

В.В. Карпова

Повседневная жизнь участников трудовых ученических дружин в России (1915–1916 гг.)

Статья посвящена деятельности трудовых дружин учащихся, созданных для помощи крестьянским семьям запасных и ратников в годы Первой мировой войны. В ней раскрываются особенности повседневной жизни дружинников, учащихся городских школ, в деревне. Проанализированы типичные условия организации быта, труда и досуга учеников, их взаимоотношения с крестьянским населением.

This article is about the activities of pupils' labor squads in order to help peasant families of the reserve soldiers and militias of World War I period. The article reveals the peculiarities of daily life of members of voluntary public order squads (pupils of city schools) in the village. The typical conditions of the organization of life, work and leisure of pupils, their relationship with the peasant population are analyzed.

Ключевые слова: Первая мировая война, трудовые дружины учащихся, благотворительность, повседневная жизнь.

Key words: World War I, labor squads of pupils, charity, daily life.

В годы Первой мировой войны, в связи с массовым призывом в войска, в деревне обострилась проблема нехватки рабочих рук, что обусловило привлечение к сельскохозяйственным работам и учащихся общеобразовательных учебных заведений (гимназий, реальных и коммерческих училищ, высших начальных училищ) [7; 10]. Первоначально помощь предоставлялась семьям призванных, а с 1916 г. – и другим нуждающимся. Дружины формировались преимущественно из юношей в возрасте 15–16 лет и старше. Женские дружины чаще помогали по хозяйству крестьянкам и присматривали за детьми, что давало возможность матерям самим работать в поле или на сенокосе. Примеры полевых работ смешанных дружин встречаются редко, в основном в тех случаях, когда изначально предполагалось проживание дружинников по 2–3 человека в семьях, которым оказывалась помощь. Например, две такие дружины работали в 1915 г. в с. Батайске области Войска Донского [14; 17; 18]. С 1916 г. появились смешанные огородные дружины, работавшие по месту жительства учеников. Работы осуществлялись в каникулярное время на безвозмездных началах.

Большинство дружинников о жизни деревни знали понаслышке или имели иллюзорные представления, полученные на основании

летнего отдыха в дачных поселках. О том, в каких условиях приходилось жить и трудиться «барчукам», особенно в 1915 г., когда движение трудовых дружин было весьма стихийным, неорганизованным, сплошным «экспромтом», можно узнать из дневников и писем дружинников, а также из отчетов попечителей учебных округов, инспекторов и руководителей дружин и просто от случайных наблюдателей, публиковавших свои заметки в прессе.

Поскольку организацией дружин занимались разные структуры (земства, сельскохозяйственные общества, благотворительные и общественные организации, непосредственно учебные заведения), то и бытовая сторона была налажена в разных дружинах по-своему. Например, дружина, сформированная в 1915 г. из учеников Петроградского Крестовского коммерческого училища, полностью спонсировалась этим учебным заведением и получила в свое распоряжение прислугу, т. е. была освобождена от бытовых проблем [9, с. 7].

Чаще всего учащихся размещали в помещении земской или церковно-приходской школы. Спали на нарах или на полу, на самодельных тюфяках из сена или соломы [8, с. 89]. Постельные принадлежности обычно привозили с собой. Руководитель Мозырской мужской гимназии в отчете писал: «Ученикам была предоставлена большая и светлая классная комната с устроенными на партах нарами для спанья, покрытыми соломой. Это малое неудобство вызвало со стороны учеников лишь юмористические замечания...» [12. Л. 98]. Нередко проживание осуществлялось в крестьянских семьях. «Надо сознаться, что как-то жутко было идти к незнакомым людям, – в такую чуждую нам обстановку, о которой имеешь очень смутное понятие. Не знаешь: как встретят нас?...» – писала одна из участниц дружины, работавшей в Области Войска Донского [14]. Был случай, когда учеников (14 чел.) разместил в своем доме местный общественный деятель, зажиточный крестьянин, выделив им три комнаты [9, с. 15; 13. Л. 57]. Иногда помещение предоставляли местные помещики. Случалось, что по несколько дней дружинники ночевали прямо в поле, в шалашах или под открытым небом, чтобы не тратить время на дорогу к месту работы [12. Л. 272 об. – 273; 14].

Бытовые работы обычно осуществляли назначаемые дежурные или каждый дружинник обслуживал себя сам. Руководитель дружины Минской мужской гимназии в 1916 г. Ф. Турук отмечал: «Ученики по очереди смотрели за чистотой школьного помещения, в котором жили, по очереди ставили самовар, носили воду, дрова, закупали продукты, мыли обеденную посуду» [12. Л. 113]. Один из гимназистов-дружинников писал: «Здесь научишься всему. Здесь сталкиваешься лицом к лицу с девизом нашей гимназии: «умей в жизни для

себя все сделать сам». Сами варим обед, сами запрягаем лошадей, сами косим, сами стираем белье» [6, с. 140].

Для приготовления пищи обычно нанималась местная женщина. Однако нередко средств на это у дружины не хватало, тогда кашеварили все по очереди или выбирались 1–2 дружинника, у которых обеды получались вкуснее. Если дружинники проживали в семьях крестьян, то, как правило, питались они тоже вместе с ними за столом. Однако пища зачастую была скудной, однообразной, непривычной для учеников, что нередко приводило к желудочно-кишечным заболеваниям. Учащийся Лодзинской мужской гимназии Н. Скиба, работавший в с. Гостомилровке Области Войска Донского, в своем дневнике писал: «...моя хозяйка хочет уморить меня голодом; угощает только борщом и квасом с хлебом» [12. Л. 280 об.].

Дружины, работавшие в 1915 г. в Минской губернии и ставшие первыми в этом деле, первоначально было решено кормить за счет крестьян, получавших трудовую помощь, но «в виду неспособности организма учащихся к крестьянскому пайку в условиях непривычного им тяжелого полевого труда, было решено предоставить дружинам артельное довольствие <...> с допуском добровольных взносов крестьянами тех или иных продуктов <...> в тех случаях, когда данные хозяева проявляли особую благодарность...» [2, с. 8, 11]. В отчете о работе трудовых дружин Оренбургского учебного округа за 1915 г. отмечалось, что крестьяне ученикам «в пищу предлагали квас и огурцы, от которой на первых же порах некоторые учащиеся заболели» [12. Л. 13].

Особенно специфичным было питание в поле, когда домой работники не возвращались несколько дней. Из писем девушек, работавших в Области Войска Донского, узнаем, что их рацион (и на завтрак, и на обед) состоял из соленых огурцов, сушеной рыбы, меда и хлеба. Девушка отмечала, что «все это ужасно невкусно, несмотря даже на сильный голод». Вода была плохая, зеленоватая, с неприятным привкусом, «но, после работы, кажется удивительно вкусной и пьется, как никогда, – в огромном количестве» [14]. Руководитель дружины Лодзинской мужской гимназии преподаватель К. Орлюк также отмечал, что «приходилось иной раз удовлетворяться в степи селедкой и квасом, иногда еще огурцом, заедая все это картошкой и хлебом» [12. Л. 273 об.]. В южных регионах было много жалоб на качество воды. Орлюк писал, что для улучшения вкуса воды дружина запаслась лимонами и клюквенным экстрактом [12. Л. 270].

Однако через несколько дней подростки привыкали к новому рациону, а работа на свежем воздухе необычайно пробуждала аппетит, и что есть, становилось все равно. Даже если ученики имели собственный стол, крестьяне нередко старались организовать для

них чай, угостить продуктами из собственного хозяйства (обычно яйца, молоко, творог).

Продукты чаще всего закупались в ближайших крупных населенных пунктах, реже у крестьян: не только по причине недостаточного их количества, но и потому, что местное население стремилось нажиться на городских, искусственно завышая цены [4, с. 64]. Мотивировали это крестьяне тем, что, раз дружинники работают бесплатно, значит, люди они богатые, заплатить больше в состоянии. В 1916 г. в ряде отчетов отмечались проблемы с покупкой продовольствия в лавках. Например, в отчете о работе учащихся Жлобинского высшего начального училища указывалось: «...трудно также было доставать провизию: сахара, молока и яиц почти невозможно было получить. Питались ученики картофелем, горохом, салом и хлебом» [12. Л. 111 об.].

Деньгами, выделенными дружинам на питание, распоряжался либо руководитель дружины (чаще всего преподаватель), либо избранный из дружинников староста, в обязанности которого входило не только отчитаться за произведенные затраты, распланировать хозяйственные расходы на все время пребывания, но и обеспечить сохранность денег. Некоторые старосты отмечали, что хранение на руках крупных сумм в 25–50 р. доставляло им дополнительные тревоги [11, с. 97].

Возникали некоторые проблемы и с обеспечением дружинников инвентарем. Иногда его предоставляли местные земства, сельскохозяйственные общества, нередко инвентарь закупался организацией, посылавшей дружину на работу. Иной раз крестьяне обещали предоставить все необходимое, однако на месте оказывалось, что косы старые, и даже опытный работник хорошего результата с таким инструментом не добьется [3, с. 5]. Работали дружинники и с сельхозтехникой (в основном косилки и жатки), причем инспекторы признали такие работы наиболее продуктивными. С 1916 г. организовывалась специальная подготовка учащихся к работе с машинами, однако на практике им чаще приходилось работать вручную.

Практически никто из дружинников не был знаком с сельхозработами, которые им необходимо было осуществлять, поэтому первые 2–3 дня часто тратились на обучение. В лучшем случае дружина имела инструктора из числа учеников сельхозучилищ, местных агрономов, сельских учителей. Ей предлагалось тренироваться на участках, принадлежащих школе, местному священнику, иногда кулаку или помещику [8, с. 86]; были случаи, когда обучение косьбе происходило на обочине дороги [3, с. 5]. В худших случаях ученики сразу включались в работу: смотрели, как работают крестьяне, и старались подражать им. Руководители дружин отмечали, что зачастую крестьяне только посмеивались или критиковали, но не

обучали молодежь. П. Жулев, наблюдавший за работой дружин в Петроградской губернии, писал, как «сотни любопытных скрытых деревенских глаз впивались разом со всех сторон и следили, как работают «царевы работники». Если работали не так, ни один не подходил и не объяснял, как надо делать. Сама же солдатка объяснять стеснялась, ибо ее смущали и светлые пуговицы и боязнь «обидеть» бесплатных работников» [5, с. 6].

В результате некоторые дружинники «тяготились непривычным для них трудом не только по причине физической усталости, но и по соображением гораздо более высшего порядка: не зная, как приступить к той или иной работе, не получая ни от кого из окружающих авторитетного указания или хотя бы просто практического наглядного урока, наиболее сознательно мыслящий дружинник терзался своей невольной пассивностью, чувствовал себя бесполезным в смысле оказания действительной помощи деревне своим трудом <...> и конечно, всякая энергия у него пропадала» [4, с. 61].

Молодежь стремилась ни в чем не отставать от крестьян, работать наравне с ними, что помогало заслужить уважение местного населения. Основные виды производимых работ – косьба, жатва, молотьба. Распорядок дня зависел как от характера производимых работ, так и от степени контроля руководителя за жизнью дружинников (нередко руководитель жил отдельно от дружины, и учащиеся самостоятельно распределяли время труда и отдыха). Вот один из примеров рабочего дня дружины в Ямбургском уезде Петроградской губернии: работать начинали в 4 часа утра, в 8–9 часов – перерыв на завтрак (чай, молоко, хлеб с маслом); отдых до 1 часа дня, с 2 до 3 часов – обед, затем работы до 6–7 часов вечера; в 9 часов ужин с горячей пищей, в 10–11 часов – отбой [19]. Одна из дружин в Московской губернии выходила на косьбу в 4–5 часов утра, выпив молока с хлебом. В 9–10 часов возвращались и пили чай с булкой. Около 1–2 часов обедали (суп, каша, творог с молоком). В 4 часа легкий чай, работа до 8–9 часов вечера. В 10 часов ужинали оставшимся от обеда и выпивали стакан молока с хлебом [16, с. 305–306].

В первые дни немало волнений вызывало отношение к дружине со стороны местного населения. Преобладало недоверие, вызванное сомнениями, что неумелые юноши смогут оказать реальную помощь, что за работы действительно не придется платить. Некоторые хозяйки чересчур грубо отнеслись к своим работникам, издевались над ними, требовали выполнения непосильных работ [4, с. 62; 12. Л. 274]. Нередко в адрес дружинников звучали обвинения в уклонении от военной службы. Н. Скиба в дневнике писал: «Сегодня убеждал крестьян, что мы – беженцы от неприятеля, а не от военной службы, как думали почти все крестьяне» [12. Л. 280]. Иногда негативное отношение со стороны мужчин объяснялось конкуренци-

ей, поскольку дружинники своим бесплатным трудом сбивали цены на рабочую силу. По мере того, как дружина на деле показывала свои возможности, отношение к ней менялось в положительную сторону.

В свободное от работы время ученики совершали прогулки по окрестностям, ловили рыбу, играли в футбол, крокет, шашки, плавали, читали. Некоторые руководители старались, чтобы выходные дружинники провели с максимальной пользой, устраивая экскурсии на близлежащие предприятия, в образцовые хозяйства или просто с целью осмотра достопримечательностей. Но многие дружинники в своих отчетах, дневниках писали, что свободного времени у них нет, вопрос о досуге не стоит, поскольку кроме полевых работ они помогали по хозяйству: чинили изгороди и крыши, пилили и кололи дрова, помогали рыть колодцы, канавы, выравнивать дороги, очищать земельные участки от кустарника и камней и т. д. [15, с. 94]. Нередко дружинники были готовы работать даже тогда, когда сами крестьяне отдыхали: по воскресным и праздничным дням [8, с. 87; 9, с. 21]. Некоторые руководители дружин, выполнявших работы в течение длительного времени, отмечали, что к концу работ у учеников накапливалась усталость, приводившая к отказу от привычной организации досуга [12. Л. 276–276 об.]. «Самым большим удовольствием для ученика было разлечься на кровати (или, вернее, на нарах) и поваляться, а то и поспать часок, другой» [1, с. 27].

Многие родители, отпуская детей на работы, беспокоились за их здоровье. Однако в большинстве отзывов отмечалось, что серьезных заболеваний, в том числе простудных, не было. Наиболее распространенными были бытовые травмы (порезы рук косами и серпами), желудочные проблемы и головные боли [8, с. 89]. Квалифицированную медицинскую помощь дружинники получали лишь в том случае, если в данном селе был фельдшерский пункт или земский доктор жил неподалеку. Чаще помощь оказывалась своими силами. К. Орлюк отмечал: «Болезни дружинников были незначительны и скоропреходящи: желудок расстроится, рука занозится, кожа потрескается при работе. Касторка, йод и согревающие компрессы были в наибольшем употреблении. Изредка заглядывал в Гостомиловку доктор, и к нему приходили с наиболее тяжелыми ранениями» [12. Л. 276].

Большинство дружинников слабо представляли, какие жизнь и быт их ожидают, каким будет их распорядок дня. «Я думал так, – признавался один петроградский гимназист, – что мы часика два поработаем, потом на лодке поедем кататься или цветы собирать пойдем. А тут весь день!..» [5, с. 5]. Агроном Московского уезда А. Волжинский писал: «При первом же разговоре с дружинниками

выяснилось, что они не имеют никакого представления, куда они приехали и зачем: они спрашивали, где находятся имения, в коих они будут работать, где река – они будут ходить ловить рыбу и т. д., причем приехали дружинники, среди которых оказалось несколько малышей, от 10 до 14 лет, с большим запасом губных гармоник, балалаек и мандолин. Все это было похоже на увеселительную экскурсию...» (отметим, что, узнав, что за работа и жизнь их ожидает, ни один из дружинников не уехал, хотя агроном настойчиво предлагал это сделать «малышам») [3, с. 4–5].

Конечно, случаи досрочного оставления дружин учащимися имели место, но, судя по отчетам, немногочисленные. Например, в 1915 г. досрочно прекратила работы, не доведя их до конца, одна из дружин Стерлитамакского реального училища «ввиду плохого питания и пренебрежительного недоверчивого отношения крестьян. Впечатления вынесенные этой последней дружиной были настолько неприятные, что в следующем году никто из состава не пожелал записаться в дружину» [12. Л. 15]. К. Орлюк писал: «Не все, конечно, дружинники вынесли новые условия жизни. Некоторые оказались настолько слабо физически развитыми и неприспособленными к крестьянской работе, что их пришлось после нескольких дней непосильной для них работы отправить обратно...» [12. Л. 274].

Вместе с тем, большинство дружинников не только смогли адаптироваться к непривычным условиям жизни, но и получали от этого удовольствие. «Внешний вид дружинников вполне гармонировал с их новым образом жизни: в лаптях, а то и босиком, в рабочих, загрязнённых при вязании снопов, брюках и блузе, в широкополой соломенной шляпе – в таком наряде дружинник очень мало походил на гимназиста из города», – отмечал К. Орлюк [12. Л. 272]. О том же писал и А. Белинский: «За 38 дней работы ученики так привыкли к своему новому положению, так опростились, что человеку со стороны трудно было бы признать в них учащихся средней школы. Порванные рубашки, загрязненные смолой, колесной мазью, грязью брюки, сапоги без подошв и каблуков, разбитые вдребезги сандалии и поршни делали с виду ученика простолюдином» [1, с. 26].

В отдельных случаях дружинники оставались работать в деревне сверхурочно. Многие ученики, несмотря на непривычный образ жизни и тяжелый физический труд, принимали участие в подобных работах ежегодно, проводя в деревне от 10 дней до месяца и более. Как подростки, так и руководители дружин отмечали происходившие положительные изменения: укрепление здоровья, расширение кругозора, формирование моральных ценностей у учащихся.

Список литературы

1. Белинский А. Учащиеся средней школы на полевых работах в 1916 году. – Могилев, 1917.
2. Вельяминов-Зернов А.В. К вопросу об организации первых трудовых дружин учащихся для оказания помощи семьям призванных в Минской губернии. – М., 1916.
3. Волжинский А. Сельскохозяйственные дружины учащихся и воинские команды // Вестн. сельского хозяйства. – 1916. – № 44. – С. 1–7.
4. Елецкий В. О трудовых дружинах учащихся для оказания помощи в полевых работах семьям призванных на войну // Рус. шк. – 1917. – № 5–8. – С. 55–67.
5. Жулев П. Трудовые дружины // Рус. шк. – 1915. – № 11. – С. 1–21.
6. Изгоев А.С. На перевале. Молодежь в деревне // Рус. мысль. – 1915. – Август. – С. 132–142.
7. Карпова В.В., Семенова Л.Н. Молодежные трудовые дружины в годы Первой мировой войны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 5. – СПб., 2014. – С. 148–157.
8. Косминский А.П. Ученическая трудовая дружина на летних работах // Изв. по народному образованию. – 1917. – Май. – С. 85–92.
9. Лебедев С. Трудовые дружины учащейся молодежи в деревне // Рус. шк. – 1916. – № 1. – С. 1–30.
10. Минакова В.П. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. – Воронеж, 2002.
11. Первые шаги на пути организации трудовых дружин учащейся молодежи // Изв. Петрогр. родительского кружка. – 1915. – № 3. – С. 89–100.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 196. Д. 948.
13. РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949.
14. Снарский Б. На полевых работах (письма курсисток) // Утро Юга. – 1915. – № 198. – С. 2.
15. Трудовые дружины общества «Народная помощь» // Сельскохозяйственное образование. – 1917. – № 2. – С. 93–94.
16. Турук Ф. Трудовые сельскохозяйственные дружины учащихся // Известия по народному образованию. – 1917. – Март–апрель. – С. 297–319.
17. Утро Юга. – 1915. – № 179. – С. 3.
18. Утро Юга. – 1915. – № 189. – С. 7.
19. Школа и жизнь. – 1916. – № 28. – С. 7.

Р.А. Султанов

Проблема безработицы на Южном Урале во второй половине 1920-х гг. и общественное мнение

Статья рассматривает вопросы безработицы на территории Оренбургской губернии (округа) и Башкирской АССР накануне свертывания НЭПа через призму общественного мнения. В ней показывается, как относились к проблеме незанятости населения руководящие лица, рядовые работники различных сфер и сами безработные. Сделан вывод о том, что в условиях рынка труда второй половины 1920-х гг. было невозможно эффективно задействовать кадровые ресурсы региона.

The article highlights the questions of unemployment at the territories of Orenburg province (county) and Bashkir ASSR before the termination of NEP through the prism of public opinion. It shows how leaders, ordinary workers and unemployed themselves considered the problem of inoccupation. The conclusion is drawn, that the conditions of labor market in the second half of 1920s couldn't provide effective usage of a workforce in the region.

Ключевые слова: НЭП, Южный Урал, безработица, общественное мнение, биржа труда, пресса, рабочие.

Key words: NEP, Southern Urals, unemployment, public opinion, labor exchange, press, workers.

Период Новой экономической политики на Южном Урале, в равной степени отражая ситуацию во всей стране, являлся сложным как в административно-хозяйственном, так и в социальном плане. С одной стороны, кадровый состав многих предприятий и учреждений состоял из специалистов, начинавших свою карьеру еще при царской власти и продолжавших выполнять работу прежним способом, невзирая на кардинальные изменения государственного строя. С другой стороны, в результате Гражданской войны были разрушены такие крупные институты, как земства, что лишило должностей не только чиновников, но и значительное число интеллигенции: медицинский персонал, учителей, инженеров и др. В производственной сфере продолжала существовать масса малоквалифицированного пролетариата, перемещавшегося между городом и деревней на сезонные заработки.

Рынок труда в 1920-х гг. испытывал потребность в квалифицированной рабочей силе, равно как население нуждалось в открытии новых школ, больниц, фабрик, столовых, мельниц, но строительство

шло сравнительно медленно, поэтому даже представители производственных профессий – мельники, деревообделочники, кожевники и др. – не могли все быть обеспечены местами работы или же трудились за самую низкую заработную плату. Различные предприятия Южного Урала несли большие убытки, не обеспечивая работникам должного вознаграждения. Например, Оренбургская губернская страховая касса, оказывавшая, помимо прочего, помощь безработным, в середине 1926 г. оказалась под угрозой прекращения существования: на 1 июня задолженность организаций составляла 105 918 р. 54 к. [9, с. 2]. В числе крупных неплательщиков оказались: Губсельпром и Металлпром (по 17 тыс. р. каждый), Южураллес (7500 р.), редакция газеты «Смычка» (5000 р.), Коллектив сапожников (2000 р.). По Бирскому кантону Башкирской АССР в начале 1927 г. страховая касса недополучила 35 тыс. р. от Сельпромсоюза, винзавода, Бирского и Янауловского леспогрузов, лесопильного завода и др. [4].

Заводы и фабрики Южного Урала во второй половине 1920-х гг. зачастую простаивали по причине отсутствия сырья и снижения объемов сбыта на фоне повышения цен, а также ввиду установления режима экономии топлива. В январе 1927 г. газеты сообщали, что лесозавод в Бирске уже многие месяцы не работал из-за нехватки леса [3]. Подобная ситуация наблюдалась на Оренбургском заводе «Орлес», где близлежащие лесные массивы были вырублены еще в начале 1920-х гг. [16. Д. 5. Л. 21].

Пресса, поднимая вопросы хозяйства и кадров, обличала администрацию учреждений в нерациональном использовании денежных средств. Акъярскому производственному кооперативу автор критической заметки вменял в вину то, что он «в течение двух месяцев ни за что платил помощнику тракториста по 45 рублей, пока у него не было работы», а уволившемуся по собственному желанию лесовщику переплатил несколько рублей в счет выходного пособия [2]. Оренбургское губернское земельное управление летом 1926 г., в нарушение Кзот, предоставило агроному и зоотехнику комбинированные отпуска более чем за два года [9, с. 13].

Оренбургский губернский совет профсоюзов, обследовав контингент безработных, получавших пособие из Губстрахкассы, выявил 616 чел., которые не имели права на пособие, и прекратило им выплаты, что было засчитано как положительный результат. Предлагалось впредь разработать совместно с Губстрахкассой порядок проверки материального положения безработных и принимать меры против злоупотреблений по союзной линии [10, с. 10]. Совнаркомом Башкирской АССР 26 декабря 1926 г. было принято постановление, предписывавшее провести крупномасштабную проверку всех государственных и частных предприятий по состоянию на 1 января 1927 г.,

включая такие сведения, как источники заработной платы, численность штатных и внештатных служащих, их национальный состав [2].

Среди безработных в наиболее уязвимом положении находились женщины. Значительное количество их оставалось неграмотными и не имело профессионального образования. Та часть женщин, которая выполняла роль домашней прислуги и всевозможные частные работы, была лишена социальных гарантий и плохо поддавалась учету. Обследование рынка труда по Оренбургской губернии в 1926 г. показало, что из 828 зарегистрированных домработниц было занято только 450, что составляло примерно половину от общего числа [10, с. 11].

Ряд местных жителей считал наличие прислуги в доме пережитком царского прошлого. Так, например, красноармеец из Башкирии заявил в газетном письме, что любой коммунист, пользующийся услугами домработницы, совершает такое же преступление против идеологической линии, как окулачившиеся сельские партийцы [7]. Но основной причиной сокращения востребованности труда прачек и горничных являлось то, что материальные возможности большинства семей, даже при наличии необходимости – как заявляли, в частности, работники Оренбургского кожевенного завода, получившие квартиры в 1928 г. – не позволяли им нанимать кого-либо [15. Д. 36. Л. 12 об.].

Хотя на территории Южного Урала существовала нехватка медицинских учреждений, включая сельские фельдшерско-акушерские пункты, где требовался средний и младший персонал, медики серьезно пострадали от безработицы. Взгляды общества на кадровое положение системы здравоохранения разнились. «В Дюртюлях Бирского кантона больница имеет 28 коек, пропущено за год больных 127 чел. Только штат великоват – 17 чел. Нельзя ли сократить?» – писал в 1927 г. один из читателей «Красной Башкирии» [5]. Другие жители Башкирской АССР, напротив, жаловались на то, что больницы не обеспечены персоналом, и что пациентам приходится несколько часов ожидать приема.

Протоколы заседаний Оренбургского окружного отдела союза «Медсантруд» показывают масштабы безработицы в 1928 г.: Объединенный детдом, Родильный дом, Группком № 5, Хирургическая больница окружного здравотдела и служащие Казахского краевого медтехникума вместе насчитывали 330 чел., а число безработных, которые состояли в союзе, достигало 450 чел., на целую треть превышая количество занятых [14. Д. 56. Л. 19]. На заседании фракции ВКП(б) «Медсантруд» 7 декабря того же года обсуждался вопрос о предстоящих выборах в горсовет. Мнения присутствующих разделились. Часть из них предлагала объединить работающих медиков

с безработными, предварительно разбив их на участки. Остальные придерживались мнения, что настроения неработающих совместно с работающими будут еще хуже, поэтому смешивать их будет нецелесообразно. Большинство голосов заседание постановило: «При созыве собраний работающих совместно с безработными мы лучше обслужим смены. Так будет легче дать отпор настроениям безработных» [14. Д. 56. Л. 19].

«Кодекс законов о труде РСФСР» 1922 г. (далее – КЗоТ) регулировал порядок найма рабочей силы, закрепляя все полномочия в области трудового посредничества за биржами труда [1, ст. 7]. Однако же, в деятельности бирж труда на Южном Урале сформировалась устоявшаяся практика использования обходных путей при приеме граждан на работу, таких как: «протекционизм» – оказание покровительства одним лицам в ущерб остальным соискателям; «кумовство» – назначение своих родственников или знакомых на лучшие должности; злоупотребление ст. 9 КЗоТ, допускавшей администрации предприятий самостоятельно нанимать работников и затем регистрировать их на бирже в случае невозможности подбора кандидатов на занятие вакансии в трехдневный срок с момента подачи требований.

В качестве ответной меры Наркомат труда Башкирской АССР совместно с Уфимской трудовой биржей летом 1928 г. опубликовал открытое письмо, адресованное всем хозяйственным органам, руководителям учреждений, предприятий и кооперативным объединениям. В нем подчеркивалось, что вышедшее еще в октябре 1927 г. постановление Башнаркомтруда рассматривало направление персональных требований на биржу труда как протекционизм. Тем не менее, несмотря на запреты, персональные требования продолжали применяться в большом количестве. Существовала и скрытая форма протекционизма: в требовании не указывалось, кто именно вызывается, но оно выдавалось на руки пришедшему безработному, в результате чего среди прочих соискателей создавалось мнение, что получение документа зависело только от данного человека, и «если бы он не пришел, то не послали бы требование», на основании чего пытались добиться своего назначения [6].

Работодатели, нарушая условия договоров с биржей труда и профорганами, предпочитали наем работников за пределами биржи или же, напротив, требовали от нее немедленной присылки рабочей силы, что тоже считалось недопустимым ввиду нехватки времени на подбор специалистов нужной квалификации. Таким образом, Башнаркомтруд был вынужден предупредить нанимателей о привлечении их к ответственности перед судом за невыполнение условий постановления или соглашений.

Недочеты в работе бирж вызывали волну недовольства со стороны населения. Отчет ОГПУ за апрель 1928 г. показал, что в Бугуруслане и Бузулуке люди, оставшиеся без работы, выражали резкое недовольство не только кумовством и протекционизмом, но и грубостью работников бирж. В редакцию бузулукской газеты поступило письмо с угрозами остановки транспорта и взрывов учреждений, если безработные не будут трудоустроены [12]. Протесты сопровождались погромами бирж труда и нападениями на их сотрудников.

В Оренбурге, где по данным на август 1927 г. было зарегистрировано 5014 безработных, тем не менее, происходили частые увольнения по собственному желанию по причине низкой зарплаты и неудовлетворительных условий труда, а также имелись случаи отказа от предоставляемой работы. Донесения, собранные в тот период по городу органами внутренних дел и госбезопасности, показывают настроения людей, стоявших в очереди на биржу.

«Если начнется война, то не знаю, куда вам, коммунистам, придется бежать. Не думай, что если ты работаешь, то тебе хорошо, а я вот хожу безработным. Да не я один. На бирже есть еще несколько тысяч. Послушай, что они говорят. Если тебе зубы заговаривают на собраниях, что все хорошо, то это еще не все. Недолго вам осталось царствовать», – так выглядела типичная речь антисоветского содержания. Более сдержанно высказался квалифицированный рабочий Хлопонин: «Мы все равно на работу не попадем. Путоловскую мельницу запускали, рабочих взяли. Они проработали два с половиной месяца и встали опять в очередь по старым номерам, а мы опять в хвосте. А вот биржу бы разгромить. Сделать как в Москве – там при каждом фабзавкоме организована безработная группа, их рабочие получают работу по списку» [13. Л. 8].

При трудоустройстве населения, прежде всего, проверялась партийная и классовая принадлежность каждого лица. Зарегистрированные соискатели разделялись на секции: квалифицированные работники, неквалифицированные работники, комсостав, подростки (включая подкатегорию воспитанников детдомов) и т. д. [11]. В конце 1920-х гг. усилились зачистки различных организаций и предприятий от «антисоветского элемента», получившие широкую известность по «Шахтинскому делу». Как показала сводка политических настроений пролетариата по Оренбургскому округу, включая безработных, все они единогласно признали справедливым приговор, вынесенный участникам дела, но группа инженеров увидела в нем поход против интеллигенции [13. Д. 55. Л. 6, 9].

Работники интеллектуальной сферы на Южном Урале были обеспокоены социальной обстановкой и в своем регионе. Прием де-

легатов VI Конгресса Коминтерна в Оренбурге вызвал негативную оценку события среди учителей: «Демонстрируют им (делегатам) только сливки. Показали бы безработных, обиженное крестьянство, и тогда бы они прозрели» [13. Д. 55. Л. 11].

Однако даже одной лояльности к действиям властей было недостаточно для того, чтобы сохранить за собой должность. Выступая на областных партийных конференциях по теме борьбы с контрреволюцией, руководители районов обращали внимание на появление безработных коммунистов, возлагая вину за это на деятельность антисоветских элементов в бывшем местном руководстве (Тамьян-Катайский кантон Башкирской АССР), а также предписывали работодателям проводить более последовательную классовую политику, чтобы уволенные из одних мест чуждые элементы не принимались на работу в другие (Уфимский, Стерлитамакский кантоны) [8].

Таким образом, из материалов местных газет и журналов, протоколов заседаний различных организаций, сводок органов государственной безопасности и других источников мы видим, что общество Южного Урала проявляло большое внимание к проблеме безработицы и предлагало различные способы ее решения, но практически во всех проанализированных нами случаях инициатива граждан отличалась односторонностью взглядов и являлась негативной эмоциональной реакцией на события. Выдвигаемые населением требования в случае выполнения не могли улучшить ситуацию даже на отдельно взятых предприятиях. Крайностью отличалась и позиция местных органов власти, объяснявших рост недовольства среди безработных провокациями контрреволюционных элементов. Лишь во многом благодаря форсированной индустриализации и переходу к плановой экономике, при всех ее положительных и отрицательных сторонах, по стране в целом и на Южном Урале в частности резко возрос спрос на рабочую силу, и в начале 1930-х гг. массовая безработица была ликвидирована.

Список литературы

1. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г. // Киселев И.Я. Трудовое право России. – М., 2001. – С. 344–368.
2. Красная Башкирия. – 1927. – 22 янв.
3. Красная Башкирия. – 1927. – 25 янв.
4. Красная Башкирия. – 1927. – 30 янв.
5. Красная Башкирия. – 1927. – 7 янв.
6. Красная Башкирия. – 1928. – 1 июня.
7. Красная Башкирия. – 1929. – 17 янв.
8. Красная Башкирия. – 1929. – 31 янв.

9. Оренбургский рабочий. – 1926. – № 14.
10. Оренбургский рабочий. – 1926. – № 16.
11. Смычка. – 1928. – 26 июля.
12. «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – Т. 6. – М., 2004. [Электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info> (дата обращения: 23.06.2015).
13. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННО). Ф. 4. Оп. 1.
14. ЦДНННО. Ф. 4. Оп. 2.
15. ЦДНННО. Ф.161. Оп. 1.
16. ЦДНННО. Ф. 162. Оп. 1.

И.С. Дудина

«Великий перелом» в конфессиональной истории деревни центральной России: 1929–1930 гг.

Статья посвящена истории сопротивления крестьянства насильственному свертыванию традиционных религиозных практик в 1929–1930 гг. Основываясь на документах Центрально-Черноземной области России, автор показывает, что в данный период сельские жители сохраняли устойчивую конфессиональную идентичность и попытки советской власти быстро разрушить сложившийся церковный уклад были обречены на неудачу.

The work is devoted to the history of the peasantry resistance against forced curtailment of traditional religious practices in 1929-1930. Basing on documents of the Central Black-Soil region of Russia, the author shows that in this period the rural population remained stable confessional identity and the the Soviet authorities attempts to destroy quickly the established Church life were doomed to failure.

Ключевые слова: история советской деревни, православие, конфессиональная культура, атеистическая пропаганда, религиозные практики.

Key words: history of the Soviet village, Orthodoxy, confessional culture, atheistic propaganda, religious practices.

В ноябре 1929 г. в центральной отечественной газете «Правда» была опубликована знаменитая статья И.В. Сталина «Год великого перелома». В ней вождь заявил о судьбоносных достижениях молодого советского государства, связанных с резким повышением производительности труда, масштабной индустриализацией, быстрым наращиванием темпов коллективизации сельского хозяйства [10, с. 118–135]. Кроме того, Сталин говорил о решающих успехах «на всех фронтах социалистического строительства», скорой победе «нового мира» над «старым», в качестве залога этой победы называя культурное преобразование многомиллионного крестьянства, «воспитываемого» партией [10, с. 128].

Если в советской историографии сталинские тезисы 1929 г. в принципе не ставились под сомнение, то в последние десятилетия они не раз становились предметом горячих дискуссий [8, с. 175–182]. Однако, до сих пор историками преимущественно обсуждалась обоснованность статистических выкладок и прогнозов социально-экономического развития. В то же время вопрос о том, насколько прав был вождь относительно «культурного преобразования» масс (в первую очередь крестьянства), в отечественной науке исследован

довольно слабо. В предлагаемой статье автор попыталась обратиться к истории одной из основных составляющих крестьянской культуры – конфессионального сознания и практик. Целью работы стало выяснение того, насколько готовы были среднестатистические крестьяне в центральной части России отказаться от «религиозных пережитков» к моменту «великого перелома», обеспечив тем самым «культурное преобразование» деревни и создание «нового мира». Источниковой базой для исследования послужили архивные материалы Центрально-Черноземной области о событиях 1929–1930 гг., связанных с попытками властей свернуть традиционную конфессиональную жизнь села.

Говоря о периоде между приходом большевиков к власти и провозглашенным И.В. Сталиным «великим переломом», нужно отметить, что борьба с религией в сельской местности носила преимущественно характер атеистической пропаганды. Судя по имеющимся исследованиям, эта пропаганда была не слишком эффективна. Большинство крестьян центральной России продолжало следовать религиозному календарю и соблюдать церковные обряды, скептически относилось к антирелигиозной деятельности местных государственно-партийных и комсомольских организаций [2; 3; 6]. Кроме того, непрофессионально организованная антирелигиозная кампания разжигала конфессиональную и национальную рознь, в частности антисемитизм. В связи с вышеназванными причинами до конца 1920-х гг. в деревне атеистическое движение не получило широкого распространения (в него были вовлечены, главным образом, партийцы, комсомольцы и беспартийный актив) [4, с. 126–127].

Представители советской власти недооценили сложность решения вопросов, касающихся веры. Общественное мнение в пользу атеистических мероприятий государства к концу 1920-х гг. не было сформировано. Например, в 1928 г. в разных районах Центрально-Черноземной области, позже вошедших в состав Курской области, посещаемость церквей и молитвенных домов крестьянами в среднем составляла 85 % [2, с. 219–220]. В старообрядческих населенных пунктах, отличавшихся наибольшим консерватизмом [1, с. 109] достигала 95 % [2, с. 220]. Некоторое снижение доли воцерковленных селян по сравнению с дореволюционным периодом оказалось предопределено отходом от церкви части молодежи, связанной с комсомолом, ориентированной на получение советского образования и последующую интеграцию в слой «новой советской интеллигенции» или номенклатуры [3, с. 66].

Конец 1920-х гг. ознаменовался для советского государства ужесточением внутривластного курса. Началось строительство «однородного социалистического общества», в сфере экономики предполагавшее полную ликвидацию рыночных отношений, а в ду-

ховной сфере – монополию коммунистической идеологии. Небольшие успехи в деле духовного «перевоспитания» сельских жителей заставили власть интенсифицировать борьбу с религией. В феврале 1929 г. Л.М. Каганович разослал по стране письмо под названием «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В этой директиве партийцы, комсомольцы, члены профсоюзов и других советских организаций подвергались разному за недостаточную активность в «процессе изживания религиозности». Тут же давались четкие приказы по вопросам усиления антирелигиозной пропаганды [11, с. 191]. 8 апреля 1929 г. президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», по которому религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культа» в стенах молитвенных домов, просветительская и благотворительная деятельность категорически воспрещалась [7, с. 10–24]. Названные документы были восприняты на местах как однозначный сигнал к началу кампании по закрытию храмов и уничтожению духовенства как социальной категории.

В первые же месяцы этой кампании верующие ощутили сильнейший пресс со стороны партийно-управленческих структур. Для закрытия сельских храмов использовалось два основных механизма: налоговое давление и «требования общественности». В первом случае администрациям помогало то, что во время первой пятилетки, когда в 1929 г. развернулась борьба против частного предпринимательства, Церковь рассматривалась как частное предприятие. Священники и приходы облагались совершенно непомерным налогом, как «доходные» частные предприятия. Порой прихожане находили возможность спасти церковь. Например, когда на церковь с. Никольского Чемлыка Россошанского округа ЦЧО было наложено 500 р. налога, богомольные люди созвали в церкви собрание, выбрали двух стариков и поручили им произвести по селу сбор ржи, овса, кур и тому подобного в пользу церкви. Старики ходили по селу с ведрами и мешками и собирали подаяние, в конечном итоге набрав необходимое количество продуктов для последующей продажи и уплаты налога [5. Д. 243. Л. 55]. Однако, оперативно организовать сбор помощи (особенно в бедных приходах) не всегда удавалось. Если налог не уплачивался, священники и члены приходских советов могли быть арестованы и их приходы закрывались.

Во втором случае («требования общественности») для закрытия храма на специальные собрания руководители сельсоветов приглашали коммунистический «актив», который выступал как бы от лица всех односельчан. На таких собраниях выносились решения закрыть церковь.

Закрытия приобрели массовый характер. Например, только в 14 районах центрально-черноземной области (ЦЧО) таким образом

было закрыто более 200 храмов (закрyтия 195 из них уже через год были признаны незаконными) – более половины существовавших на тот момент [5. Д. 243. Л. 55].

Порой антрилигиозная кампания превращалась в настоящее издевательство над чувствами верующих. Например, в информационной справке по Солнцевскому району Курского округа говорится о масштабном действе, призванном осмеять «религиозные предрассудки»: «23 февраля в день Красной армии из Максимовского сельсовета организована была демонстрация: поднята была тысячная толпа, лошадей одели в ризы, на головы лошадей надели венцы, побрали иконы и двинулись в РИК. Райком и РИК эту демонстрацию приветствовали и позволили сжечь иконы против РИКа и райкома» [5. Д. 243. Л. 52]. На эту провокационную демонстрацию ни окружные, ни областные власти не обратили внимания, видимо считая такие действия «нормальными» в период разгоревшейся борьбы с религиозными культами.

Однако, в глазах крестьянства эта кампания «нормальной» отнюдь не выглядела, что вскоре стало ясно властям. Уже к середине 1929 г. начало приходить понимание того, что насильственные действия по «избавлению от религиозных пережитков» наносят огромный ущерб имиджу власти, и без того резко ухудшенному ходом сплошной коллективизации. В июне 1929 г. во все обкомы, губкомы и окружкомы ВКП(б) поступило письмо с грифом «совершенно секретно» за подписью В. Молотова, в котором давались установки на свертывание насильственных антирелигиозных действий. В письме отмечалось, что «в последнее время участились случаи совершенно нетерпимого искажения партийной линии в области борьбы с религией» и что многие партийные организации недооценивают численность верующего населения, «степень его неизжитых религиозных суеверий», а также преувеличивают рост антирелигиозного движения в массах [5. Д. 18. Л. 49]. В письме Молотова констатировалось, что «искажение партийной линии» в вопросе закрытия церквей, затрагивающие значительную массу крестьянства, приводит к тому, что в целом ряде районов за последние 4–5 месяцев происходили волнения верующих на почве отобрания церквей, причем в отдельных случаях дело доходило до вооруженных столкновений. ЦК ВКП(б) «категорически» предлагало всем местным организациям повести решительную борьбу с указанными «извращениями». При этом предписывалось, во-первых, усилить идеологическую борьбу с религией, не подменяя ее административными мероприятиями; во-вторых, не допускать закрытия церквей, если это могло встретить недовольство со стороны значительной части населения; в-третьих, предотвратить саму возможность издевательств над верующими при подготовке закрытия приходов; в-четвертых, учитывать общую

политическую обстановку в каждом районе при проведении антирелигиозных мероприятий; в-пятых, решительно бороться с самоуправством и нарушениями советского законодательства со стороны администраций в процессе их взаимодействия с верующими; в-шестых, запретить ликвидацию молитвенных домов, церквей по мотивам неисполнения распоряжения о регистрации или невзноса налогов [5. Д. 18. Л. 49]. В течение второй половины 1929 – первой половины 1930 г. на места также поступил ряд секретных циркуляров с требованиями отмены чрезмерного налогообложения священнослужителей и прекращения практики произвольного изъятия культовых зданий у верующих [9, с. 161].

Архивные документы свидетельствуют, что ЦК ВКП(б) действительно имел поводы для серьезного беспокойства. Наиболее красноречиво об этом говорят донесения в Обком ВКП(б) ЦЧО, весной 1930 г. инициировавшего (после получения директив сверху) разбирательства по фактам незаконных действий в отношении верующих.

«В Золотухинском районе (Курского округа) ячейка ВКП (б) ... допустила административный подход к закрытию церквей – арест, избиение попов и отобрание церковных ключей. Эти действия вызвали пятидневную демонстрацию 1500 крестьян. Демонстрация возглавлялась кулаками».

«В Бесединском сельсовете были закрыты две церкви, потому что два попа были арестованы за зажим хлеба. Кулаки собрали толпу крестьян и требовали освобождения попов».

«В с. Нижнее Покровское, Больше-Полянского района, когда туда явилась группа ребят от РИКа для снятия колоколов только по решению пленума сельсовета и одного земельного общества, на колокольный звон собралась толпа, которая кричала, что не допустит снятия колоколов, выражала негодование против колхоза и пыталась убить одного из приехавших. После отъезда ребят толпа выставила посты на улице, несмотря на разъяснение, что колокола сниматься не будут. На другой день при приезде в село секретаря РК, прокурора и других работников – снова набат, собираются женщины с рогачами, которые требовали отмены страховки на церковь, возвращения попу дома, проданного за недоимки и т. д.».

«В сл. Гназды, Воронцовского района 8.12.1929 г. сельсоветом было решено закрыть последнюю церковь (одна там закрыта месяц назад). Для осуществления этого постановления сельсоветом был послан милиционер и один член сельсовета к местному попу для отбирания ключей от церкви. Население, узнав об этом, начало собираться на собрание и ударило в колокольный набат. Собравшаяся толпа около 600 чел. Подняла шум и беспорядок, избив милиционера, ключей от церкви не дала и разошлась» [5. Д. 243. Л. 51].

«В слободе Донской Павловского района после ареста местного попа верующие пригласили другого. Когда он отслужил в церкви, его вызвали в сельсовет, где в категорической форме предложили в два часа убраться из села. Поп это выполнил, но верующие крестьяне проявляют возмущение».

«В с. Нижне-Дубовом Хлевенского района дело началось с того, что в день годовщины Октябрьской революции на собрание был выпущен с антирелигиозным выступлением расстригшийся местный дьякон. Было вынесено предложение закрыть церковь. Так как присутствовала на собрании молодежь, предложение прошло. Воспользовавшиеся этим кулаки подожгли баню. На пожар собрались у церкви крестьяне до тысячи человек. Появился до этого скрывавшийся поп. При попытке арестовать попа из толпы ... раздались выкрики: «не надо нам председателя сельсовета, не нужна нам советская власть» и др. Партячейка, сельсовет растерялись. Председатель сельсовета ускакал в другую деревню. Толпу успокаивал секретарь комсомольской ячейки. После обещания, что церковь не будет закрыта толпа разошлась» [5. Д. 243. Л. 52].

По свидетельству одного из крестьян, столкнувшегося с закрытием церкви в своем селе (с. Карманово Дмитриевского района Курского округа), тем самым ему была нанесена «горькая обида». Он, как и его односельчане, в 1929 г. не мыслил своей жизни без церкви: «любили, хоронили, работали, женились – все с батюшкой» [12, с. 95].

Выступления крестьян, грозившие стать массовыми, заставили власть изменить свою политику. Вслед за общими директивами из центра начали появляться конкретные предписания по открытию храмов на местах. Например, в упоминавшихся выше 14 районах ЦЧО в 1930 г. открылись 43 церкви, при этом власти признали, что незаконно было закрыто 195 храмов [5. Д. 243. Л. 55]. Интересно отметить, что возобновление приходской жизни зачастую шло параллельно с временной ликвидацией колхозов. «Волна открытия церквей – говорится в отчете руководителя агитбригады из Белгородского округа – идет вслед за развалом колхоза. Очистив церковь от семян, на другой же день или через день привозят попа из Белгорода. Например, в Моловском сельсовете за семенами и суперфосфатом никто ехать не хотел, а за попом за 7 верст в Белгород в два счета смотали. И интересно то, что кто разваливал колхоз, первым брал лошадей, тот является инициатором открытия церкви. Крестьяне по этому поводу выражаются о тов. Сталине: все-таки у него есть искра – церкви открывать разрешил» [5. Д. 243. Л. 55].

Таким образом, объявленный И.В. Сталиным «великий перелом» отнюдь не был таковым в отношении конфессиональной жизни села. В 1920-е гг. крестьянство далеко не утратило своей традици-

онной религиозности и попытки властей принудительно свернуть устоявшиеся конфессиональные практики встретило «в штыки». Как и в случае с колхозным строительством, советская власть в 1930 г. была вынуждена дать «задний ход» вульгарной антирелигиозной кампании и преследованиям верующих и отказаться от попыток построить новый безрелигиозный мир немедленно.

Список литературы

1. Апанасенок А.В., Симоненков К.В. «Старообрядческий вопрос» в жизни предреволюционной российской провинции: 1905–1916 гг. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. «История». – 2012. – № 3. – С. 109–119.
2. Апанасенок А.В., Апанасенок Е.С. Традиции в эпоху модернизации: эволюция конфессиональных практик курского села в XX в. // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. – 2012. – № 2 (41). – С. 217–224.
3. Апанасенок А.В., Пудякова И.С., Апанасенок Е.С. Православная культура курян в зеркале статистики и оценках современников: XX – начало XXI в. // Провинциальные науч. зап. – 2015. – №1. – С. 64–71.
4. Бунин А.Ю. Православное сообщество Курского края в условиях советской антирелигиозной политики 1920-х – 1930-х гг. // Науч. ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2012. – № 19. – С. 124–129.
5. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-11. Оп. 1.
6. Дудина И.С. К вопросу о религиозной активности сельского населения Курского края в 1900-е – 1960-е гг. // Провинциальные науч. зап. – 2015. – №1. – С. 72–77.
7. Законодательство о религиозных культах. – М., 1971.
8. Кузнецов И. С. «Великий перелом» в контексте современной российской и региональной историографии // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 175–182.
9. Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. – М., 1995.
10. Сталин И.В. Год великого перелома: к XII годовщине Октября / Сочинения. – Т. 12. – М., 1949. – С. 118–135.
11. Цыпин В. Русская Православная Церковь. 1925–1938. – М., 1999.
12. Юрковецкий В.Л. Церковь и государство. Эволюция взаимоотношений. – Курск, 2000 / Курский край. Научно-популярная серия: в 20 т. – Т. 14.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 94(47) «1901/1917»:392.65(05)

А.И. Громова

Освещение проблемы проституции в отечественных женских журналах начала XX в.

В статье анализируется, каким образом в отечественных женских журналах начала XX в. – прежде всего в журналах общественно-политической направленности – рассматривалась проблема проституции. Выявляется специфика интерпретации данной проблемы передовыми женщинами-авторами статей; рассматриваются способы борьбы с проституцией, предлагаемые в женских изданиях.

The article is dedicated to the problem of representation of prostitution in the Russian women's magazines (primarily the socio-political magazines) at the beginning of the 20th century. The specific nature of interpretation of this problem by “progressive women” and the ways to solve it, suggested by the authors of articles in the women's periodical press, are analyzed.

Ключевые слова: периодическая печать, феминизм, проституция, общественное мнение, социальная девиация, равноправие, государственный контроль, венерические заболевания.

Key words: periodical press, feminism, prostitution, public opinion, social deviation, equality, state control, venereal diseases.

Одной из дискуссионных проблем для общественности начала XX в. была проституция, приводившая к распространению венерических заболеваний. Ее называли «ужасным злом», «уродливым явлением», «народным бедствием». Являясь неприкрытой формой порабощения женщин, выражением их подчиненного положения, а также политического и экономического неравенства, проблема проституции особенно затрагивала женские общественно-политические издания, являвшиеся идеологическими платформами для идей женских общественных организаций.

Среди женских отечественных журналов начала XX в. можно выделить два типа изданий, печатавших материалы по женскому движению и «женскому вопросу»: общественно-политические и литературно-общественные. В их программах было предусмотрено освещение актуальных событий в России и за рубежом, вследствие чего читатели знакомились с информацией общественно-

политического характера [38, с. 91]. На их страницах (в отличие от традиционных дамских журналов, специализировавшихся на вопросах моды и ведения домашнего хозяйства) поднимались острые социальные проблемы и пороки «города-отравителя» [21, с. 7]. Гендерная направленность изданий способствовала рассмотрению «женских» форм девиации и связанных с ними «язв общества»: проституции, в том числе детской, аборт, детоубийства, женской преступности. По выражению в статье «А на лбу роковые слова...» из журнала «Женский вестник», в столичном городе эпохи модернизации, «в этом ужасном омуте, засасывающем и оголяющем душу и отравляющем ее всевозможными ядами "городской цивилизации" – как гнойные нарывы возникают "больные вопросы" сложной и общественной жизни современного человечества» [21, с. 7].

Интерес к изучению женской прессы в российской науке возник сравнительно недавно. Историко-типологическое системное изучение отечественной женской периодики XVII–XX вв. впервые было предпринято В.В. Боннер-Смеюхой [4]. В диссертации О.А. Симоновой было проведено литературоведческое исследование беллетристики как информативного сегмента женских журналов начала XX в. и показана корреляция степени их структурной целостности в зависимости от их идеологии [36]. В связи с рассматриваемой в данной работе темой необходимо выделить диссертационное исследование Д.А. Пустарнаковой, посвященное отечественным общественно-политическим женским журналам второй половины XIX – начала XX в. в контексте женского движения, их специфике и тематическому спектру [32]. Впервые прессу как фактор социализации личности подвергла изучению А.В. Жукова [11]. Обзор становления и развития женской периодической печати в России до 1917 г. был предпринят Е.В. Скобло [37]. О типологических особенностях женских изданий, их назначении, содержании и проблемно-тематических направлениях писала Р.М. Ямпольская [45; 46].

Однако освещение проблемы проституции в женской периодике не подвергалось специальному изучению. Цель данного исследования – выявить, каким образом в женских литературно-общественных и, в первую очередь, общественно-политических журналах начала XX в. освещалась проблема проституции. Предполагается проанализировать политику, проводимую редакторами и авторами в отношении проституции, а также рассмотреть предлагаемые способы борьбы с ней. Комплексное изучение материалов, представленных в таких изданиях как «Женский вестник», «Союз женщин», «Женская жизнь», «Женское дело» и др., сквозь призму освещения проблемы проституции позволит определить уровень гражданского самосознания российской образованной горожанки начала XX в., опреде-

лить ее общественную и нравственную позицию по отношению к данному социальному явлению.

Анализ женской периодики позволит увидеть специфичность женской позиции в интерпретации сущности проституции, особый взгляд авторов-феминисток на решение проблемы. В ходе исследования предполагается выявить отношение данных изданий к феномену проституции, ключевыми особенностями которого были субъективизм и гуманизм, выразившийся в идеализации образа проститутки и взгляде на нее как на личность, женщину, которая должна иметь равные со всеми человеческие права, а не превращаться жесткими механизмами государства в машину для удовлетворения мужских потребностей.

Автор не ставит целью проанализировать всю массу женской периодики начала XX в. За основу исследования были взяты материалы журналов общественно-политического типа («Женский вестник» (1904–1917), «Союз женщин» (1907–1909)), которые можно охарактеризовать как феминистские и в которых по отношению к проблеме «торга женщинами» проводилась наиболее последовательная гражданская позиция. «Женский вестник» и «Союз женщин» однозначно относятся к феминистским изданиям, так как данные журналы были посвящены борьбе женщин за равноправие, а также освещению женского движения как в России, так и за рубежом. В отличие от традиционных журналов для женщин и литературно-общественных изданий, которые также касались вопросов женского равноправия, в «Женском вестнике» и «Союзе женщин» отсутствовала реклама, статьи развлекательного характера, разделы мод, домашнего хозяйства, обзоры светской жизни, не публиковались художественные произведения, не связанные с идеями женского движения (подробнее см.: [15, с. 57]; [38, с. 90–91]). Выбор материалов отдельных литературно-общественных журналов («Женская жизнь» (1914–1916), «Женское дело» (1910–1918)) обусловлен тем, что эти издания, хоть и уделяли проблеме проституции значительно меньшее внимание, но все же в ряде статей затрагивали данный вопрос и постулировали способы борьбы с проституцией в общем ключе с идеями женского движения.

Активному обсуждению в женской прессе подвергался вопрос государственной регламентации проституции. Врачебно-полицейский комитет по надзору за женщинами, «промышляющими непотребством» [39, с. 343], был создан по инициативе министра внутренних дел графа Л.А. Перовского, что привело к легализации проституции. Дискуссии последней четверти XIX – начала XX в. о пользе или вреде государственной регламентации раскололи общественность на два лагеря – аболиционистов и регламентаристов (в данном контексте аболиционизм – общественное движение второй

половины XIX–начала XX в. за отмену государственной регламентации проституции, возникшее в Англии в 60-х гг. XIX в.) Одним из первых активистов, пропагандировавших идеи аболиционизма на русской почве, была женщина – г-жа Андерсон, приехавшая из Стокгольма в Финляндию и С.-Петербург в 1885 г. с циклом публичных лекций [6, с. 380]. Сторонники аболиционизма призывали к уничтожению публичных домов, искоренению проституции и стремились показать негативные стороны врачебно-полицейского режима. На позиции аболиционизма стояли видный юрист В.Ф. Дерюжинский [6], правовед А.И. Елистратов [7; 8], и др. Регламентаристы же, признавая несовершенство врачебно-полицейского надзора, были убеждены, что без государственного контроля проституция принесет еще больше вреда. Регламентаристскую точку зрения отстаивали врач-венеролог В.М. Тарновский [40], инспектор врачебно-полицейского комитета А.И. Федоров [41], и др.

Как и М.И. Покровская, так и М.А. Чехова, редакторы-издатели «Женского вестника» и «Союза женщин», в отношении государственной регламентации занимали строгую аболиционистскую позицию. Указанные издания, выражавшие по большей части социально-политические взгляды редакторов, содержали ряд статей, обосновывающих необходимость отмены врачебно-полицейского надзора.

Мария Ивановна Покровская (род. 1852 – неизв.), врач-гигиенист и активистка женского движения, считала вопрос «об открытой торговле женским телом в целях разврата под надзором полиции и докторов» одним из самых тяжелых вопросов русской жизни [27, с. 33]. Как пишет Н.Б. Гафизова, «среди российских деятельниц женского движения она явилась главным приверженцем отмены регламентации» [5, с. 20]. Подробно изучив проблему проституции [44, с. 302–303], она пришла к выводу, что санитарный надзор за публичными женщинами ведет к тому, что «проститутка, как человек, совершенно забывается» [24, с. 3]. Проституцию она считала еще худшим злом, чем аборт, так как потребители женского тела не только уничтожают зародыши, но и мучительно убивают «уже живущее существо – женщину» [26, с. 104]. Кроме того, регламентация проституции не приносит пользы для здоровья населения, не решает проблему венерических заболеваний [25, с. 421], а лишь узаконивает то, что должно быть запрещено законом, и приводит к дальнейшей деморализации проститутки. Как образно говорилось в «Женском вестнике», «живой товар» беззастенчиво свидетельствуется правительственными мерами. Это что-то вроде санитарного надзора за свинными окороками. Недостает еще ставить на лбу у проститутки штампель, как на тушах» [18, с. 18].

Негодование и протест вызвало у М.И. Покровской известие о назначении женщин-врачей – заведующей женским отделением Калининской больницы З.Я. Ельциной и активистки феминистического движения П.Н. Явейн – в состав Петербургского врачебно-полицейского комитета. Ее возмущало, что женщины согласились способствовать «подготовке здорового товара для мужчин»: «врачебно-полицейский надзор за проституцией превращает молодых девушек в полицейскую вещь, отдает их произволу полиции, закрепощает в проституции, и врач в этом принимает участие?» [30, с. 132–133]. Покровская называет отступлением от принципов гуманности участие женщин-медиков в принудительном медицинском осмотре «наших несчастных сестер». Протест Покровской был оправдан – это могло нанести заметный вред женскому и аболиционистскому движениям одновременно. Как пишет она сама, «это измена женскому равноправию и поддержка женского рабства» [30, с. 133].

Аналогичная точка зрения проводилась в «Союзе женщин», редактор которого М.А. Чехова (1866–1937) являлась одной из создателей Союза равноправности женщин, первой политической женской организации в стране [44, с. 306]. В освещении проблемы проституции и способов ее решения журнал следовал своему программному лозунгу, связанному с «борьбой за равноправие женщин и, главным образом, за ее избирательные права, как первый необходимый шаг на пути к ее освобождению».

Регламентация обозначалась как социальное зло, которое должно быть «ненавистно всем благомыслящим женщинам». Поддержка правительством эксплуатации проституции прямо называлась покушением на общественную свободу, «продажей белых» [16, с. 17]. Главные аргументы против государственного контроля, призванного «обезопасить порочную жизнь для мужчин», в журнале назывались следующие: регламентация проституции не снижает уровень венерических заболеваний; легализация разврата, якобы необходимого для мужчин, понижает уровень общественной нравственности.

В призыве к отмене врачебно-полицейского надзора журналы опирались на опыт прогрессивных стран, где регламентация была уничтожена. Одним из передовых государств в этом отношении, по мнению авторов «Союза женщин», была Англия, где система государственного надзора была отменена в 1886 г. В этой связи была особенно отмечена деятельность Жозефины Бутлер, которая боролась за отмену регламентации в Англии [19, с. 12]. В статье «Красноречие цифр» приводились графические таблицы, показывающие снижение уровня венерических заболеваний у солдат английской армии, моряков, рекрутов и гражданского населения после прекра-

щения регламентации. Причинами, способствовавшими понижению заболеваемости, были названы беседы с солдатами о половом воздержании и гигиене, повышающие их моральный уровень, введение в казармах гимнастики и спортивных мероприятий, надзор за солдатами и закрытие домов терпимости в районах расположения войск [14, с. 20–22]. В «Союзе женщин» указывалось, что упразднение регламентации напрямую связано с получением женщинами права голоса, и приводился пример Новой Зеландии, где система надзора была отменена, как только женщинам были даны избирательные права. Также отмечалась скорая отмена легализации проституции в Финляндии, чему немало способствовало введение в 1906 г. всеобщего избирательного права и кампания с требованиями уничтожения регламентации с участием депутаток сейма [19, с. 12]. В этой связи был сделан акцент на деятельности финского общества «Hvita bandet», организовавшего дома призрения для проституток, распущенных вследствие закрытия публичных домов [43, с. 18].

Рост проституции и распространение венерических заболеваний – «два ужасных бича» – судя по данным статистики, были тесно связаны со столицами и портовыми южными городами. По замечанию автора статьи «Равноправие и проституция», притоны в Петербурге были настолько распространены, что извозчику не обязательно было указывать адрес, достаточно было попросить ехать в ближайший «веселый дом» [18, с. 17]. По данным из «Женской жизни» за 1907 г., периодическому освидетельствованию подверглись 13.385 проституток домов терпимости и 12.267 одиноких; по подозрению в занятии тайной проституцией были задержаны 8.964 женщины. Среди зарегистрированных проституток больных сифилисом оказалось: 47 % в домах терпимости, 48 % - среди одиночек и 36 % - среди «задержанных по подозрению». Автор считал эти данные далеко не полными, так как по законодательству проститутки младше 17 лет не регистрировались. По «сифилизации масс» первое место занимала Одесса, второе – Николаев, затем Москва и Петроград [21, с. 7].

В подтверждение доминирующей роли столичного города «в этом ужасном зле» в статье приводились профессии впервые зарегистрированных проституток, непосредственно связанные с городской средой: 158 – прислуга, 57 – портнихи, 18 – фабричные, 12 – белошвейки, 10 – чулочницы, 6 – модистки и т. д. [21, с. 7]. Определенные виды деятельности были связаны с риском попадания в ряды проституток. Это хористки, опереточные актрисы, певицы из кафешантанов, арфистки, наездницы из цирка, акробатки, официантки, и т. п. Безднаказанность и безответственность по отношению к «рабыням веселья» служили причиной «невозможного порядка вещей», при котором огромная категория женщин обречена служить

«забавой первого попавшегося мужчины» [3, с. 165]. При отсутствии закона, охраняющего интересы общественной и личной жизни от посягательства «покупательной системы молодых банкиров» [33, с. 18], женщины оставались жертвами ненормального уклада общественных отношений, отрицавшего их право на свободное самоопределение, и являлись лишь объектами права собственности со стороны властвующего мужчины [22, с. 5–6].

Та же безнаказанность перед лицом мужского произвола порождала другую «зловонную язву» – проституцию малолетних. Одним из препятствий в борьбе с торгом несовершеннолетними было отсутствие закона, который наказывал бы за пользование детской проституцией. Законодательство карало за растление малолетних и сводничество, но не за «потребление». Этот пробел в законах, позволявший безнаказанно пользоваться несовершеннолетними, вызывал особенное негодование журналисток. В «Женском вестнике» упоминался судебный процесс над 36 мужчинами, привлеченными за пользование девочками моложе 14 лет. При постановке приговора суд сделал снисхождение по той причине, что девочки были уже растлены, «потому жертвами являются не они, а мужчины, у которых не хватило моральной силы, чтобы противустоять искушению» [20, с. 21].

Борьбу с проституцией затрудняла хорошо организованная сеть по «вербовке» женщин. В Петербурге агенты занимались выявлением наиболее уязвимых девушек: провинциалок на вокзалах, матерей у родильных приютов. Процедура «ловли и обманного совращения» происходила настолько «ловко и таинственно», что поймать агента было почти невозможно. Кроме того, торговля русскими женщинами имела довольно широкий размах и за рубежом – их вывозили на пароходах из Одессы и Либавы. В Северной Америке был установлен особый надзор за суднами этого направления – девушек спускали на берег, провожатых судили [42, с. 23–24].

В отношении к падшим женщинам авторы журналов занимали гуманистическую позицию и призывали видеть в них не вещь, не самку, не товар, не аппарат для удовлетворения физиологических нужд мужчины, не орудие половых наслаждений, не куклу, которую, «истрепав, по минованию надобности, забрасывают» [3, с. 165], не скот или рабыню, – а несчастных существ, которым необходима помощь общества и государства. О.А. Симонова определяет сюжет о трагедии проститутки как один из самых востребованных в женской журнальной беллетристике [36, с. 11]. В статьях неоднократно встречаются эмоциональные выражения, призывающие читателя проникнуться отвращением к взгляду на женщину как на неодушевленный предмет. Вот некоторые из них: «белых рабынь революции не освободили даже от постыдного, мучительного и бесцельного

желтого билета»; «наши свободные города будут по-прежнему украшаться домами терпимости. По-прежнему будут в них томиться женщины-вещи» [1, с. 12]; «притоны разврата – это лавки, в которых открыто торгуют человеческим мясом» [31, с. 21].

Журналистки призывали относиться к проституции как к пощечине всем женщинам, заменить брезгливую щепетильность на возмущение, поднять «засаленную завесу», которой отгородили проституцию от «порядочной жизни» [1, с. 12], прислушаться к стонам «несчастных сестер, гибнущих в притонах разврата» [29, с. 197]. «Русская прогрессивная женщина должна стать на защиту проститутки – этого пария современного общества» [9, с. 20], – провозглашал журнал «Женщина».

С другой точки зрения смотрели на «публичных женщин» журналы, ориентировавшиеся на традиционные ценности. В «Мире женщины» врач, объясняя сестре вопрос полового инстинкта и касаясь темы «дам полусвета», пишет о них как о развратных девушках, которые превращаются в «нечто в роде кресел в театре, принадлежащих на один вечер каждому, кто заплатил за билет». Автор говорит о них с ханжески-пуританским пренебрежением и уверен, что его сестре никогда не придется с ними встречаться. Несмотря на упоминание о том, что мужчина, сближающиеся с подобными женщинами, ничуть не лучше их, в статье в большей мере осуждаются проститутки, а не проституция как негативное явление [12, с. 12–14].

Главными творцами проституции, по мнению изданий феминистской направленности, были половой инстинкт и неограниченный произвол мужчин, «потребителей» женского тела и «поработителей» женской свободы. По замечанию Н.Б. Лебиной и М.В. Шкаровского, представительницы демократического движения видели в мужчинах виновников не только проституции, но и общественных девиаций в целом [17, с. 113]. Покровская указывала на то, что развитию проституции содействовал господствующий в обществе взгляд на проституцию как позор только для женщин, а для мужчин – нормальное удовлетворение полового инстинкта [28, с. 195]. Само слово «падшая», применяемое исключительно к женщинам, являлось символом гендерного неравенства в половом и моральном отношениях. «Падших мужчин не бывает...» [13, с. 13].

Автор статьи «Чего хотят женщины» отмечает, что разврат стал обычным явлением среди мальчиков, о нем «открыто говорят на улицах, в кинематографах и т. д.» [10, с. 98]. Анкетирования в университетах показывали, что большинство студентов посещают публичные дома, зачастую начиная половую жизнь именно там. В ненормально раннем половом развитии подростков, помимо среды, воспитания и наследственности, даже винили одержимость обще-

ства эротизмом, психической заразой в виде эротомании [34, с. 14]. В связи с этим, одним из способов уничтожения проституции должна была стать забота о правильном воспитании мальчиков в половом отношении, развитие нравственного чувства у детей и юношества, борьба с ранним пробуждением у них полового инстинкта, а также убеждение их в том, что половой инстинкт не должен удовлетворяться беспорядочно, а тем более проституцией [См.: 34, с. 13–14; 28, с. 196–197]. Покровская даже предлагала в качестве борьбы с проституцией половое воздержание для мужчин, приводя в пример английскую общину «Белый крест», члены которой пропагандировали добрачное целомудрие [24, с. 29]. В этом отношении позиция феминизма схожа с позицией православной церкви, которая проповедовала половое воздержание до брака для обоих полов, однако акцент делался, прежде всего, на женском целомудрии. Здесь феминистки пошли дальше, требуя распространить это правило в той же степени и на мужчин, что, безусловно, являлось утопией.

Журналисткам было важно услышать голос самой проститутки и показать обществу, что она – человек, женщина, а не «особая порода людей». В этом отношении интересно «Письмо проститутки» из «Союза женщин». Данное письмо отвечает идеям, постулируемым журналом, что не исключает возможности его фальсификации в пропагандистских целях. Несмотря на это, текст является полезным материалом, так как отражает жизнь городской проститутки и те негативные явления, с которыми боролась прогрессивная общественность.

Письмо было получено из Вологды А.С. Милюковой, одной из «организаторш» женского съезда. Безымянная проститутка, обращаясь к «чистым женщинам», пишет, что проститутки тоже трудятся и страдают, и призывает услышать их голос (потому что они «все-таки женщины, а люди заботятся и о животных»). Хозяева домов бывают жестоки, зараженных девушек выгоняют, и они «живут как собаки». Их жизнь тяжела – «они истерзаны, больны и пьяны». Публичные дома – позор исключительно для мужчин, ради которых они построены, а сами мужчины – главные виновники распространения проституции, разврата и венерических заболеваний. В конце письма автор призывает общество откликнуться на «беззвучный стон» и пишет, что проституция будет уничтожена, когда женщину нельзя будет «употреблять» («проститутки – это сестры ваши, дочери ваших отцов, мужей и братьев») [23, с. 9–11].

Для женской прессы по отношению к проблеме проституции был характерен субъективизм, выразившийся в идеализации образа проститутки. Следуя идеям феминизма, авторы представляли ее как жертву мужского полового инстинкта, фальшивых воззрений на место женщины в природе, губительной городской среды, низкого

уровня заработной платы и т. д., – но практически никогда не видели причину в самой женщине. Как говорилось в речи на конгрессе Международного союза избирательных прав женщин, «природа создала женщину для великого дела материнства, а несправедливые условия жизни обратили ее в передаточную инстанцию губительной заразы». Несмотря на указание, что все же существуют «бедные женщины», которые по «причине наследственных пороков добровольно ступают на путь разврата», подчеркивалось, что две трети проституток стали таковыми из-за невозможности заработать честным путем [35, с. 198]. Из внимания авторов словно ускользал тот факт, что определенный процент женщин «шли на панель» из-за лени и нежелания заниматься тяжелым физическим трудом (как отмечает сама Покровская по результатам материалов, собранных среди проституток в Калининской больнице, нежелание работать занимало первое место среди указанных причин, побудивших женщин заняться проституцией) [24, с. 11].

На страницах женской периодической печати начала XX в. проституция рассматривалась как социальное зло, порожденное бесправным положением женщин и неограниченным произволом мужчин-потребителей. Редакторы и авторские коллективы общественно-политических изданий, состав которых был преимущественно женским, посвятили ряд статей данному вопросу и рассматривали его с позиции феминизма.

Методы борьбы с проституцией и способы ее предупреждения, постулируемые журналами, позволяют сделать вывод об активной гражданской позиции и высоком моральном уровне их авторов. Основные способы решения проблемы проституции женские журналы видели в борьбе за равноправие женщин, улучшении экономической ситуации, уничтожении государственного контроля и правильном половом воспитании детей и юношества. Редакторы и авторы изданий, образованные женщины, зачастую активистки общественных движений, выступали за гуманное отношение к «падшей женщине». Благодаря им со страниц журналов звучал призыв не отворачиваться от проститутки как от существа «другого сорта», а видеть в ней человека, женщину, сестру.

Женские издания начала XX в. видели в проституции животрепещущую проблему общества, воспринимали ее как «социальное бедствие», и всячески способствовали ее решению. В отличие от позиции государства, состоявшей в механической эксплуатации женщин и закреощении их в легализованных «домах терпимости», российские интеллигентки, «новые женщины» с активной гражданской позицией, глубоко изучали проблему проституции и постулировали необходимость борьбы с ней как одним из выражений бесправия женщины.

Список литературы

1. Анчарова М. Проституция // Женское дело. – 1917. – № 12. – С. 11–13.
2. Бентовин Б.И. Торгующие телом (Очерки современной проституции). – СПб., 1909.
3. Бландова М. Суровый приговор // Женский вестн. – 1911. – № 9. – С. 165–167.
4. Боннер-Смеюха В.В. Отечественные женские журналы: Историко-типологическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2001.
5. Гафизова Н.Б. Международный и российский опыт борьбы с проституцией и торговлей женщинами в конце XIX – начале XX века. – Иваново, 2000.
6. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. – СПб., 1908.
7. Елистратов А.И. Задачи государства и общества в борьбе с проституцией: публ. лекции. – М., 1911. – С. 105–148.
8. Елистратов А.И. О прикреплении женщин к проституции (Врачебно-полицейский надзор). – Казань, 1903.
9. Женская жизнь в России // Женщина. – 1909. – № 19. – С. 20.
10. Женщина. Чего хотят женщины // Женский вестн. – 1912. – № 4. – С. 98–99.
11. Жукова А.В. Женская пресса как фактор социализации личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1998.
12. В. К-вич. Из связки старых писем // Мир женщины. – 1915. – № 7–8. – С. 12–14.
13. Исполатова С.К. Самосознание женщины, как фактор обновления общественного строя // Союз женщин. – 1908. – № 12. – С. 12–16.
14. К. Красноречие цифр // Союз женщин. – 1908. – № 7–8. – С. 20–22.
15. Крадецкая С.В. Журнал «Союз женщин» (1907–1909 гг.): история издания и основные особенности // Вестн. Пермского ун-та. – 2012. – № 3. – С. 56–62.
16. Кучина О.И. По поводу последнего женевского конгресса аболиционистов // Союз женщин. – 1908. – № 12. – С. 16–18.
17. Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). – М., 1994.
18. Мансветов А. Равноправие и проституция // Женский вестн. – 1914. – № 1. – С. 17–18.
19. Минович Н. К вопросу о государственной регламентации проституции // Союз женщин. – 1908. – № 4. – С. 11–12.
20. Мужской суд // Женский вестн. – 1914. – № 1. – С. 21–22.
21. Ноэми. «А на лбу роковые слова»... // Женская жизнь. – 1915. – № 20. – С. 7–8.
22. Паниев К. Еще один процесс // Женская жизнь. – 1915. – № 7. – С. 5–6.
23. Письмо проститутки // Союз женщин. – 1909. – № 4. – С. 9–11.
24. Покровская М.И. Борьба с проституцией. – СПб., 1900.
25. Покровская М.И. Доклад о законодательных мерах против торга женщинами в целях разврата // Тр. Первого Всерос. съезда по борьбе с торгом женщинами. – Т. II. – С. 418–421.
26. Покровская М.И. К вопросу об аборте // Женский вестн. – 1914. – № 4. – С. 102–105.
27. Покровская М.И. Министерство внутренних дел о борьбе с проституцией // Женский вестн. – 1914. – № 2. – С. 33–34.

28. Покровская М.И. О проституции малолетних (продолжение) // Женский вестн. – 1912. – № 10. – С. 194–197.
29. Покровская М.И., Булюбаш Э.И. Подумайте! Воззвание С.-Петербургского клуба Женской прогрессивной партии // Женский вестн. – 1912. – № 10. – С. 197.
30. Покровская М.И. Приветствовать ли? // Женский вестн. – 1911. – № 5–6. – С. 132–133.
31. Против надзора // Женский вестн. – 1914. – № 1. – С. 20–21.
32. Пустарнакова Д.А. Отечественные общественно-политические женские журналы второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2013.
33. П-ч Вл. Одинокая судьба // Женская жизнь. – 1915. – № 7. – С. 18.
34. Ратов М. Большой вопрос // Союз женщин. – 1908. – № 2. – С. 13–14.
35. Речь, произнесенная в Стокгольме 12-го июня 1911 г. на конгрессе Международного союза избирательных прав женщин его председательницей М-сс Чепмэн Кэтт // Женский вестн. – 1911. – № 10. – С. 189–198.
36. Симонова О. А. Массовая беллетристика в структуре женских журналов 1910-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
37. Скобло Е.В. Эволюция женской периодики в дореволюционной России // Литературоведение и журналистика: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2000. – С. 256–264.
38. Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса. – Ростов н/Д., 2012.
39. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 г. – Т. II. – СПб., 1912.
40. Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. – СПб., 1888.
41. Федоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. – СПб., 1897.
42. Хроника женского вопроса в России // Союз женщин. – 1908. – № 7–8. – С. 22–25.
43. Э.Я. Уничтожение проституции в Финляндии // Союз женщин. – 1908. – № 1. – С. 18.
44. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб., 2007.
45. Ямпольская Р.М. Женская пресса. Ее типологические особенности // Вестн. МГУ. – Сер. 10. Журналистика. – 1995. – № 1. – С. 15–25.
46. Ямпольская Р.М. Женская пресса: основные проблемно-тематические направления // Вестн. МГУ. – Сер. 10. Журналистика. – 1997. – № 4. – С. 3–15.

Журнал «Вестник Московского земства» – попытка создания общеземского печатного издания

В статье рассматриваются попытки создания общеземского органа печати по инициативе Московского земства. Автор показывает как на протяжении шести лет, с 1899 по 1905 гг., Московское земство вело переговоры с Министерством внутренних дел о разрешении издавать собственное периодическое издание. Автор приходит к выводу о том, что правительство находило предлоги для отказа от диалога с земством, не желая привлекать общественность к обсуждению злободневных проблем и популяризации деятельности земства. Настойчивость Московского земства осталась без внимания.

The article considers the issues of establishing new periodical by Moscow zemstvo. The negotiations with the government lasted six years (1899–1905) and did not succeed. The author's research reveals that the government refused to meet zemstvo's demands and needs and did not want to involve the public in discussion of vital problems of Russian society.

Ключевые слова: Главное управление по делам печати министерства внутренних дел, общественное мнение, В.К. Плеве, Д.Н. Шипов, «Вестник Московского земства», периодика в начале XX в.

Key words: the General Administration of Press in the Ministry of the Interior, public opinion, V. Plevé, D. Shipov, "The Bulletin of Moscow Zemstvo", the press, the media at the beginning of the XX century in Russia.

Начало XX в. характеризуется подъемом общественного движения. Не последнюю роль в становлении общественного самосознания играла печать [3]. Понимая важность периодических изданий в распространении идей, земства Российской империи предприняли попытку создать свой собственный орган печати для популяризации «деятельности земств в отдельных отраслях земского хозяйства» [4. Л. 4] и более или менее научного выяснения «явлений текущей земской жизни». Как вспоминал Д.Н. Шипов, председатель Московской губернской земской управы, в указанный период «в обществе возрос интерес к деятельности общественных учреждений; заседания земских собраний и городских дум привлекали значительное количество публики и чувствовалось, что общество видит в земстве своего главного представителя и выразителя интересов всего населения» [7, с. 157].

В августе 1898 г. председатели губернских земских управ собрались в Москве во время открытия памятника императору Александру II. В ходе этих встреч был решен вопрос о необходимости

создания земского периодического органа печати и высказано пожелание, чтобы московское губернское земство взяло бы на себя организацию данного журнала. Московская губернская управа во главе с Д.Н. Шиповым разработала проект программы земского печатного органа и в октябре 1898 г. разослала его председателям других губернских земских управ.

Из полученных ответов от Вологодского, Казанского, Костромского, Курского, Московского, Олонецкого, Пермского, Рязанского, Самарского, Саратовского и Таврического губернских собраний оказалось, что большинство председателей земских управ поддерживает идею создания периодического издания в Москве. 17 марта 1899 г. московское губернское собрание одобрило его программу и уполномочило управу обратиться с ходатайством в министерство внутренних дел: «1. о разрешении Московскому губернскому земству издавать при губернской управе с 1 января 1900 г. «Земский вестник» и 2. о разрешении бесплатной рассылки его во все губернские управы» [6, с. 44]. По решению указанных выше губернских собраний общеземский журнал при Московской губернской земской управе планировалось организовать на добровольные средства губернских земств, которые захотят принять участие в его издании. Прошение было направлено в Главное управление по делам печати министерства внутренних дел.

На докладе министру внутренних дел по поводу данного ходатайства начальник Главного управления по делам печати оставил следующую резолюцию: «Г. министр приказал передать дело в хозяйственный департамент¹. 1 июня 1899 года М. Соловьев» [4. Л. 24 а]. И.П. Горемыкин отклонил ходатайство Московского земства на основании третьей статьи Положения о губернских и земских учреждениях, гласившей: «Круг действий земских учреждений ограничивается пределами Губернии или уезда, каждому из сих учреждений подведомственных» [Цит. по 9, с. 263].

На основании этой резолюции далее все прошения по этому вопросу передавались Главным управлением по делам печати в хозяйственный департамент.

В 1899 г. хозяйственный департамент министерства внутренних дел «разослал в земские управы объявления, что с января 1900 года при департаменте будет издаваться периодический сборник под названием «Вестник земского и городского хозяйства» [1, с. 82] и его редакция «с полной готовностью откроет страницы издания для помещения в оном статей по вопросам земского и городского дела» [Цит. по 6, с. 44]. По воспоминаниям И.П. Белоконского «земствам этим решением был, что называется, заткнут рот. Правительство

¹ Здесь и далее подчеркнуто в источнике.

имело возможность отвечать: "Зачем вам теперь общеземский орган, когда таковой уже будет издаваться министерством?"» [1, с. 82].

Вскоре был получен официальный отказ в издании земского периодического органа со стороны министерства внутренних дел. «В свою очередь, хозяйственный департамент известил все управы, что в 1900 г. издание «Вестника земского и городского хозяйства» не состоится» [6, с. 44].

В 1901 г. Московское губернское земство еще раз попыталось обратиться с ходатайством в министерство внутренних дел об издании периодического органа, но на этот раз ходатайство осталось без ответа, «продемонстрировав полное пренебрежение к просьбам представителей местного самоуправления» [6, с. 45]. Но Московское земство это не смутило.

12 декабря 1902 г. на очередной сессии Московское губернское земское собрание постановило: «1.признать необходимым приступить к изданию ежемесячного органа печати под названием «Вестник Московского земства» по программе, изложенной в докладе управы и комиссии, 2.уполномочить губернскую управу возбудить надлежащее ходатайство о разрешении означенного издания и 3.по получении удовлетворительного ответа, приступить к изданию с января 1904 г.» [4. Л. 1]. Расходы по изданию журнала должны были быть отнесены к статье непредвиденные расходы.

Земский журнал предполагалось издавать по указанной в прошении программе. Она включала в себя девять пунктов. Сомнения у Главного управления вызвали 2 и 4 пункты программы, предполагавшие рассмотрение обязательных постановлений земства и городских дум и освещение хроники земств разных губерний, включавших элемент обратной связи в периодическое издание в виде ходатайств перед правительством, ответы губернаторов и жалобы правительствующему сенату [4. Л. 1]. Вызвали беспокойство у Главного управления по делам печати и 5 и 6 пункты программы, а именно освещение «важнейших явлений внутренней жизни России и московского района в частности. Проекты и законоположения, влияющие на местную жизнь. Хроника городов Московской и других губерний. Хроника сословных учреждений. Судебная хроника по делам, касающимся земского и городского хозяйства и управления. Местное управление в иностранных государствах. Сведения о положении городского и земского хозяйства и об организации его в главнейших западно-европейских государствах» [4. Л. 1 об.]. Проектируемый журнал предполагал наличие приложений, которые должны были включить в себя: журналы, доклады, отчеты земства, статьи и исследования по вопросам, входящим в программу журнала. Планировалось издавать журнал ежемесячно «книжками от 15 до 20 листов каждая по подписной цене 7 руб. в год с доставкой и

пересылкой» [4. Л. 1 об.]. Ответственным редактором издания был назначен председатель Московской губернской земской управы Д.Н. Шипов.

Исполняя решение собрания, Московская губернская управа, на основании ст. 118 Устава о цензуре и печати («Прошения о сем подаются в Главное Управление по делам печати и должны содержать в себе: 1) названия или заглавия издания, программы оною, сроков выхода в свет и подписной цены; 2) имени и места жительства издателя и ответственного редактора; а если их несколько, то каждого из них; 3) типографии, в которой издание будет печататься») [8, с. 55], направила прошение на имя министра внутренних дел в Главное управление по делам печати о разрешении ежемесячного издания «Вестника Московского земства».

17 января 1903 г. Московская губернская земская управа обратилась в Главное управление по делам печати с ходатайством о разрешении ему издавать журнал «Вестник Московского земства» или «Земский Вестник» с дозволения предварительной цензуры [4].

24 января 1903 г. Главное управление по делам печати направило запрос московскому генерал-губернатору [4. Л. 2]. Против открытия земского журнала высказались московские генерал-губернатор [4. Л. 3] и губернатор [4. Л. 4].

3 марта 1903 г. из управления московского генерал-губернатора пришел ответ, в котором говорилось, что «несмотря на то, что в некоторых губерниях империи издаются печатные земские органы, в виду известного министерству внутренних дел направления деятельности Московского земства и предполагающегося редактора председателя земской управы действительного статского советника Д.Н. Шипова, «... характер "Вестника Московского земства", в случае его разрешения будет направлен не только к обсуждению вопросов чисто местных, но и общих, чем, вероятно, будет отличаться этот журнал от издающихся в некоторых губерниях подобных же земских органов» [4. Л. 3 об.]. Поэтому «едва ли может представляться желательным для местной администрации, а может и самого министерства внутренних дел, издание Московским земством упомянутого вестника» [4. Л. 3 об.].

Министр внутренних дел В.К. Плеве признал программу предполагаемого периодического издания «несоответствующей предмету ведомства, указанному для земских учреждений» и представил это дело в Комитет министров, где оно и было отклонено, о чем было сообщено министру внутренних дел «выпиской из журнала комитета министров от 3 июня 1903 г.» [4. Л. 10].

14 января 1904 г. ответ министерства внутренних дел был сообщен губернскому земскому собранию. В результате обсуждения вопроса собрание «единогласно постановило: имея в виду, что со-

бранию не известны мотивы отклонения возбужденного им в 1902 году ходатайства о разрешении издавать земский печатный орган и что в истекшем году подобные разрешения даны некоторым земствам, возобновить вышеупомянутое ходатайство» [4. Л. 13].

Однако в разрешении опять было отказано «в виду состоявшегося и объявленного губернскому земству положения комитета министров по таковому же ходатайству его, ныне ни в чем не измененному» [4. Л. 13].

12 марта 1905 г. Московское губернское земское собрание вновь собралось на заседание. Был заслушан доклад графа П.С. Шереметева о возобновлении ходатайства о земском печатном органе и решено «поручить управе вновь представить ходатайство о разрешении Московскому губернскому земству издавать при губернской земской управе и за ее ответственностью периодический орган печати под названием "Земский вестник" по программе, одобренной собранием в 1901 г.» [4. Л. 26].

Ссылаясь на Высочайший Указ 12 декабря 1904 г. [5, с. 1197–1198], Московское земство выразило надежду, что при новом отношении к земствам, выраженном в Указе, «объединение их уже не может рассматриваться как явление не желательное и очень возможно, что предположение земства об издании периодического органа печати встретит теперь в правительственных сферах большее сочувствие, чем раньше» [4. Л. 26–26 об.].

Создание и опубликование Указа 12 декабря 1904 г. было тесным образом связано с деятельностью на посту министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского [2], объявившего о доверии обществу. Воспользовавшись новым правительственным курсом, земские деятели собрались в ноябре 1904 г. на земский съезд, где утвердили резолюции, ставшие в последствии основой для проекта Указа 12 декабря 1904 г. И хотя главный пункт земской программы о привлечении выборных представителей от земств и городских дум в Государственный совет был вычеркнут в последний момент из проекта Указа, восьмой пункт об отмене некоторых ограничений в законах о печати и предоставления ей возможности «достойно выполнять высокое призвание быть правдивою выразительницей разумных стремлений на пользу России» [5, с. 1197] был оставлен. Именно на этот пункт Указа 12 декабря 1904 г. и ссылались земцы, подавая в очередной раз в марте 1905 г. прошение о разрешении открыть журнал.

Представляя ходатайство Московского губернского земского собрания в Главное управление по делам печати Московский губернатор Кристи высказался против разрешения издания общеземского печатного органа [4. Л. 27].

16 июня 1905 г. в Главное управление по делам печати пришла справка из отдела земского хозяйства о том, что он «не имеет в своем распоряжении никаких данных для возражения против заключения Московского губернатора о нежелательности разрешения губернскому земству издавать "Земский вестник" по программе одобренной земским собранием при возбуждении в 1901 г. ходатайства об издании общеземского органа печати» [4. Л. 30]. При этом дополнительно сообщалось, что «общий вопрос о допущении земских изданий, изъятых от предварительной цензуры, мог бы быть разрешен лишь в законодательном порядке, при пересмотре положения о земских учреждениях, или в порядке выполнения п. 8 Высочайшего Указа 12 декабря 1904 года об устранении излишних стеснений печатного дела» [4. Л. 31 об.].

В результате отзывов Московского губернатора и Главного управления по делам местного хозяйства, а также мнения, что «издание Московским губернским земством проектированного временного общеземского органа печати могло бы оказаться в резком противоречии с теми задачами, которые поставлены земским учреждениям, относящимся к местным хозяйственным пользам и нуждам (ст.1 пол. о губернских и земских учреждениях, изд. 1892 г.), Главное управление по делам печати полагало бы признать настоящее ходатайство Московского губернского земства подлежащим отклонению» [4. Л. 31 об.].

26 июля 1905 г. заключение Главного управления по делам печати по поводу организации общеземского журнала при Московском земстве было направлено Московскому губернатору. В нем дополнительно сообщалось, что «в частности вопроса о возможности бесцензурного издания земских органов печати Главное управление по делам печати считает долгом сообщить, что вопрос этот находится в настоящее время в числе других на рассмотрении высочайше утвержденного под председательством действительного тайного советника Кобеко особого совещания по пересмотру законов о печати и, до решения его названным совещанием ходатайства отдельных земств по означенному предмету не могут получить того или иного окончательного разрешения» [4. Л. 32 об.].

Таким образом, Московское земство на протяжении более пяти лет пыталось законным способом открыть печатный периодический орган, который бы объединил под своим началом все земства и мог бы наладить конструктивный диалог с властью. Правительство в лице министров внутренних дел, первоначально И.Л. Горемыкина, затем Д.С. Сипягина, В.К. Плеве и А.Г. Булыгина, находило предлоги для отказа от диалога с земством. Причиной тому было нежелание привлекать общественность к обсуждению злободневных проблем и разъяснение среди общественности деятельности зем-

ства, где, по мнению правительства, концентрировался так называемый третий элемент. Правительство стремилось строго очертить деятельность земств пределами их компетенции, не допуская выхода за рамки закона. Все начинания по поводу Указа 12 декабря застряли в бюрократической машине, а разработка обсуждавшихся в особых комиссиях законопроектов была рассчитана на длительные сроки. Данный эпизод показывает нежелание власти идти на компромисс с обществом. Настойчивость Московского земства осталась без внимания. Именно поэтому, минуя официальные каналы, в конце 1904 г. в Санкт-Петербурге создаются на частные средства три либеральные газеты: «Сын Отечества», «Наша жизнь» и «Наши дни» для популяризации деятельности земских организаций и распространения земских идей среди общественности.

Список литературы

1. Белоконский И.П. Земское движение. – М., 1914.
2. Крылова Е.Н. П.Д. Святополк-Мирский и опубликование Указа 12 декабря 1904 г. // Общество и власть: материалы Всерос. науч. конф. – СПб., 2006. – С. 167–173.
3. Крылова Е.Н. Российская периодическая печать на рубеже XIX–XX вв. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 5. – СПб., 2014. – С. 95–100.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 776. Оп. 8. Д. 1681.
5. Полное собрание законов Российской Империи. – Собр. 3. – 1905 – Т. XXIV. Отд. 1. – СПб., 1907.
6. Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. – М., 2010.
7. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 2007.
8. Устав о цензуре и печати (Св. законов т. 14) с позднейшими установлениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правит. Сената и административными распоряжениями. Составлен В.П. Ширковым. – СПб., 1900.
9. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов – М., 1997. – С. 262–263.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(470-25)«1865/1893»:352.075.2

А.Г. Гусев

Николай Александрович Алексеев: первый год в должности московского городского головы

Николай Александрович Алексеев занимал должность московского городского головы с 1885 по 1893 гг. В статье рассмотрены основные итоги первого года работы Н.А. Алексеева в данной должности, обозначены ключевые направления преобразований, сделаны выводы о значении предпринятых им мер для дальнейшего развития Москвы.

Nikolai A. Alekseev occupied the position of Moscow city mayor from 1885 to 1893. In the article the main results of the first year of Alekseev's work in his position are summed up, key directions of changes are in dictated, conclusions about the importance of the measures for the further development of Moscow under taken by him are made.

Ключевые слова: Московское городское общественное управление; Московская городская дума; Московская городская управа; Николай Александрович Алексеев; административная деятельность; городской голова; благотворительность; городское благоустройство; социально-культурная сфера.

Key words: Moscow city public administration; Moscow city дума; Moscow city government; Nikolai A. Alekseev; administrative activity; city mayor; charity; city improvement; socio-cultural sphere.

Городской голова Николай Александрович Алексеев возглавлял общественное управление Москвы более семи лет: с 28 ноября 1885 г., когда был утвержден в должности императором [5], до самой своей смерти 11 марта 1893 г. [1]. Город за эти годы преобразился до неузнаваемости, и немалая заслуга в этом, безусловно, принадлежит Алексееву. Твердая рука Николая Александровича коснулась всех значимых вопросов городской жизни. На основании изученных источников и литературы рассмотрим первый год службы Н.А. Алексеева в должности московского городского головы, так как именно в этот период были намечены основные направления преобразований, а многие важные реформы были и полностью завершены в 1886 г.

Основная задача, стоявшая перед Алексеевым с первых дней службы в должности, заключалась в упорядочивании работы Думы и Управы. В связи с этим Николаю Александровичу часто приходи-

лось проявлять жесткость по отношению к гласным, в ходе заседаний Думы прерывать ораторов, отклонявшихся от темы обсуждения, а в некоторых случаях и вовсе лишать их слова. В стенографических отчетах о заседаниях Думы имеются многочисленные примеры ярких эмоционально окрашенных высказываний городского головы, призванных дисциплинировать собравшихся: «прошу вас не отклоняться от вопроса» [2, стб. 1376]; «то, что вы говорите, заключения доклада не касается» [8, стб. 213]; «то, о чем вы говорите, не подлежит обсуждению» [9, стб. 124]; «я прекращаю этот разговор, – он до дела не относится» [9, стб. 124] и т. д.

Именно Николай Александрович Алексеев уже в первый год своей работы добился того, что члены Управы стали присутствовать на заседаниях Думы – об этом, обращаясь к голове в заседании 28 марта 1886 г., заявил гласный П.Н. Епанешников: «Давным-давно говорилось о том, что необходимо присутствие членов Управы в заседаниях Думы; но исполняться это стало только с вашим вступлением в должность Городского Головы» [11, стб. 227]. Отметим, что ст. 50 Городового положения 1870 г., на основании которого и функционировали органы общественного управления, прямо предписывала членам Управы присутствовать в заседаниях Думы и участвовать в прениях [6, с. 828], но до прихода Алексеева на должность она нарушалась.

Оптимизация деятельности Управы в первый год службы Николая Александровича осуществлялась в рамках организационно-штатных мероприятий: в январе 1886 г. он ввел дополнительную должность члена Управы без вознаграждения (на общественных началах) [8, стб. 43], а в марте 1886 г. в целях улучшения работы юрисконсульта Управы – должность его помощника [7, стб. 51]. Указанные мероприятия, безусловно, расширили круг дел, которыми теперь одновременно мог заниматься этот орган.

Взаимоотношения с губернской властью Алексеев старался выстраивать грамотно, имея в виду то влияние, которое она могла оказать на работу городского общественного управления. Понимая высокое значение хороших взаимоотношений с губернскими властями, Николай Александрович на первом же заседании призвал своих подчиненных к плодотворному сотрудничеству в данном направлении: гласных от г. Москвы в Губернском земском собрании он просил посещать заседания указанного органа, так как это «важно и по многим вопросам необходимо» [2, стб. 1281].

Алексеев старался лишней раз не тревожить высшую власть, считая, что «прежде, чем вырывать дело из рук администрации, надо прийти к ней с готовым проектом того, что мы хотим и может¹

¹ Вероятно, опечатка. Правильно читать: «можем». – Прим. А.Г.

сделать» [2, стб. 1364]. Также он признавал: «ни Управа, ни я лично никогда не уклоняемся представлять те или другие ходатайства Думы; но просим сначала взвесить – стоит ли обращаться с этим ходатайством к высшему правительству и беспокоить его им» [11, стб. 10].

Буквально с первых дней службы Алексеев стремился подчинить своему влиянию все сферы жизни города, усилить свою власть и расширить полномочия органов общественного управления. К мерам, направленным на достижение указанных целей, относится, в том числе, подчинение Управе Статистического городского отдела, бывшего до этого самостоятельным органом [7, стб. 1–3], а также Торговой полиции [7, стб. 82–98].

В 1886 г. в целях оптимизации деятельности мировых судей было осуществлено очередное разделение города на мировые участки: 14 января по предложению Московского столичного мирового съезда появилось три дополнительных участка (Екатерининский, Сухаревский и Таганский), что снижало нагрузку на судей и повышало качество их работы [7, стб. 7–8].

Стремился голова оптимизировать систему финансов Москвы и сделать более рациональными городские траты. В одно из первых своих заседаний он провел решение о ходатайстве, «чтобы с города сложена была обязанность содержать Коммерческий Суд и чтобы вся сумма этого сбора была изъята из ведения Городского Управления» [2; стб. 1359]. Кроме того, Алексеев провел через Думу решение о сокращении расходов города на стороннее учреждение – Комиссию по составлению и печатанию списков присяжных заседателей по г. Москве и его уездам – с 2400 до 1250 р. в год [7, стб. 10–11]. Таким образом, город освобождался от необоснованных и ненужных трат.

В самом начале алексеевского правления был реализован первый городской «Высочайше разрешенный» облигационный заем в 3.000.000 р., причем, по мнению самого Николая Александровича, «благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам на денежном рынке, г. Москве удалось реализовать свой заем по такой цене, по какой не выпускался ни один государственный 5% заем в России» [12, стб. 25–26].

Таким образом, в рамках административной деятельности в первый год службы в должности московского головы Алексеев предпринял ряд мер по оптимизации городских финансов, упорядочиванию работы Думы и Управы. Кроме того, своими действиями он способствовал установлению конструктивных и дружелюбных отношений с руководством Московской губернии, усиливал власть органов городского управления за счет расширения их полномочий, развивал систему мирового судопроизводства.

Много сил и времени в первый год своей службы потратил Алексеев на решение проблем городского благоустройства. С февраля 1886 г., началось активное разрешение вопроса о строительстве здания Думы на Воскресенской площади: точкой отсчета здесь можно считать приговор о выделении средств на составление проектов данного здания [7, стб. 21–22].

Вопрос о строительстве водопровода обсуждался в Думе с января 1886 г., причем Алексеев с самого начала стремился максимально контролировать его. В апреле 1886 г. Думой в результате грамотно проведенных торгов был отвергнут концессионный способ строительства [10, стб. 80], а позже голова добился того, что дело это было всецело передано в его руки. Таким образом, к маю 1886 г. процесс строительства водопровода был запущен и единственным руководителем и распорядителем его стал сам городской голова.

Вопрос о постройке боен и скотопригонного двора в Москве обсуждался давно, и еще до Алексеева проводились подготовительные и разведочные работы [4, стб. 82]. В первый год службы Николая Александровича в должности головы работа эта активизировалась и процесс строительства боен и скотопригонного двора вступил в свою активную фазу.

Похожим образом решался вопрос о переустройстве рядов на Красной площади: заговорили о проблеме еще в 1880 г., а к активным действиям перешли лишь при Алексееве. В январе 1886 г. было создано акционерное общество, призванное заниматься мероприятиями по перестройке указанных рядов [11, стб. 59], а в июле – принято решение о строительстве за городской счет временных торговых помещений [13, стб. 80], так как нельзя было оставить лавочников без работы. Выстроенные в самом центре Москвы здания торговых рядов, а также очищенная от палаток и лавок Красная площадь – все это позже явилось результатом успешного разрешения данного вопроса.

С приходом к власти Николая Александровича вновь был поднят, но теперь – еще и решен, вопрос об устройстве на Москве-реке крытых полоскален, призванных убереечь прачек от пронизывающего речного ветра. Приговором от 16 мая 1886 г. было определено «ассигновать в распоряжение Управы до четырех тысяч (4.000) рублей для устройства у Москворецкого моста двух или трех полоскальных плотов» [7, стб. 110].

При Алексееве в городе начала активизировалась противопожарная деятельность: утвержденное 27 мая 1886 г. [7, стб. 127] обязательное постановление регулировало вопросы пожаробезопасного размещения складов лесоматериалов и дров. В этом же постановлении впервые с позиции пожарной безопасности частично ограничивалось курение (§ 18, 28 [7, стб. 106, 108]). Кроме того, постепенно,

начиная с центральных частей города, вводился запрет деревянного строительства [7, стб. 8], а городским предпринимателям дали разрешение устроить на Москве-реке водокачку и построить пожарный водопровод в центральной части города, где у них хранился товар [7, стб. 18].

Жесткой регламентации при Н.А. Алексееве подверглась деятельность городских извозчиков: 28 февраля 1886 г. Думой был утвержден Проект обязательного постановления об извозчиках, вступавший в силу с 1 июля 1886 г. [7, стб. 50]. Таким образом, в первый год пребывания Николая Александровича в должности система грузо- и пассажироперевозок в Москве стала функционировать по строго определенным правилам.

Немаловажными с точки зрения городского благоустройства были меры по расширению отдельных улиц центра Москвы. В некоторых случаях необходимые участки земли приходилось выкупать у частных лиц: так произошло при расширении Сухаревской площади [11, стб. 5], Леонтьевского [7, стб. 76] и Яковлевского [7, стб. 151] переулков. Но иногда договориться с землевладельцами не удавалось: в таких случаях Дума шла на крайнюю меру – обращалась к императору об отчуждении участков [7, стб. 56–57].

Освещение Москвы в конце XIX в. по-прежнему осуществлялось только в безлунные ночи, а значительную часть месяца в ночное время город освещался лунным светом. Голова предложил ввести круглогодичное газовое и керосиновое ночное уличное освещение за счет сокращения части фонарей на сильно освещенных улицах [12, стб. 128]. Кроме того, при Алексееве осуществлялось экспериментальное электрическое освещение площади Храма Христа Спасителя [11, стб. 107].

В рассматриваемый период впервые появились официальные правила выгула собак: 3 июня 1886 г. было принято постановление, установившее правило водить собак по улицам (за исключением скверов, бульваров, а также мест общественных гуляний) только в ошейнике и на поводке. Хозяевам собак вменялось в обязанность следить, чтобы их питомцы не выбегали на улицу. Кроме того, было юридически зафиксировано право полиции заниматься уничтожением бродячих собак [7, стб. 152–153].

В рамках мероприятий по развитию городского строительства Алексеев в 1886 г. реформировал подрядную систему. Сначала для того, чтобы поставить под контроль Думы производство всех крупных строительных работ в городе, Управе было поручено предварительно составлять проекты организации надзора за стройками, а также «особые кондиции на каждую такую работу» [8, стб. 52]. Затем был составлен список рекомендованных гласными и членами Упра-

вы подрядчиков, «которые не были штрафованы и которым Управа доверяет», и среди них производились торги [9, стб. 123].

Таким образом, в первый год службы Алексеева в должности московского головы был решен ряд проблем городского благоустройства: началась реализация крупных строительных проектов, под контроль города была поставлена деятельность подрядчиков, проводилась активная противопожарная политика, расширялись городские улицы, улучшалось освещение, регламентировалась деятельность извозчиков – одним словом, Москва превращалась в современный европейский город.

Огромный вклад внес Алексеев в развитие социально-культурной сферы города. Особенное внимание с первых дней своей работы городской голова уделял медицине, и на то были причины. В январе 1886 г. в рамках борьбы с эпидемией тифа Николай Александрович добился открытия в городе 150 дополнительных больничных мест [8, стб. 108–109]. В целях развития городской медицины он поддержал выделение земли на Девичьем поле университету под строительство клиники на 600 мест [7, стб. 8–9], а также изыскал средства на строительство и содержание барака на 20 больных при Московской городской детской больнице Св. Владимира [7, стб. 33].

В целях профилактики заболеваемости оспой городской голова предложил учебным заведениям «требовать от родителей принимаемых детей, чтобы детям была привита оспа, так как нынешняя зима показала, насколько опасно неприятие подобной меры» [10, стб. 137]. Таким образом, Алексеев впервые поднял в Думе вопрос об обязательных профилактических прививках. Причем для контроля он считал возможным обойтись без предоставления соответствующих документов – ограничиваться лишь внешним осмотром детей в день приема [10, стб. 138].

Очень остро стоял вопрос с размещением душевнобольных, которых из-за нехватки свободных мест в Преображенской больнице содержали в полицейских приемных покоях, предназначенных для оказания «в экстренных случаях, первоначальной врачебной помощи». Алексеев активно взялся исправлять ситуацию. Первоначально принятые им меры сводились к тому, что он нашел помещение для душевнобольных – Сущевский частный дом, а также привлек мецената И.С. Титова, благодаря помощи которого часть душевнобольных женщин была размещена в помещении Хамовнического частного дома [13, стб. 38–39]. Следующим этапом стало обсуждение проекта строительства психиатрической больницы.

Выделялись средства и предпринимались меры для улучшения и развития системы родовспоможения в городе. По приговору от 28 февраля 1886 г. было решено: для равномерного размещения

родильных приютов по Москве переместить один из них в другую часть города; увеличить в общей сложности на 6 коек количество мест в двух существующих приютах; принять на содержание города некоторое число рожениц сверх тех 328 женщин в год, которых уже обслуживала Голицынская больница, с уплатой за каждую из них по 5 рублей [7, стб. 48–49]. Цель указанных мер – сократить число отказов роженицам, случавшихся по причине нехватки мест в родильных приютах.

При поддержке Алексеева московские врачи начали сотрудничать с профессором Пастером, который организовал во Франции клинику по лечению лиц, укушенных бешеными собаками (причем, по словам гласного Ф.П. Попова, «из 350 лиц... 349 остались совершенно здоровыми» [11, стб. 28]): 11 марта 1886 г. было решено за счет города отправить в Париж доктора Унковского для заимствования опыта [7, стб. 53].

В ходе заседания Думы 25 февраля 1886 г. Николай Александрович поднял очень острый вопрос – о санитарном состоянии города, в частности о распространении заразных заболеваний в московских доходных домах, где жилье сдавалось внаем. С этого дня еженедельно в заседаниях Думы оглашался список неблагополучных в санитарном состоянии домов, и эта мера уже через несколько месяцев дала свои результаты.

Совместно с обер-полицмейстером Алексеев проводил работу по борьбе с пьянством. В марте 1886 г. было постановлено «не допускать, в видах общественного благоустройства и благочиния, открытия в районе 1-го и 2-го участков Сретенской части города Москвы всех вообще заведений для раздробительной продажи питей», причем даже «в случае закрытия каких-либо из существующих в названной местности» [7, стб. 54]. Кроме того, в городе действовало постановление, запрещающее продавать крепкие напитки на вынос до окончания литургии (по договоренности обер-полицмейстера с церковными властями – это 12 ч.). Правда, запрет этот повсеместно нарушался из-за маленького штрафа [10, стб. 49–51].

Предпринимались в рассматриваемый период меры поддержки некоторых категорий горожан. Так, 31 января 1886 г. была учреждена студенческая стипендия имени умершего писателя И.С. Аксакова, на что из средств городского бюджета выделили 6 350 руб. [8, стб. 200]. Оказывалась поддержка и служащим московского городского общественного управления, которые по тем или иным причинам не могли более продолжать свою деятельность. Так, секретарю 4-го отделения Городской Управы Д.В. Васильеву по причине болезни в январе 1886 г. была назначена пенсия в размере 1200 р. в год, что составляло $\frac{2}{3}$ его жалованья [7, стб. 15]. Причем,

голова буквально продавил данный вопрос, заявив, что не решится уволить человека, не дав ему возможности продолжать свое существование [8, стб. 176–177]. В некоторых случаях Николай Александрович ограничивался выплатой единовременного пособия – таким образом в январе 1886 г. был решен вопрос о помощи смотрителю городского ночлежного дома г. Таппе: ему назначили пособие по болезни в размере 300 р. [7, стб. 15–16].

Особым порядком в заседании 28 февраля 1886 г. рассматривался вопрос о введении пенсий и пособий учителям. Тщательно изучалось, какую выслугу брать за основу при введении полной и половинной пенсии, как быть с назначением пенсии по болезни. В итоге были приняты очень детальные Временные правила о пенсиях и единовременных пособиях учителям [7, стб. 42], в соответствии с которыми представители данной профессии получали значительные социальные гарантии. Кроме того, в городском бюджете при Алексееве появилась статья «на содержание запасных учительниц и учителей и на пособие заболевшим преподавателям и преподавательницам городских начальных училищ» в размере 1200 р. в год [7, стб. 7].

Участвовал Николай Александрович и в развитии образования в Москве. В мае 1886 г. было принято решение не закрывать параллельные классы думских училищ [9, стб. 46], что способствовало развитию грамотности населения, но неизбежно было связано с дополнительными расходами на образование. В этот же период начал рассматриваться вопрос о принятии в ведение города казенных училищ [11, стб. 156]. Кроме того, открывались новые учебные заведения: 20 мая 1886 г. было принято решение об открытии второразрядного городского мужского трехлетнего училища [7, стб. 125–127].

В мае 1886 г. Алексеев обратился к вопросу о вреде тотализатора – «игры, которая развращала рабочий класс и молодежь».оборот игры в 1885 г. составил 2.660.000 р., 10% от этой суммы составлял чистый доход организатора – Скакового общества. Алексеев осознавал, что совсем «отменить тотализатор не так просто, как это кажется с первого взгляда» [9, стб. 91], хотя «вред тотализатора очевиден и понятен всем» [9, стб. 70]. Направленное генерал-губернатору ходатайство было вскоре удовлетворено, и князь В.А. Долгоруков «предписал Московской полиции воспрещать доступ к тотализатору воспитанникам учебных заведений и вообще лицам малолетним» [9, стб. 91]. Таким образом, Алексеев в первые месяцы своей службы активно включился в борьбу с этим пагубным азартным увлечением молодежи.

В области развития культуры Н.А. Алексеевым также были достигнуты определенные успехи. При рассмотрении 26 марта 1886 г.

вопроса о выделении денег (3.000 р. в год) Румянцевскому музею было поставлено условие: «чтобы публичные библиотеки и музеи были постоянно открыты для публики в воскресные и праздничные дни; в случае же несогласия на это начальства музея, отпуск пособия с 1887 г. прекратить» [11, стб. 187].

К культурным мероприятиям алексеевского правления можно отнести вкладывание средств в содержание памятников. Так, 24 января 1886 г. было решено «принять в ведение города памятник, воздвигнутый на месте Кутузовской избы Обществом офицеров Гренадерского корпуса» и «выразить от имени Городского общества благодарность Обществу означенных офицеров за постановку означенного памятника» [7, стб. 14–15].

Таким образом, в первый год службы Николай Александрович был озабочен решением многочисленных вопросов социально-культурной сферы города. Активно развивалась медицина; предпринимались меры социальной поддержки учителей, служащих городского управления, студенчества; пресекалось пьянство; выделялись средства на поддержку и развитие культуры.

С самого начала своей службы в должности городского головы Н.А. Алексеев активно занимался благотворительностью. По материалам Управы, за первый год его работы расходы города на благотворительность увеличились с 56 297,37 р. до 72 568,45 р. [3, с. 40, 42]. Кроме того, значительные средства жертвовали горожане. В апреле 1886 г. было принято решение о постройке детской больницы имени М.А. Хлудова, завещавшего на эти цели в общей сложности ок. 400 000 р. (деньгами, паями своей мануфактуры и недвижимым имуществом), на Девичьем поле [7, стб. 73–74].

Безусловно, не все пожертвования были столь значительными, но и от небольших благотворительных взносов город получал огромную пользу. В заседании Думы 20 декабря 1885 г. Алексеев объявил, что «фридрихсгамский купец Н.И. Вагин пожертвовал 6.000 р. на учреждение стипендии в Московском Коммерческом училище» [2, стб. 1351]. На процент с пожертвованного покойным надворным советником Дмитрием Ивановичем Хрущевым капитала (5 тыс. руб.) были учреждены две стипендии в Долгоруковском ремесленном училище – одну для мальчика, другую для девочки (когда будет в училище открыто женское отделение) [7, стб. 15]. Имели место и оригинальные пожертвования: так, почетная гражданка Екатерина Николаевна Боткина завещала капитал, проценты с которого выплачивались бедным невестам [7, стб. 16].

Таким образом, в первый год службы Н.А. Алексеева на благотворительность выделялись значительные средства – как из бюджета Москвы, так и от жителей города.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что Николай Александрович Алексеев в первый год службы в должности московского городского головы активно включился в работу и осуществил ряд важных и полезных для Москвы и ее жителей мероприятий. Именно в этот период Алексеевым были сформулированы основные направления преобразований и началась их планомерная реализация.

Список литературы

1. Злодейское покушение на жизнь московского городского головы Н.А. Алексеева (С приложением портрета). – М., 1893.
2. Известия Московской городской думы (год девятый). – Вып. XII. – 1885. – М., 1886.
3. Каменецкая Е.Н. Благотворительная деятельность московского городского общественного управления. – М., 1896.
4. Отчет о ходе работ Исполнительной Комиссии по постройке городских скотопригонного двора и бойни с 1-го октября 1885 г. по 1-е января 1886 г. // Известия Московской городской думы (год девятый). – Вып. XII. – 1885. – М., 1886.
5. Перемены по городскому общественному управлению // Изв. Московской городской думы (год девятый). – Вып. XI. – 1885. – М., 1885.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. – 2. – Т. XLV. – Отд. 1. 1870. – № 47862-48529. – СПб., 1874.
7. Приговоры Московской городской думы, состоявшиеся в 1886 году // Приговоры и журналы Московской городской думы за 1886 год. – М., 1887.
8. Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за январь месяц 1886 года. – М., 1886.
9. Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за май месяц 1886 года. – М., 1886.
10. Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за апрель месяц 1886 года. – М., 1886.
11. Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за март месяц 1886 года. – М., 1886.
12. Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за февраль месяц 1886 года. – М., 1886.
13. Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за июнь, июль и август месяцы 1886 года. – М., 1886.

УДК 94(47)«1800/1844»(093):930.25

Ю.Е. Кондаков

Материалы князя А.Н. Голицына в российских архивах

Князь А.Н. Голицын был крупным государственным деятелем царствования Александра I. Его архив и библиотека не сохранились в полном объеме. Они рассеяны по библиотекам и книгохранилищам. Крупнейшие собрания документов А.Н. Голицына находятся в ГАРФ, РГАДА, РГИА, ИРЛИ, РГБ, РНБ. В статье дается обзор фондов связанных с А.Н. Голицыным.

Prince A.N. Golitsyn was a great statesman of the reign of Alexander I. His archive and library were not preserved in its entirety. They are scattered throughout the libraries and storerooms. The largest collections of documents of A.N. Golitsyn are in the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Ancient Acts, the Russian State Historical Archive, the Institute of Russian Literature of Russian Academy of Sciences (the Pushkin House), the Russian State Library, the National Library of Russia. The article provides an overview of the funds associated with A.N. Golitsyn.

Ключевые слова: архив, фонд, документ, библиотека, книги, переписка, биография, министерство, А.Н. Голицын.

Key words: archive, fund, document, library, books, correspondence, biography, ministry.

Александр Николаевич Голицын (1773–1844) был одним из крупных государственных деятелей России. Он одновременно возглавлял Министерство духовных дел и народного просвещения (до этого был обер-прокурором Св. Синода и начальником Главного управления иностранных исповеданий), Главное управление почт, придворное ведомство, часто замещал пост министра внутренних дел и должность председателя Государственного совета, был председателем и попечителем целого ряда императорских обществ. Князь служил при Екатерине II, Павле I, Александре I, Николае I. Был личным другом двух последних императоров и участвовал в воспитании Александра II. Голицын известен своими оригинальными религиозными взглядами, воплощавшимися в его политике в духовно-религиозной сфере. До сих пор не существовало комплексного исследования деятельности А.Н. Голицына. В 2015 г. этот пробел был восполнен монографией «Князь А.Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин» [2]. К сожалению, книгу пришлось издать в уре-

занном формате. За рамками остались четыре раздела основного текста, а так же обзор литературы и источников.

Первая половина XIX в. запечатлелась в российской истории массовым уничтожением документов. Вероятно, это был уже не первый пример такого варварского обращения с историческим наследием, но именно он оказался отражен во множестве воспоминаний. Николай I сжигал документы, которые могли бросить тень на память его брата. Так была уничтожена переписка императрицы Елизаветы Алексеевны с Н.М. Карамзиным. А.Н. Голицын, возможно под влиянием императора, так же уничтожил большую часть своего архива. Бесследно исчезла переписка Голицына с Ф.К. Баадером (1765–1841) и И.Е. Госснером (1773–1858). Не сохранилось следов обширного собрания религиозных трактатов, которые должны были находиться в библиотеке Голицына, не обнаружено и следов деятельности его религиозного кружка.

Сохранился «Каталог библиотеки князя Александра Голицына» [1], куда включены 1639 книг (без учета количества томов) на французском и русском языках. Архив РНБ (Российской национальной библиотеки) позволил воспроизвести передачу коллекции А.Н. Голицына в Императорскую публичную библиотеку. Перед отъездом в Крым Голицын решил преподнести свою библиотеку в подарок Николаю I. Большое книжное собрание было сложно перевести в Гаспру (крымское имение князя), библиотека была уже не нужна ослепшему князю. 10 июня 1842 г. Голицын сообщил директору Императорской публичной библиотеки (ИПБ), что поднес свое книжное собрание в дар императору. Николай I распорядился передать библиотеку Голицына в ИПБ. Князь просил директора прислать к нему в дом рабочих с ящиками и забрать книги, так как в связи с отъездом его нужно освободить для ремонта. Указывалось, что существуют два каталога библиотеки [4. Л. 1].

Следующим документом в деле «О библиотеке Голицына» было донесение библиотекаря Брюса. Он сообщал, что в доме Голицына, разложенными, были найдены только книги из основного каталога. Книги из добавочного каталога находились не разобранными в ящиках и их приняли без проверки. Кроме того, было принято два ящика богословских книг, которым не было сделано каталога. Всего в доме Голицына забрали 34 ящика из них 4 не разобранных и 2 ящика богословских книг. Указывалось, что в последних двух ящиках были брошюры, месяцесловы и даже адрес-календари. Давалась следующая опись: в 28 ящиках в лист 212 сочинений 5/5 томов, в четверть 328 сочинений в 1028 томов, в осьмушку 43 сочинения в 2923 томах, в прибавлении к каталогу было 122 сочинения в 583 томах. Всего указывалось 1683 книги в 4526 томах [4. Л. 3].

Разобрать не описанные ящики, было поручено двум лицам. Они отделили русские книги от иностранных. Русских книг было 115 (154 т.) и относились они к 1801–1825 гг. Среди «богословских» книг были сочинения митрополитов Филарета (Дроздова) и Евгения (Болховитинова), «Известия Библейского общества», «Записки А.С. Шишкова», «Наука побеждать» А.С. Суворова и т. д. Большая часть этих книг была издана в 20–30-х гг. XIX в. Когда книги были разобраны и стали рассылаться по отделам библиотеки (собрание Голицына не предполагалось хранить как единую коллекцию), «явился министр народного просвещения» и сообщил, что библиотека передается в другое место (библиотеку Университета) [4. Л. 7]. Однако, такое перемещение не состоялось. В библиотеку Университета были переданы «дублеты» – 611 сочинений в 1910 т.

Библиотека А.Н. Голицына, переданная в РНБ, была распылена по фондам. Сохранились лишь описи далеко не охватывающие всего массива библиотеки. Самая объемная из описей «Каталог библиотеки князя Александра Голицына», рукописная книга (307 стр.). Во введении указывается, что Каталог содержит 1106 сочинений (в действительности это объем книг лишь одного формата). Книги библиотеки разделены на три формата, общее число наименований 1639 (без указания количества томов). Каталог имеет оглавление, где издания включены в общий список. Они разделены по трем форматам и имеют похожие названия разделов: Первый формат: 1) Энциклопедия (книга № 1); 2) Теология (книги № 2–5) – это издания Библии 1708, 1744 г. и комментарии к Библии на французском языке; 3) Юриспруденция (6–11); 4) Политика (12); 5) Коммерция (13); 6) Дипломатия (14–20); 7) Медицина (21); 8) Философия (22–23); 9) Беллетристика (24–25); 10) Натуральная история (26–32); 11) Генеральная история (33–41); 12) История России (42–47) – (в этот раздел включен ряд книг на русском языке: «Письма Петра Великого к графу Шереметьеву». М., 1774; «Записка путешествия графа Шереметьева». М., 1773; «Евгения историческое разыскание». СПб., 1792; «Описание коронования императрицы Елизаветы». СПб., 1744); История разных стран (48–96) – по истории 10 стран; 24) Атласы (97–109); 25) География (110–111); 26) Anjjujtes (112–141); 27) Нумизматика (142–149); 28) Архитектура (150–175); 29) Peinture (180–208). Второй раздел содержит номера с 1 по 325. Третий раздел номера 1–1106. Раздел «Теология» тут шире (1–25). «История России» номера 477–486, включает в себя «Историческое повествование». М., 1785; «Ответ Болтина на письмо князя Щербатова». СПб., 1789; «Введение к Астраханской топографии». М., 1774; «Краткое землеописание российского государства». СПб., 1787; «Описание северных российских странных лесов». СПб., 1766; «Родословная князя Рюрика». СПб., 1793.

Судя по всему, «Каталог библиотеки князя Александра Голицына» и является основным каталогом собрания переданного А.Н. Голицыным в Императорскую публичную библиотеку. Даже из приведенных фрагментов видно, что в собрание были включены книги в основном XVIII в. Это была именно коллекция книжных редкостей или подсобный фонд. Количество книг в разделах (примерно равное) свидетельствуют о том, что князь не выделял для себя какой-либо научной дисциплины. При этом известно, что А.Н. Голицын всю жизнь проявлял интерес к разным направлениям эзотерики (в последние годы жизни к «животному магнетизму»). Несомненно, книг по этим направлениям было очень много в его коллекции. Встречаются сообщения о том, что он выписывал их из-за рубежа. В этом случае напрашивается вывод о том, что настоящая библиотека А.Н. Голицына, с которой он действительно работал, бесследно исчезла.

Документы, связанные с жизнью и деятельностью А.Н. Голицына, расплывены по архивам. Не существует их единого собрания за исключением «Фонда А.Н. Голицына» в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 203. Оп. 158). Материалы фонда в основном на французском языке, часть переписки составляют поздравления Голицыну от архиереев. Документы поступили в библиотеку в разное время (в 1919 и 1940 гг.). В предисловии к описи указывается, что большая часть документов Голицына хранится в ЦГИАЛ, ЦГИАМ, ЦГВИА. Речь здесь идет о документах государственных учреждений которые в разное время возглавлял А.Н. Голицын.

Большое количество резолюций А.Н. Голицына содержится в делах канцелярии Св. Синода (РГИА. Ф. 796) и канцелярии обер-прокурора Св. Синода (РГИА. Ф. 797). Иногда это многостраничные мнения Голицына по тому или иному вопросу. Документы, относящиеся к служебной деятельности А.Н. Голицына, хранятся в фондах РГИА: 802 (Комиссия духовных училищ и Учебный комитет); 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел); 815 (Канцелярия митрополита С.-Петербургского); 733 (Департамента народного просвещения). В описи 86 хранятся материалы Департамента народного просвещения с 1802 по 1817 гг., когда он еще не имел структурных подразделений. В этой описи содержатся послужной список А.Н. Голицына (Д. 457) и указы о его вступлении в должность министра (Д. 39). В деле «О проекте манифеста об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения» (Ф. 733. Оп. 86. Д. 640) хранится переписка А.И. Тургенева и А.Н. Голицына.

А.Н. Голицын возглавлял Главное управление почт с 1819 по 1842 гг. Материалы освещающие деятельность князя на этом по-

прище собраны в фонде 1289 РГИА. Особый интерес тут представляют дела «Об учреждении Особой канцелярии при главноначальствующем над почтовым департаментом» (Оп. 1. Д. 326. 19.05.1824) и «Отчет по делам и бумагам Особой канцелярии» за 1829 и 1833 гг. (Оп. 1. Д. 455, 649). Эти материалы свидетельствуют о том, что после отставки с поста министра Голицын сохранил влияние на все сферы которыми он ведал ранее. В фонде содержатся дела о перемещении и награждении чиновников Главного управления почт показывающие, что Голицын собрал в Особую канцелярию сотрудников разделявших его религиозные взгляды и в дальнейшем продвигал их по службе.

Во многих фондах РГИА отложились указы об отставках А.Н. Голицына. Были они опубликованы и в газетах [3, с. 178–179]. В фонде 1251 «Бумаги М.М. Сперанского» хранится «Записка А.И. Тургенева с объяснением М.М. Сперанского на записку А.Н. Голицына о браке» (Оп. 1. Д. 27), «Письмо А.Н. Голицына к М.М. Сперанскому» (Оп. 1. Д. 50), «Письмо А.Н. Голицына к М.М. Сперанскому с препровождением французской книги и разных бумаг об устройстве арестованных» (Оп. 1. Д. 67). В деле 34 «Замечания членов Государственного совета на первую часть Гражданского уложения» содержатся отзывы А.Н. Голицына. Все эти документы дают возможность иллюстрировать отношения Голицына с великим реформатором Сперанским. Целый ряд указов связанных с началом карьеры Голицына хранятся в фонде Министерства императорского двора (Ф. 469. Оп. 4). Различные фонды содержат переписку А.Н. Голицына с Д.П. Руничем (Ф. 263. Оп. 2. Д. 95, 542. Оп. 6. Д. 10), переписку с А.С. Стурдзой (Ф. 288. Оп. 1. Д. 171, 172).

Большой интерес для исследования биографии и служебной деятельности А.Н. Голицына представляет «Опись архива А.Н. Голицына» (Ф. 1661. Оп. 1. Д. 65) хранящаяся среди бумаг его сотрудника К.С. Сербиновича (1797–1874). Среди перечисляемых там документов целый ряд относится к учреждению Комиссии духовных училищ: Письмо к Голицыну Сперанского с планом образования училищ и церквей (февраль 1806 г.); записки «О настоящем положении духов в России», «О необходимости поправлений в состоянии белого духовенства», «Начертания к поправлению состояния белого духовенства», переписка А.Н. Голицына с М.М. Сперанским по разным вопросам; «Рассуждения о вероисповеданиях, составлено Феофилактом Рязанским»; «О мартинизме (безбожии)»; «О разнице западной и восточной церквей»; «Французский перевод царской и патриаршей грамот об учреждении в России Св.Синода составленный кн.Голицыным 1841». Все эти документы были переданы Сербиновичем новому обер-прокурору Св. Синода графу Н.А. Протасову.

Большую ценность для биографии Голицына представляет фонд 100 Петербургского филиала архива Академии наук (ПФА РАН), где содержатся материалы Н.Ф. Дубровина (1837–1904). Он был военным историком, генерал-лейтенантом, выпускником артиллерийской академии. С 1868 г. Н.Ф. Дубровин был прикомандирован к генеральному штабу для военно-исторических работ. С 1886 г. он стал членом Академии Наук, с 1893 г. – ее секретарем. Наряду с военной историей внимание Н.Ф. Дубровина привлекала и духовная жизнь русского общества конца XVIII – начала XIX вв. В 1883 г. им были опубликованы «Письма главнейших деятелей в царствование Александра I», в 1902 г. под его редакцией были изданы «Материалы для истории православной церкви в царствование императора Николая I».

Н.Ф. Дубровин собрал большое количество документов, относящихся к духовной жизни начала XIX в., но не успел их обработать и опубликовать. В архиве Св. Синода историк работал в 1897 г. по теме «История царствования Александра I» [5, с. 426–454]. В деле № 395 фонда 100 хранятся «Указы Александра I, выписки из архивных документов о создании Комиссии духовных училищ, мерах по улучшению преподавания в училищах, о положении русского духовенства». В это собрание входят копии указов об издании Катехизиса Филарета, назначении А.С. Шишкова министром народного просвещения, об отставке А.Н. Голицына из Комиссии духовных училищ, о приостановке издания Катехизиса Филарета, о назначении архимандрита Фотия в число соборных иеромонахов Невской лавры и т. д. Дело 170 составляет копия переписки А.Н. Голицына с министром внутренних дел о запрещении книги Е.И. Станевича. В деле 197 хранятся проекты учреждения Комиссии духовных училищ, составленные М.М. Сперанским в 1806 г. Дело 171 содержит копии материалов «Дела Госснера», более полные, чем в настоящий момент хранятся в РГИА и отделе рукописей РНБ. В деле 395 содержатся указы Александра I по различным поводам. Дело 248 содержит письма архимандрита Фотия к иеромонаху Аполлосу. В деле 162 хранятся копии писем А.Н. Голицына по поводу секты Е.Н. Котельникова.

Богатое собрание переписки А.Н. Голицына имеет и другое книгохранилище С.-Петербурга – Институт русской литературы РАН (ИРЛИ) (Пушкинский дом). Переписка рассеяна по разным фондам (но отслеживается по каталогу). Среди корреспондентов Голицына: А.Л. Витберг, П.И. Голенищев-Кутузов, Ф.Н. Голицын, П.С. Мещерский, Д.В. Дашков, А.А. Прокопович-Антоновский, А.Н. Оленин, Н.Н. Раевский, К.А. Сабаньский, Е.И. Рунич, П. Волконский, В. Шереметьев, А.А. Самборский, Н.Н. Бантыш-Каменский, С.С. Норов, Н.М. Лонгинов, А.Ф. Мартынов, В.Г. Тепляков,

А.В. Никитенко, В.А. Жуковский, Д.А. Державина и др. К сожалению, все эти письма очень небольшого объема (1–5 листов). Однако, в некоторых из них содержатся важнейшие материалы для биографии Голицына. В том числе и первый биографический очерк о князе И.Н. Лобойко, написанный в 1856 г. (Ф. 154. Д. 55).

В фондах ГАРФ находятся некоторые важные для исследования жизни и деятельности А.Н. Голицына законодательные акты. В фонде 728 хранятся рескрипты вдовствующей императрицы Марии Федоровны А.Н. Голицыну в 1807, 1821 и 1822 гг. В рескрипте 25 августа 1822 года Мария Федоровна благодарит князя за деятельность в Обществе попечительства о тюрьмах [б. л. 3]. Это вполне подтверждает свидетельства Фотия о том, что после визита к Александру I летом 1822 г. он смог наладить отношения между вдовствующей императрицей и А.Н. Голицыным. Большая часть документов Голицына хранящихся в ГАРФ написана на французском языке. Это «Записка Голицына к Николаю I о пользе испытаний для укрепления веры в народе и стране 6 мая 1831 г.» (Ф. 672. Оп. 1. Д. 290), «Письма А.Н. Голицына к Николаю I» (Ф. 672. Оп. 1. Д. 357), «Письма Александра I к А.Н. Голицыну 1800–1801 гг.» (Ф. 728. Кн. 2. Д. 530), «Письма Александра I к А.Н. Голицыну» (Ф. 728. Кн. 2. Д. 930). На русском языке написаны «Бумаги Александра I о наследовании престола» (Ф. 728. Кн. 2. Д. 1144), в составление которых непосредственное участие принимал А.Н. Голицын.

В отделе рукописей РГБ хранятся материалы относящиеся к деятельности А.Н. Голицына. Это «Доклад на имя Николая I о деятельности почтового ведомства за 1833 год» (Ф. 41. Оп. 22. Д. 30); «Доклад Николаю I о реформах проведенных по почтовому департаменту с 1820 по 1837 гг.» (Ф. 41. Оп. 22. Д. 31); «Отношение к жителям России о помощи греческим беженцам 1821 г.» (Ф. 41. Оп. 22. Д. 51); письма Н.А. Мурзакевичу, Н.М. Карамзину и К.Я. Булгакову (Булгаков был ближайший сотрудник Голицына по почтовому департаменту, сохранилась их переписка за 1816–1842 гг.).

В РГАДА хранится архив канцелярии А.Н. Голицына по Главному управлению иностранных исповеданий. Эти материалы частично опубликованы итальянским исследователем Р. Фаджионатто. Документы рассеяны среди сотен других в фонде «князей Голицыных» (Ф. 1263. Оп. 10. Ч. 1). Сюда входит: «Указы Александра I о назначении А.Н. Голицына на должность главноуправляющим делами иностранных исповеданий (1811) и о службе его в Главном управлении духовных дел иностранных исповеданий и в Министерстве народного просвещения (1817)» (Д. 2); «Письмо А.Н. Голицына к М.М. Сперанскому о командировании А.И. Тургенева, согласно указа царя, для работы его в Главном управлении иностранных дел»

(Д. 63); «Черновая записка Министра духовных дел и народного просвещения «О ктиторстве здешней Римско-католической церкви» с поправками и замечаниями (А.Н. Голицын)» (Д. 84); «Проект штата Главного управления духовных дел иностранных исповеданий с поправками (А.Н. Голицына)» (Д. 128); «Письма разных лиц к А.Н. Голицыну по имущественно-хозяйственным вопросам 1801–1835» (Д. 170).

Благодаря многолетней, кропотливой работе документы А.Н. Голицына, рассеянные по архивам и книгохранилищам, удалось собрать воедино. В результате появилась возможность на широком документальном материале осветить различные этапы карьеры и государственной деятельности Голицына, пролить свет на его нестандартные религиозные взгляды. Исследование жизни и государственной деятельности Голицына позволяет скорректировать оценку политики Александра I.

Список литературы

1. Каталог библиотеки князя Александра Голицына // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Коллекция разноязычных документов. Д. F XVIII – 164.

2. Кондаков Ю.Е. Князь А.Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин: моногр. – СПб., 2014.

3. Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). – СПб., 1998.

4. О передаче в библиотеку по высочайшему повелению собрания книг принадлежащих А.Н. Голицыным и отобрании дублетных для библиотеки СПб университета // Архивный отдел РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24.

5. Пятидесятилетие высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915. – Пг., 1915.

6. Рескрипты Марии Федоровны к А.Н. Голицыну // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 600.

И.Н. Ружинская, Н.Ю. Кузнецова

Пенитенциарная практика в монастырях Русского Севера в последней трети XIX в.: по материалам А.С. Пругавина

В статье анализируется роль, которую сыграли в развитии краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX в. народники. Автор рассматривает одного из ярких публицистов конца XIX в. А. С. Пругавина (1850–1920) и его вклад в изучение жизни на Русском Севере. А. С. Пругавин, ставший известным исследователем религиозной жизни в Российской империи, провёл в статусе политического ссыльного в северных губерниях страны в общей сложности около десяти лет. Материалы, собранные в этот период, составили базу для его дальнейших исследовательских изысканий. В статье рассматривается один из частных аспектов его исследований, а именно, вопрос о пенитенциарной практике монастырей на Русском Севере.

The article examines the populist's role in the development of local history in the Russian North in the 19th – early 20th century. The author considers one of the brightest writers of the late XIX century A. Prugavin (1850–1920) and his contribution to the study of life in the Russian North. A. Prugavin was located in the status of a political exile in the northern provinces of the country, a total of about ten years. He became a well-known researcher of religious life in the Russian empire after the removal of police surveillance. The materials collected by him during the arrest formed the basis for further research studies. The question of the penitentiary practice of monasteries in the Russian North is considered in the article as an example of one of the private aspects of his research.

Ключевые слова: А.С. Пругавин; Русский Север; народничество; монастыри; пенитенциарная функция; старообрядчество

Keywords: A.S. Prugavin; Russian North; populism; monasteries; the penitentiary function; Old Believers

Пенитенциарная практика была свойственна русским монастырям на протяжении практически всей истории православия на Руси. Но если в Древней Руси практика заключения в монастырь рассматривалась «как более строгая внешняя форма принесения публичного покаяния» подвергавшегося наказанию человека, то уже в Московском государстве практика заключения в монастырь подверглась «процессу обмирщения» и на деле стала аналогом государственного наказания [9, с. 237]. Церковная практика, направленная на приведение нарушителя закона к покаянию (от лат. «покаянный, исправительный»), в XVIII в. была введена государством на законодательном уровне. К XIX в. система официаль-

ных наказаний в империи полностью включила в себя и монастырскую ссылку, усилив в ней карательную функцию.

Часто можно было встретить описание монастырской ссылки у краеведов, историков и публицистов XIX в., непосредственно соприкоснувшихся с данным явлением. Одним из таких авторов стал Александр Степанович Пругавин. А.С. Пругавин был известным в России исследователем религиозной жизни народа. Но, кроме того, он являлся ярким представителем народничества и сам побывал в десятилетней ссылке, в том числе и на Русском Севере (1871–1872 гг.). И, безусловно, он не мог обойти своим вниманием такие темы, как политическая ссылка и пенитенциарная монастырская практика. Находясь на жительстве в небольшом городке Кемь Архангельской губернии, А.С. Пругавин оказался в непосредственной близости от одного из центров монашеской жизни – Соловецкого монастыря.

Рассмотрим особенности пенитенциарной практики монастырей Русского Севера в работах А.С. Пругавина. Более подробно с исследованиями северных монастырей у А.С. Пругавина можно познакомиться в его одноимённой статье [2]. Представляется интересным выделить особенности восприятия и описания этой темы у данного автора, так как он сам долгое время находился в статусе ссыльного, а значит, мог непредвзято подойти к освещению указанной проблемы. Кроме того, исследовательские интересы А.С. Пругавина, связанные с религиозной жизнью русского народа, позволяли ему освещать обозначенный вопрос наиболее полно. При этом следует сразу отметить, что сам автор не оказывался в монастырском заключении ни разу, но имел возможность непосредственно общаться с узниками и монахами, проживающими в таких монастырях.

Итак, авторам этой статьи необходимо было решить следующие исследовательские задачи:

- изучить труды А.С. Пругавина, в которых рассматриваются и/или упоминаются монастыри на севере Российской Империи;
- выделить и проанализировать особенности пенитенциарной практики в северных монастырях, описанные А.С. Пругавиным, выявить отношение автора к проблеме.

Материалы по интересующему нас вопросу содержатся в следующих опубликованных текстах А.С. Пругавина: «Соловецкие узники», «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (К вопросу о веротерпимости)», «Раскол и сектантство в русской народной жизни», «Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости».

А.С. Пругавин прослеживал историю возникновения и развития монастырской пенитенциарной практики как одной из важных функций монастырей Русского Севера на примере Соловецкой тюрьмы. Данный пример позволил автору не только изучить проблему, основываясь на истории монастыря, но и углубиться в правовой контекст

вопроса. Кроме того, А.С. Пругавина интересовала связь монастырской ссылки и борьбы государства с вероотступниками, в частности, особенно подробно он останавливался на случаях заключения в монастыри старообрядцев.

Однако, несмотря на то, что большая часть материала в книгах и статьях А.С. Пругавина освещает именно историю Соловецкого монастыря, и много информации также представлено в его работах о Спасо-Евфимиевском монастыре (хотя это монастырь центральной России), сам автор отмечал, что не только «эти два монастыря служили у нас местом ссылки и заточения» [4]. Уже сам факт подробного описания А.С. Пругавиными северной обители, и обители, располагавшейся в центре страны, даёт возможность утверждать, что он изучал этот вопрос на различных примерах, пытаясь, возможно, понять специфику в данном случае именно северных монастырей. Безусловно, наиболее подробно рассмотрены лишь два примера, но в целом в своих исследованиях А.С. Пругавин обозначал целый список таких обителей именно на Русском Севере, являвшихся местами ссылки и заточения для самых разных категорий преступников. Так он упоминал в данном ключе Николаевский Корельский монастырь (Архангельская губерния), Сийский монастырь (р. Северная Двина), Спасо-Прилуцкий монастырь (Вологда), Новгород-Северский и Кирилло-Белозерский монастыри, Валаам и ещё ряд др. При этом А.С. Пругавин отмечал, что пенитенциарную функцию осуществляли как мужские, так и женские обители.

А.С. Пругавин даёт подробный ответ своим читателям на три вопроса о монастырской ссылке: кто, за какие провинности и каким образом мог оказаться в заключении в монастыре. В монастырском заключении могли оказаться лица, вина которых описывалась следующими формулировками: «наиболее важные преступники против государства и правительства», лица «так или иначе провинившиеся против церкви и религии», «сектанты и другие еретики», «за старообрядчество», «за буйство и дерзкие поступки», «лица, совершившие особенно тяжкие уголовные преступления», «за произнесение дерзких слов», «виновные в противоестественных преступлениях» [4]. Автор отмечает, что в монастырской тюрьме человек мог оказаться и «по ходатайству своих родственников», и даже если он был «только заподозрен» в совершении преступления [4].

Таким образом, автор, описывая большое количество известных ему вариантов обвинения монастырских узников, показывает, что испытать на себе пенитенциарную монастырскую практику мог любой житель империи, стоило ему лишь преступить закон. При этом, как сам же А.С. Пругавин отмечал, оказаться в заключении в монастыре преступник с 1835 г. мог «не иначе, как только по Высочайшему повелению». Это замечание даёт возможность его читате-

лям осознать, что данная мера наказания в XIX в. рассматривалась как достаточно серьёзная. И здесь мы можем видеть некое противоречие: частую несоразмерность обвинения мере присуждённого государством наказания (например, «только лишь заподозренный») [4].

Категории узников, отбывавших наказание в монастырях, также интересовали автора. А.С. Пругавин указывает, что в монастырской тюрьме оказывались как уголовные преступники, так и политические и религиозные узники. То есть этот вариант наказания употреблялся для всех видов преступлений, хотя традиционно пенитенциарная монастырская практика все-таки была направлена, прежде всего, на вероотступников. Автор также выделяет несколько категорий узников, используя собственную их градацию: лица, совершившие преступления против государства и церкви (сосланные туда за дерзкие и оскорбительные слова) и лица, сосланные за реальные преступления (религиозного характера, уголовные, против государства и власти).

Алгоритм шагов официальной власти, после которого обвиняемый оказывался в монастырском заключении, также детально освещается А.С. Пругавиным. Для этого первыми, кто должен возбудить «ходатайства о ссылке и заключении в монастырь», изначально являются священники и(или) миссионеры, то есть «местные духовные власти». Именно они могли обращаться в свои епархии с жалобами и донесениями, а уже «через епархиальное начальство» эти материалы «направляются в Святейший Синод». В дальнейшем, при условии, что в Синоде ходатайство из епархии признавалось значимым, то «г. обер-прокурор Синода входил с всеподданнейшим докладом по этому поводу» [4]. То есть мы видим, что цепочка шагов для вынесения приговора о монастырской ссылке начиналась местным священником, а заканчивалась государем, которому лично представлялись данные сведения. И это ещё раз подтверждает как уровень серьёзности выносимого решения, так и тот факт, что монастырская пенитенциарная практика в XIX. практически полностью оказалась на службе у светской власти [9, с. 237–238].

Данный факт – двойственную церковно-светскую природу монастырской пенитенциарной практики в XIX в. – А.С. Пругавин пытается пояснить для своих читателей, подробно описывая сами цели монастырской ссылки в данный период. Автор подчёркивал, что, прежде всего, государство хотело «наказать; затем – лишить его возможности распространять свои заблуждения, пресечь пропаганду идей; и, наконец, исправить его, заставить его раскаяться в заблуждениях, по возможности привести его снова в лоно православной церкви» [4].

Таким образом, А.С. Пругавин разъяснял, как важнейшая функция монастыря – духовно-нравственная – служила государственным интересам. «Монастырь в качестве острога и монахи в роли тюремщика», по мнению, А.С. Пругавина представляли собой яркий пример того, как власть пыталась контролировать абсолютно все сферы жизни общества и сделать Русскую Православную церковь своим помощником даже в системе исполнения наказаний [5; с. 178]. И эта служба, по мнению автора, часто оказывалась для монастырской братии сродни тяжёлому долгу, так как для контроля за исполнением наказания и присмотра за арестантами в обителях размещали целые солдатские команды. Нередки были, как отмечает А.С. Пругавин, даже случаи «совращения» этих солдат идеями арестованных.

Изучив взгляды А.С. Пругавина на монастыри Русского Севера и на их пенитенциарную функцию, можно сделать следующие выводы:

- вопрос о практике монастырской ссылки и об истории использования монастыря в качестве подобия тюрьмы интересовал А.С. Пругавина на протяжении всей его исследовательской деятельности, эти проблемы поднимались в нескольких его известнейших работах,

- А.С. Пругавин проанализировал особенности пенитенциарной практики в северных монастырях, подробно описав как состав узников, так и обвинения, по которым было возможно заключение в монастырь,

- автор изучил алгоритм, по которому подданные империи, обвинённые в преступлениях, могли оказаться в монастырской тюрьме.

Отношение автора к заинтересовавшей его проблеме было неоднозначным. С одной стороны, А.С. Пругавин признавал, что монастырские тюрьмы играли «важную, огромную роль в общественной, народной жизни России» [4]. С другой стороны, автор подчёркивал, что узниками таких тюрем становились иногда те, чья вина была под сомнением, и что наказание зачастую было чересчур суровым (некоторые узники находились в заточении более 15–20 лет).

Можно также предположить, что пенитенциарная функция монастырей интересовала автора ещё и потому, что монастыри нередко служили местом ссылки не только для духовных лиц и уголовных преступников, но и для политических ссыльных. А именно к данной категории лиц сам А.С. Пругавин принадлежал почти десять лет. Вероятно, он пытался дать оценку тем вариантам развития наказания для противников режима, которые были возможны в Российской империи (ссылка под гласный/негласный надзор, тюремное заключение, монастырская ссылка) и пытался понять алгоритм назначения наказаний. Кроме того, вариант использования именно

монастырского заключения для противников светского или духовного режима представлялся А.С. Пругавину интересным для изучения, так как здесь прослеживалась религиозная идея «покаяния». Вероятно, автор пытался проследить, каким образом государство перенимало опыт церкви по «излечению» оступившихся подданных.

Список литературы

1.Иваняков Р.И., Круглова Е.А. Пенитенциарное служение Русской Православной церкви в истории государства Российского // Материалы VI Междунар. Александро-Невских чтений (Псков, 9–10 июня 2015 г.). – Псков, 2015. – С. 100–103.

2.Кузнецова Н. Ю. Монастыри Русского Севера в исследованиях А.С. Пругавина и С.А. Приклонского // Науч. электр. журн. CARELICA. – 2014. – № 1(11). – С. 42–50.

3.Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Р. Павлушков. – Вологда, 2000.

4.Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (К вопросу о веротерпимости). – М., 1905.

5.Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. С критическими замечаниями духовного цензора. – М., 1905.

6.Пругавин А.С. Соловецкие узники. К вопросу о монастырских заточениях // Рус. мысль. – 1881. – № 11. – С. 46–62.

7.Пругавин А.С. Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости. – М., 1908.

8.Рожина А.В. Пенитенциарная практика монастырей Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. – 2011. – № 7 (102). – Вып. 18. – С. 116–122.

9.Шаляпин С.О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков: моногр. – Архангельск, 2013.

А.В. Федькин

Современная отечественная историография повседневной жизни рабочих России в конце XIX – начале XX в.

Статья посвящена анализу состояния современной отечественной историографии повседневной жизни рабочих России в конце XIX – начале XX в. Дана характеристика основных научных статей и диссертационных исследований по данной теме, опубликованных в период с 2000 г. по настоящее время. Выявлены достижения современных авторов по изучению важнейших аспектов повседневной жизни российских рабочих.

The article analyzes the state of modern Russian historiography of daily life of Russian workers in the late XIX – early XX centuries. The characteristic of the main articles and dissertation research on the topic, published in the period from 2000 to the present time, is given. The achievements of modern authors on the study of the most important aspects of daily life of the Russian workers are identified.

Ключевые слова: повседневная жизнь, фабрично-заводские рабочие, материально-бытовое положение, досуговые формы.

Key words: daily life, factory workers, living status, leisure forms.

Различные аспекты повседневной жизни трудящегося населения России в «период империализма» традиционно оставались актуальными темами научных исследований в отечественной историографии в разные периоды ее развития. Так, например, еще до революции 1917 г. были опубликованы первые работы, посвященные описанию условий труда и быта столичных и провинциальных рабочих [16]; предприняты попытки изучения их жизненного уровня [13; 14].

В советские годы изучение истории пролетариата продолжилось на качественно новом уровне. Это было связано с позиционированием рабочего класса не только как основного производителя материальных ценностей, но и как «испытанного авангарда революции» [12, с. 3]. В тот период в отечественной историографии широкое освещение получили вопросы так называемой производственной повседневности: рабочего законодательства, изнурительных условий труда, стачечной борьбы. Несомненным достижением советских ученых стало также определение размеров заработной платы рабочих разных отраслей промышленности, характера их питания и снабжения [12; 11]. Однако появление в последние годы новых методов осуществления научных исследований, а

также смена внешних условий деятельности ученых, выраженная в отказе от марксистско-ленинской идеологии как основного принципа, требуют пересмотра основных результатов научных исследований советских авторов и создают возможности для разработки сравнительно нового направления в истории – повседневной жизни российских рабочих в конце XIX – начале XX вв.

История повседневности, возникшая на Западе во второй половине прошлого столетия, в последние годы прочно утвердилась в отечественной исторической науке [15], о чем свидетельствует, в частности, появление специальных исторических исследований, посвященных изучению повседневности как привилегированных социальных групп [1; 4; 5], так и трудового населения. В настоящей статье речь пойдет о современной историографии повседневной жизни городских рабочих.

Значительное внимание ученых приковано к «двум столицам». Положение фабрично-заводских рабочих Москвы в конце XIX – начале XX в. анализируется в диссертации Л.А. Барановой [2]. В исследовании ею рассмотрены условия труда и быта рабочих тяжелой и легкой промышленности Москвы, продолжительность рабочего дня и система заработной платы на московских предприятиях конца XIX – начала XX в., жилищные условия рабочих, их медицинское обслуживание, травматизм и социальное обеспечение. Специальный раздел посвящен анализу использования рабочими своего свободного времени; определены виды отдыха и основные пути повышения образовательного и культурного уровня.

Л.А. Баранова пришла к выводу о том, что в московской фабрично-заводской промышленности в начале XX в. 85 % рабочих были заняты на производстве менее 10 час, несмотря на наличие законодательно установленного 11,5-часового рабочего дня. Это свидетельствует о серьезном улучшении их положения. Тем не менее, по данным автора, большинство фабрично-заводских рабочих Москвы не были удовлетворены такой продолжительностью рабочего дня, полагая, что у них остается слишком мало времени для чтения, культурного отдыха в клубе, посещения театра и т. п. Эти ответы рабочих свидетельствовали не только о том, что вопрос о продолжительности рабочего дня в начале XX в. оставался открытым, но и о повышении культурных запросов рабочих Москвы [2, с. 21]. Автор констатирует «зачаточное состояние» медицинского обслуживания и страхования рабочих. Подавляющее большинство московских фабрик и заводов конца XIX – начала XX в. не представляли своим рабочим необходимых медицинских услуг. Городские власти также не были заинтересованы в оказании медицинской помощи. Следствием этого являлось низкое социально-

экономическое положение рабочих, усугублявшееся неудовлетворительными условиями труда и быта [2, с. 22].

Несмотря на это, на рубеже XIX–XX вв. в этой среде резко повысился интерес к получению знаний. По данным Л.А. Барановой, в начале XX в. более половины (56 %) московских фабрично-заводских рабочих были грамотными. Народные чтения и лекции, устраиваемые фабрикантами и общественными организациями, стали одним из эффективных средств пропаганды знаний в условиях общей культурной отсталости пролетарских масс [2, с. 23].

Ряд научных работ посвящен положению питерских рабочих. Д.С. Смирнов выделил несколько зон локализации трудящегося населения в российской столице (Нарвская, Невская заставы и правый берег Невы) и провел сравнительный анализ положения рабочих в этих регионах. Несмотря на некоторые различия, в частности, неодинаковую транспортную доступность промышленных районов и разный уровень развития инфраструктуры в них, положение рабочих во всем Санкт-Петербурге было схожим. Д.С. Смирнов констатировал ярко выраженную неустроенность и маргинальность питерского рабочего класса [18, с. 74].

Значительный вклад в исследование повседневной жизни рабочих Санкт-Петербурга внесла И.В. Синова. Автором всесторонне охарактеризовано положение детей трудовых слоев, выявлены многочисленные факты жестокого отношения к детям со стороны родителей и хозяев ремесленных мастерских, определены причины и формы девиантного поведения детей. В частности, И.В. Синовой отмечены любопытные факты содержания детьми своих родителей путем прошения милостыни [17, с. 126].

Специфика труда и быта фабричных работниц и ремесленниц Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX в. отражена в диссертации О.Б. Вахромеевой. В частности, автором проанализированы социально-бытовые условия жизни работниц и учеба женщин в воскресных и ремесленных школах [3].

Современными авторами также активно изучается повседневная жизнь рабочих на периферии Российской империи. Исследование Е.А. Залунаевой, основанное на материалах Ярославля, включает в себя анализ жилищных условий, характера питания, состояния здоровья и медицинского обслуживания рабочих в этом регионе [10]. Освещается проблема употребления алкоголя среди ярославских рабочих. Е.А. Залунаева выявила общие и частные закономерности формирования менталитета рабочих, их приобщение к новой, городской, среде обитания. В городе недавний крестьянин попадал в новый социокультурный мир. Городское пространство, включающее в себя новые типы образовательных и досуговых учреждений, специфические принципы организации территорий,

определяло иные, «городские» ментальные установки и формы общественного поведения. Относительно низкий, по сравнению с другими слоями горожан, уровень доходов и жизни рабочих способствовали тому, что их материально-бытовое положение не имело принципиальных различий с положением столичного трудящегося населения [10, с. 24].

Досуговые формы повседневности фабрично-заводских рабочих России стали предметом специального исследования М.Э. Вильчинской-Бутенко [6]. Анализируя процесс формирования пролетариата как особой социальной общности, автор пишет о резком отрыве фабрично-заводских рабочих от деревенского образа жизни. Следствием этого стал перенос крестьянских традиций и обрядов в городскую среду обитания. Календарные традиции крестьянского сословия, связанные с годовым циклом, подвергались трансформации и переносились в промышленное производство. Ярким примером этого являлось искусственно созданное празднование «начала» и «конца» производственного цикла, сопровождавшееся специфическими обрядами «засидок» и «замочек машин». Еще один компонент производственного быта фабрично-заводских рабочих – обычай «спрысок» («магарычей») при вступлении в профессию [6, с. 114]. Посещение культурно-просветительских и увеселительных мероприятий, а также другие способы проведения досуга остались, к сожалению, за рамками данного исследования.

В работе В.А. Ермолова «Повседневная жизнь российских рабочих на рубеже XIX–XX вв.» положение трудящегося населения рассматривается через призму заработной платы [9]. Анализируется структура расходов, соотношение стоимости жилья, питания, приобретения одежды, доля расходов, предназначенных для покупки книг и посещения развлекательных мероприятий. Самой большой расходной статьей была плата за жилье, отнимавшая не менее половины заработной платы рабочего. По сведениям автора, небольшая прослойка рабочих высшей квалификации могла себе позволить оплачивать отдельное жилье. Для рабочих средней квалификации наем отдельного жилья являлся источником дополнительного дохода за счет подселения угловых жильцов [9, с. 29].

В.А. Ермолов в своем исследовании отразил читательские интересы трудящегося населения. Серьезные издания мало интересовали даже высокооплачиваемые квалифицированные рабочие. Тем не менее, накануне Первой мировой войны около 41,8% московских рабочих читали книги и брошюры, а четверть из них посещали библиотеку. Эти данные заставляют по-новому взглянуть на наши представления об уровне грамотности среди трудящегося населения в начале XX в. [9, с. 32].

Повседневность рабочего класса Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. изучается в диссертационных исследованиях Т.В. Дорониной и В.Н. Фаронова. Исследование Т.В. Дорониной [8] охватило как производственную повседневность, так и частную жизнь рабочей семьи. Несомненными достоинствами этой работы стали создание социально-психологического облика рабочей семьи (включая характеристику отношений между супругами, между родителями и детьми) и выявление изменений в укладе жизни семьи и семейных отношениях на рубеже веков. В этот период наблюдались важные изменения в традиционных семейных отношениях рабочих, когда женщины подчинялись мужчинам, дети – родителям, младшее поколение – старшему. Рост промышленного производства в городах Сибири, активно начавшийся процесс урбанизации и увеличение миграции населения в города постепенно разрушали традиционный уклад семейной жизни [8, с. 18].

В.Н. Фаронов [20] пишет о наличии в рабочей среде негативной оценки своего положения в обществе и своего материального благополучия и при этом отмечает относительность такой оценки, так как, например, по отношению к крестьянству рабочие вовсе не считали себя обделёнными [20, с. 14]. Что касается общественного досуга рабочих, то автор констатирует его разнообразие: от конных бегах и кулачных боёв до постановок любительских спектаклей. Значительным, но не всеохватывающим явлением в рабочей среде было пьянство. Религиозность же рабочих была, как правило, искренней, но формальной [20, с. 14].

Аспекты повседневной жизни рабочих юга России затрагиваются в статье В.В. Сугак [19]. Автор описывает внешний вид рабочих, практики посещения ими театров и трактиров; уделяет внимание анализу духовного развития промышленных рабочих и уровня их религиозности. Для рабочих судостроительных, механических и литейных заводов г. Николаева в 1901 г., благодаря деятельности специального комитета, были организованы полезные занятия и развлечения. Комитет согласовывал инструкции проведения таких мероприятий с градоначальником и Департаментом общих дел МВД. Согласно инструкции, Комитет должен был устраивать концерты, песни, народные чтения, спектакли, танцевальные вечера для рабочих и их семей [19, с. 34–35]. Основываясь на результатах анализа архивных данных, автору удалось установить, что вопросы культурного развития промышленных рабочих Николаева находились в поле зрения градоначальника и промышленников. Автор выделяет также такие способы организации досуга, как посещение рабочими трактиров (в том числе для участия в азартных играх), драки и кулачные бои. В праздничные дни всё мужское население окрестностей выходило на «кулачки». Результатом таких боев были

многочисленные увечья и убийства. Городская власть не обращала на это особого внимания, считая такие развлечения полезными для большего «послушания» рабочих [19, с. 35–36].

Положение рабочих в контексте изучения сословной стратификации общества рассмотрено в работе Л.А. Грицай [7]. Она отмечает, что городские рабочие испытывали наибольшее давление социальной среды. Как правило, рабочими становились крестьяне, пришедшие на заработки. Свои семьи они зачастую оставляли в деревнях и изредка навещали к ним по праздникам. Длительная разлука способствовала отчуждению членов семьи друг от друга. Если же рабочие забирали жену и детей с собой, то совместное проживание при отсутствии самых элементарных бытовых условий неизбежно приводило к отчуждению и конфронтации. К тому же, оторванные от привычного крестьянского уклада рабочие были вынуждены принимать новую систему ценностей, где семья, вера, община занимали незначительное место. Л.А. Грицай показала крайнюю неустойчивость городских рабочих как особой социальной группы: «в фабричных поселках происходило сосредоточение людей, не уверенных в своем будущем, не дороживших прошлым, смутно ориентировавшихся в настоящем» [7, с. 138].

Таким образом, современная отечественная историография характеризуется постоянно возрастающим вниманием со стороны научного сообщества к проблемам повседневной жизни рабочих России в конце XIX – начале XX вв. Это подтверждается возникновением широкого спектра диссертационных исследований, посвященных изучению таких аспектов, составляющих понятие повседневности, как жилищные условия, материальное положение, характер питания трудящегося населения, формы организации их досуга, а также эмоциональная реакция рабочих на окружающую их действительность.

Еще одной отличительной особенностью современного периода в историографии является наличие научных работ о повседневной жизни российских рабочих в конце XIX – начале XX в., выполненных на региональном уровне. Исследования, основанные на материалах как столичных (Москва и Санкт-Петербург), так и периферийных (Ярославль, южные окраины России, Западная Сибирь и др.) регионов позволяют провести сравнительную характеристику жизненного уровня рабочих разных губерний в переломный для страны исторический период.

Список литературы

1. Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). – СПб., 2014.
2. Баранова Л.А. Положение фабрично-заводских рабочих Москвы в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011.

3. Вахромеева О.Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2009.
4. Веретенко В.А. Дворянские семьи второй половины XIX – начала XX в. в поисках «монаршей милости» (по материалам Канцелярии е.и.в. по принятию прошений) // Вестн. молодых ученых. Сер.: Исторические науки. – 2004. – № 3. – С. 32–43.
5. Веретенко В.А. Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 4. – № 3. – С. 138–144.
6. Вильчинская-Бутенко М.Э. Генезис досуговых форм фабрично-заводских рабочих // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 1(11). – С. 113–116.
7. Грицай Л.А. Русская семья рубежа XIX и XX вв. в зеркале сословных различий: историко-культурный аспект // Вестн. Пермского ун-та. – 2011. – № 1(15). – С. 134–140.
8. Доронина Т.В. Повседневность рабочего класса Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2006.
9. Ермолов В.А. Повседневная жизнь российских рабочих на рубеже XIX–XX вв. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 1. – С. 27–33.
10. Залунаева Е.А. Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2005.
11. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX вв.). – М., 1979.
12. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. – Л., 1981.
13. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. – СПб., 1906.
14. Прокопович С.Н. Бюджеты петербургских рабочих. – СПб., 1909.
15. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 1. – С. 7–21.
16. Рубель А.Н. Жилища бедного населения Петербурга. – СПб., 1899.
17. Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. – СПб., 2014.
18. Смирнов Д.С. Промышленный пояс: южные окраины Санкт-Петербурга в конце XIX– начале XX вв. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 74–82.
19. Сугак В.В. Культурный досуг индустриальных рабочих Херсонской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3(25). – С. 34–37.
20. Фаронов В.Н. Рабочая семья Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2010.

А.А. Конкин

Современная историография внутренней политики большевиков в 1918–1920 гг.

В статье проводится анализ концепта работ последнего десятилетия отечественной и зарубежной историографии, в которых нашли свое отражение вопросы внутриполитической деятельности советского руководства в период Гражданской войны в России.

The article analyzes the concept of the last decade works in Russian and foreign historiography. The political questions of the Soviet leadership activities during the Civil War in Russia were reflected in that works.

Ключевые слова: историческое исследование, историография, большевизм, внутренняя политика, Гражданская война.

Key words: historical research, historiography, Bolshevism, internal politics, the Civil War.

Внутриполитические мероприятия большевистской власти в годы Гражданской войны (1918–1920) не перестают привлекать внимание исследователей. Об этом свидетельствуют вышедшие в последние годы научные статьи, монографии и диссертационные исследования. Важными условиями разработки указанной темы являются расширение источниковой базы научных исследований и стремление переосмыслить произошедшие события с учетом накопленного в исторической науке богатого фактического материала.

Одой из важнейших тем, активно разрабатываемых в современной историографии, является политика большевиков по формированию местных органов власти в условиях Гражданской войны и «военного коммунизма». Особенности процесса создания Советов на местах раскрыты в ряде работ И.А. Тропова [37; 38; 36]. Период с осени 1917 г. до весны 1918 г. автор характеризует как этап преимущественно «стихийного и ускоренного советского строительства», а с весны 1918 г. – как время преодоления пестроты состава и унификации деятельности низового советского аппарата, которому надлежало работать под руководством большевистской партии. И.А. Троповым сделан новый вывод о том, что задачи унификации и централизации советской системы, а также подчинения ее «партийному диктату» оставались в годы Гражданской войны преимущественно не решенными. В.Н. Данилов обратился к истории

чрезвычайных органов власти – продотрядов, комитетов бедноты, революционных комитетов и др. Автор справедливо указывал на их важную роль в системе большевистской власти [13, с. 113]. А.В. Филимоновым были проведены архивные изыскания по определению численности комбедов в Псковской губернии в 1918 г. [42]; деятельности продотрядов и реакции местного населения на них в губерниях Центрального Черноземья посвящена работа В.Б. Безгина [6]; создание и практику комитетов бедноты на юге России рассматривал В.И. Борисов [9].

Другая тема, активно разрабатываемая в современной историографии – социально-экономическая деятельность большевистского правительства (политика «военного коммунизма»). При этом акцент делается не столько на общей специфике ее проведения в годы Гражданской войны в стране в целом или в отдельных регионах, хотя такие работы встречаются [26; 41], сколько на частных аспектах данной политики и ее влиянии на разные социальные слои и группы.

Безусловно, одним из приоритетных направлений в современной историографии остается аграрная политика большевиков в годы Гражданской войны, в частности, анализ последствий продразверстки [3; 24]. Так, П.Ф. Алешкин пришел к выводу о том, что проводимые большевиками мероприятия привели к упадку аграрного сектора в России, а также стали предпосылкой голода, разразившегося в 1921 г. [3, с. 145]. Любопытной представляется также работа Е.В. Семенко, в которой автор проводит параллель между решением большевистским руководством аграрного вопроса и упрочением собственного положения на селе. Исследователь приходит к выводу, что советскими органами в рамках решения данных вопросов была выполнена двуединая задача – с одной стороны, фактически был осуществлен передел частной собственности, с другой – были заложены основы последующей ликвидации крестьянского единоличного хозяйства [31, с. 205].

Значительное внимание в настоящее время уделяется проблемам свертывания свободной торговли и функционирования нелегального рынка в годы «военного коммунизма», причем рассматриваются как социально-экономический, так и правовой аспекты данной проблемы [7; 8; 12].

Внимание исследователей направлено также на изучение кооперативной политики Советского государства в 1918–1920 гг. Например, коллективное исследование М.М. Есиковой и П.В. Никулкина посвящено эволюции кооперативного производства в годы Гражданской войны и процессу фактической централизации кооперации с политической властью [15]. Всё более активно рассматриваются и региональные особенности кооперативного движения в 1918–1920 гг. [27].

Не обойдены вниманием современных исследователей и вопросы промышленного развития России и ее регионов в годы «военного коммунизма» [1; 11]. Любопытным, в частности, представляется многотомное издание, посвященное развитию и становлению оборонно-промышленного комплекса России и СССР в XX в., во втором томе которого отдельное внимание уделено периоду Гражданской войны. Авторы отмечают, что большевистское руководство столкнулось со значительным комплексом проблем в период эскалации боевых действий (нехватка рабочих рук на фабриках и заводах, недостаток лёгкого и тяжелого вооружения, недостаточная обеспеченность армии). Итоговое же преимущество Красной армии объясняется не столько планомерным обеспечением необходимым вооружением, сколько недостатком такового у ее противников, которые обеспечивали себя лишь «...старыми запасами и иностранными поставками» [16, с. 17].

Эпоха Гражданской войны и «военного коммунизма» рассматривается в настоящее время как сложное, многомерное явление. Отсюда – значительное внимание исследователей к выявлению общих черт и особенностей агитации и пропаганды «красных» и «белых» сил [19], к истории деятельности статистических органов РСФСР, довольно быстро поставленных под политический контроль большевиков [35; 40], к проблемам взаимоотношения церкви и государственной власти [34], а также к различным частно-юридическим аспектам проведения большевиками мероприятий социально-экономического характера [29; 30].

Важной тенденцией современного этапа развития историографии является разработка тем, связанных с положением широких групп и слоев населения на фоне проводимых военно-политическими оппонентами преобразований. Данная проблема, в свою очередь, распадается на два взаимосвязанных вопроса.

Во-первых, историки всё более активно исследуют особенности повседневной жизни человека в эпоху Гражданской войны и «военного коммунизма», выявляя влияние политики на обыденность, и при этом широко привлекая региональные материалы [5; 18; 21; 33]. Во-вторых, исследователи пытаются проанализировать причины и формы проявления недовольства сельского и городского населения политическими и социально-экономическими мероприятиями центральных и местных органов власти [2; 20; 43]. По мнению В.В. Кондрашина крестьянское движение в годы Гражданской войны представляло собой важный элемент общественно-политической жизни, а основными программными положениями восставших были идеи демократического народовластия, установления в стране республиканской формы правления, ликвидация экономической зависимости власти от населения и т. д. Открыто крестьяне выступали

не против Советской власти, а против «коммунистов», которые, по их мнению, узурпировали власть [20, с. 80–98].

Менее исследованным является рабочий протест. Любопытной работой, посвященной данной проблеме, является монография Д.О. Чуракова, в которой автор рассматривает не только предпосылки и причины недовольства рабочих, но и динамику политических и экономических требований, предъявляемых рабочими по отношению к власти во время массовых выступлений [44].

Реалии военного времени и необходимость ведения боевых действий порождали новые направления внутренней политики большевиков. К числу таковых можно отнести, например, необходимость организации армии. Исследователей современного периода по-прежнему интересуют вопросы организационного и нормативного характера построения РККА, в связи с чем получили своё теоретическое осмысление проблемы организационного строительства Красной армии [39], историографический анализ трудов непосредственных участников Гражданской войны, в которых рассматривается периодизация создания новой армии [32], а также правовой аспект применения внутренних войсковых соединений, направленных на подавление «контрреволюционных» мятежей и анархистских банд, а также насильственное изъятие продуктов питания у населения страны [14].

Другое немаловажное направление деятельности советских органов власти в период Гражданской войны – борьба с «внутренними» врагами. К таковым, в первую очередь, относились военнослужащие, самовольно оставившие свое воинское подразделение – дезертиры. В этой связи можно отметить исследователей К.В. Левшина и М.В. Васильева, которые коснулись значительного круга вопросов в контексте данной проблемы: причины дезертирства из Красной армии [22], экономические меры по борьбе с дезертирством [23], специфика дезертирского движения в отдельных губерниях России [10]. Конечно, тематика борьбы с дезертирством присутствовала и в работах советского периода, однако для указанных исследований характерно значительное расширение проблематики и использование ранее недоступного документального материала.

Помимо дезертирского движения, большевики вынуждены были значительное внимание уделять вопросу борьбы против «контрреволюции». Вопросу организации советским руководством контрразведывательной системы посвящено исследование А.А. Иванова, в котором автор отмечает, что, несмотря на заявления большевиков о сломе традиций «старой школы», на первых порах советские «чекисты» вынуждены были строить собственную деятельность на фундаменте, заложенном разведкой царской России, лишь со временем

приобретая собственные отличительные черты [17]. При рассмотрении вопроса о становлении чрезвычайных комиссий также разрабатывается региональный фактор. Так, С.Е. Матвеев рассматривает формирование ВЧК на северо-западе России. Автор отдельно отмечает сложности, с которыми пришлось столкнуться новообразованным органам в первые годы своего существования: крестьянские выступления, борьба с контрабандной, «кадровый голод» и т. д. Автор приходит к выводу о том, что местным чрезвычайным органам советской власти удалось преодолеть многочисленные трудности и к окончанию Гражданской войны сформировать свою структуру [25].

Помимо работ отечественных исследователей, нельзя не выделить ряд значимых работ современных зарубежных авторов. В первую очередь, необходимо отметить исследование А. Рабиновича, где автор рассматривает тот комплекс проблем, с которым столкнулось большевистское руководство после прихода к власти. Первая, и возможно главная проблема, на которую делает акцент автор – необходимость переквалификации из разряда «революционеров» в «правители», не имея общего плана и концепции действия. Автор отмечает и иные сложности – внутрипартийные противоречия (связанные как с разногласиями в подготовке вооруженного восстания в Петрограде, так и с дискуссиями относительно заключения Брестского мира), дефицит партийных кадров, необходимость вынужденного союза с левыми эсерами и т. д. В целом, А. Рабинович отмечает, что именно первый год Советской власти в Петрограде является той фундаментальной основой, исходя из которой следует рассматривать становление «централизованной, ультра-авторитарной большевистской политической системы» [28, с. 567].

С. Пирани, осмысливая особенности положения рабочих в Советской России, делает акцент на том, что рабочий класс после революционных событий и во время Гражданской войны, утратил собственную самостоятельность, а местные Советы и фабрично-заводские комитеты постепенно лишались необходимых полномочий по принятию тех или иных решений, которые могли улучшить положение рабочего класса. Подобное положение, по мнению автора, было вызвано мероприятиями большевистского руководства и проведением политики «военного коммунизма» [45].

Среди других научных публикаций иностранных авторов следует отметить работу военного историка Эрла Зимке, в которой рассматривается история развития Красной армии в период 1918–1941 гг. Особое внимание Э. Зимке уделено роли В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в процессе организации новой армии. Значительное место в монографии уделено «боевому крещению» армии «нового типа» – сражениям на фронтах Гражданской войны. Кроме того, автор поднимает ряд вопросов, которые и в отечественной историче-

ской науке являются дискуссионными, например, им подробно рассматриваются дискуссии в большевистском руководстве о необходимости привлечения в РККА «военспецов» [46].

В трудах зарубежных авторов предпринимаются также попытки анализа экономического развития страны после прихода к власти большевиков. Так, исследователь Роберт Аллен рассматривает экономическое развитие Советской России вплоть до рубежа 80–90-х гг. XX в. Автор не обходит своим вниманием период Гражданской войны и отмечает, что главным её итогом стал экономический крах в стране. Выход из состояния кризиса автор видит как в проведении большевистским руководством чрезвычайных мер (национализация промышленности, введение государственной монополии на торговлю, деятельность чрезвычайных органов «на местах»), так и в переводе страны в мирное русло (проведение новой экономической политики и отход от принципов «чрезвычайщины») [4, с. 71–73].

Таким образом, можно выделить ряд характерных особенностей современного периода отечественной и зарубежной историографии внутренней политики большевиков в годы Гражданской войны. Прежде всего, проводится углубленный анализ политико-экономических мероприятий советской власти в 1918–1920 гг., проявляющийся как в детальном анализе ранее неиспользованных архивных документов, так и в выявлении специфики деятельности советских и партийных органов на местах. Другая характерная особенность современной историографии – появление значительного количества научных работ, в которых предпринимается попытка осмыслить мероприятия большевистского руководства в контексте их влияния на широкие слои и группы населения, а также реакции самого населения на проводимые мероприятия. В целом следует констатировать, что непреходящий интерес в исследовательской среде к истории жизни государства, общества и отдельной личности в первые послереволюционные годы совершенно оправдан, ввиду сохраняющихся в исторической науке «белых пятен» в осмыслении сложных исторических процессов и явлений эпохи Гражданской войны и «военного коммунизма».

Список литературы

1. Алексеев Т.В. Структурная трансформация электротехнической промышленности Петрограда в годы «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) // Клио. – 2011. – № 1. – С. 68–69.

2. Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). – М., 2010.

3. Алешкин П.Ф. Крестьянство и власть: военный коммунизм в Советской России // Власть. – 2012. – № 5. – С. 143–145.

4. Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / пер. с англ. Е. Володиной. – М., 2013.

5. Алферова И.В. Женщины в условиях «военного коммунизма»: практики приспособления // Вестн. Удмуртского ун-та. – 2011. – № 5(1). – С. 83–90.
6. Безгин В.Б. Насилие в борьбе за хлеб (на материалах губерний Центрального Черноземья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2014. – № 1. – С. 288–295.
7. Белоусов В.Д., Бирюков В.А. Попытка отмены денег в годы военного коммунизма // Вестн. Московского ун-та. Сер. 6: Экономика. – 2012. – № 2. – С. 25–34.
8. Биюшкина Н.И., Ядрышников К.С. К вопросу о правовом регулировании денежного обращения периода «военного коммунизма» в Советской России // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 2. – С. 176–180.
9. Борисов В.И. Комитеты бедноты юга России в системе продовольственной политики Советской власти в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 47–50.
10. Васильев М. «Искоренить зло дезертирства» // Псков. – 2011. – № 35. – С. 207–216.
11. Гапсаламов А.Р. Особенности структуры управления промышленностью Советской России в период «военного коммунизма» // Изв. Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2008. – № 3. – С. 57–60.
12. Давыдов А.Ю. Нелегальный рынок «военного коммунизма» – предтеча новой экономической политики // Актуальные проблемы социальных наук Герценовские чтения, 2005: сб. науч. и уч.-метод. трудов / отв. ред. В.В. Барабанов; сост. А.Б. Николаев. – СПб., 2005. – С. 103–107.
13. Данилов В.Н. Чрезвычайные органы власти в Советской государственной системе // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 12. – № 2. – С. 110–118.
14. Епифанов А.Е. Из правового опыта использования войсковых формирований как средства обеспечения внутренней безопасности в период становления Советской власти (1917–1920 гг.) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – 2014. – № 2(23). Юриспруденция. – С. 62–68.
15. Есикова М.М., Никулкин П.В. Кооперация в годы революций и военного коммунизма // Вестн. Тамбовского гос. техн. ун-та. – 2013. – Т. 19. – № 4. – С. 914–921.
16. Золотарев В.А. Советское военно-промышленное производство. – Т. II. – М., 2005.
17. Иванов А.А. Становление Советских контрразведывательных служб в 1918-1919 годах: традиции и новации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 28 (166). История. – С. 86–90.
18. Измозик В.С. Лебина Н.Б. Петербург советский: «Новый человек» в старом пространстве. – СПб., 2010.
19. Конкин А.А. Агитационно-пропагандистская деятельность советского руководства и белогвардейских сил на северо-западе России в годы Гражданской войны // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 4. История. – № 1. – С. 101–107.
20. Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сб. ст. и материалов / под ред. А.В. Посадского. – М., 2013.
21. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М., 2015.
22. Левшин К.В. Причины дезертирства в Красной армии // Новейшая история России. – 2011. – № 2. – С. 73–79.

23. Левшин К.В. Экономические меры борьбы с дезертирством красноармейцев в годы Гражданской войны на северо – западе России // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 1. – Т. 4. История. – С. 48–57.
24. Магомедов Р.Р. Военный коммунизм на Южном Урале. Политические и экономические последствия продрозверстки // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. – 2013. – № 3(7). – С. 67–72.
25. Матвеев С.Е. Организация губернских отделов ВЧК на северо-западе России в 1919 году // Вестн. РГУ им. И. Канта. – 2008. – Вып. 12. Гуманитарные науки. – С. 31–36.
26. Муравьева Л.А. Военный коммунизм: теория и практика // Финансы и кредит. – 2002. – № 7 (97). – С. 52–60.
27. Мухамедов Р.А. Кредитная и ссудно-сберегательная кооперация Среднего Поволжья в период проведения политики «военного коммунизма» (1918–1920) // Уч. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. – № 1. – С. 140–147.
28. Рабинович А.Е. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде / пер. с англ. И. С. Давидян. – М., 2008.
29. Рощин Б.Е. Российская законность в условиях военного коммунизма: основные особенности // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 5–6. – С. 272–277.
30. Рощин Б.Е. Формирование российского трудового законодательства в эпоху «военного коммунизма» // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 3 (1). – С. 274–280.
31. Семенко Е.В. Решение аграрного вопроса как фактор становления Советской власти // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2007. – № 53. – Т. 22. – С. 199–205.
32. Симонов А.А. Периодизация создания Красной армии в трудах её организаторов // Изв. Саратовского ун-та. – 2014. – № 1. – Т. 14. История. – С. 39–43.
33. Смирнов Ю.Ф. «Плохого натерпелись, хорошего не ждем» (питание тульских рабочих в период военного коммунизма и нэпа) // Тульский краеведческий альманах. – 2012. – № 9. – С. 129–134.
34. Соколов А.В. Реквизиция Петроградской Синодальной типографии в январе 1918 г. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 4. История. – № 1. – С. 199–209.
35. Тропов И.А. Деятельность местных органов власти и управления Советской России по организации статистических работ в 1917 – 1920 гг. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 4. История. – № 1. – С. 123–133.
36. Тропов И.А. Конституция РСФСР 1918 г. и опыт организации советов на местах // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 4. – С. 95–99.
37. Тропов И.А. Особенности функционирования советской системы в России в 1917–1920 годы // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 93. – С. 34–42.
38. Тропов И.А. Проблемы организации и функционирования волостных органов власти в России в 1917–1918 гг. // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 2. – С. 38–42.
39. Тропов И.А. Проблемы формирования Красной Армии // Воен.-ист. журн. – 2009. – № 6. – С. 46–50.

40. Тропов И.А. Центральные и местные органы власти и политический контроль над статистической информацией в России в 1918 – 1926 гг. // Вестн. молодых ученых. Сер.: Исторические науки. – 2007. – № 4. – С. 78–82.

41. Федоров В.И. Политика военного коммунизма в Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестн. – 2014. – № 1(8). – С. 19–24.

42. Филимонов А.В. К вопросу о численности комбедов в Псковской губернии (1918 г.) // Вестн. Псковского гос. ун-та. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2014. – № 4. – С. 9–15.

43. Филин М.В. Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007.

44. Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). – М., 2007.

45. Pirani S. The Russian Revolution in Retreat, 1920–1924: Soviet Workers and the New Communist Elite. – L., 2008.

46. Ziemke E. The Red Army, 1918–1941: From Vanguard of World Revolution to US Ally. – Frank Cass, 2004.

УДК 94(470.56):347.963

Н.Л. Семенова

Губернские прокуроры в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. (на примере Оренбургской губернии)

В статье рассматривается роль губернских прокуроров в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. Автор пришла к выводам, что должностной статус прокурора был невысок, а выполняемые функции надзора были схожи с обязанностями главных начальников Оренбургского края. В рассматриваемый период правительству не удалось на практике обеспечить полную независимость губернского прокурора в системе местного управления.

In article the role of provincial prosecutors in system of local management of the Russian Empire at the end of XVIII – the beginning of XIX centuries is considered. The author came to conclusions that the official status of the prosecutor was low, and the carried-out functions of supervision were similar to duties of chief directors of the Orenburg region. During the considered period the government did not manage in practice to provide full independence of the provincial prosecutor in system of local management.

Ключевые слова: губернский прокурор, генерал-прокурор, Сенат, военный губернатор, надзор, Оренбургская губерния.

Key words: provincial prosecutor, general-prosecutor, Senate, military governor, supervision, Orenburg province

С именем Екатерины II связано проведение масштабных преобразований в области местного управления Российской империи: введено новое административно-территориальное деление, кардинально изменена судебная система, предпринята попытка произвести разделение властей. Одним из результатов реформ было создание института прокуратуры на губернском уровне, в который вошли прокурор и стряпчие при губернском правлении и палатах. В статье 404 «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. обязанности прокуроров и стряпчих определены следующим образом: «... смотрят и бдение имеют о сохранении везде всякого порядка, законами определенного, и в производстве и отправлении самых дел. Они сохраняют целость власти, установлений и интереса Императорского Величества; наблюдают, чтоб за-

прещенных сборов с народа никто не собирал, и долг имеют истреблять повсюду зловредные взятки» [17, с. 279]. В случае поступления в губернию нового закона, или возникновения затруднений в исполнении существующих, прокурор должен дать разъяснение [17, с. 280]. При обнаружении злоупотреблений, губернский прокурор был обязан уведомить о них генерал-губернатора, губернское правление и генерал-прокурора Сената. Назначения губернских прокуроров проводились в Сенате. Закон прямо называл прокуроров «око генерал-прокурора» [17, с. 281]. Таким образом, Екатерина II стремилась усилить систему правительственного надзора за всеми присутственными местами в наместничествах, юридически закрепив независимость губернских прокуроров.

Положение и деятельность губернских прокуроров определялись рядом особенностей. Во-первых, А.Д. Градовский совершенно справедливо заметил, что права губернских прокуроров напоминали права надзора, предоставленные наместнику и наместническому правлению, и имели приблизительно один и тот же предмет [12, с. 341]. Во-вторых, по мнению А.Н. Бикташевой, независимость губернского прокурора оставалась формальной, так как должностной авторитет губернского прокурора был невысок. Класс этой должности (6–8) был ниже не только губернатора, вице-губернатора, но и председателей палат. Поэтому статусная разница придавала уязвимость отношениям прокурора и губернатора [1, с. 236]. В-третьих, самостоятельность губернского прокурора напрямую зависела от влияния генерал-прокурора на государственные дела [2, с. 260–261]. Особенно значительно это влияние было во второй половине XVIII в., когда генерал-прокурор в своем статусе фактически возвысился над Сенатом, а прокуратура выступала органом государственного управления. В ходе министерской реформы начала XIX в. объем полномочий генерал-прокурора (который являлся и министром юстиции) был сокращен [27].

В современной историографии накоплен серьезный материал в изучении правительственного курса в строительстве судебной системы на Урале и в Западной Сибири в последней трети XVIII – первой половине XIX в., изучен феномен трансформации судебных институтов на окраинах империи из инструмента мирного урегулирования конфликтов в средство охраны существующего в империи правопорядка [2; 3]. Появились работы, посвященные изучению аппарата прокуратуры Оренбургской губернии дореформенного периода и ее отдельных представителей [16]. Однако, новые архивные документы позволяют дополнить и уточнить полученные результаты (например, вывод И.М. Мавлетбердина о том, что возможно проследить историю назначений на должность прокурора Оренбургской губернии лишь с 1817 г.) [16, с. 129].

Целью данной статьи является попытка определить роль губернского прокурора в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. на примере Оренбургской губернии. Решение этой исследовательской задачи позволит не только уточнить реальный объем властных полномочий прокурора, но и выяснить насколько губернский прокурор был независим в системе губернского управления, как складывались взаимоотношения между прокурором и руководством губернии, как на практике происходили назначения губернских прокуроров на должность. Ответы на данные вопросы существенно дополняют картину истории местного управления и помогут создать более целостную интегральную картину его развития [15, с. 11].

Оренбургская губерния в конце XVIII – первой половине XIX в. представляла собой обширную юго-восточную окраину Российской империи. Особенности положения края, состав населения привели к формированию модели военного управления, которая предусматривала во главе Оренбургского края военного и гражданского начальника.

В 1781 г., после открытия Уфимского наместничества, губернским прокурором был назначен 22-летний Дмитрий Борисович Мертваго – впоследствии известный русский чиновник, сенатор, таврический гражданский губернатор, генерал-провиантмейстер. В своих «Записках», над которыми он работал с 1774 по 1801 г., Д.Б. Мертваго отдельную главу посвятил службе в Оренбургском крае. Прослужив в должности губернского прокурора с 1781 по 1786 гг., он писал: «... ничему не учился, ни к чему ни прилежал, и не знал ничего, что касается до должности. Но, будучи любим начальниками и находясь всегда в их обществе я был не только терпим в службе, но многие даже меня уважали» [14, с. 39]. Достаточно откровенная характеристика Д.Б. Мертваго своей службы в должности губернского прокурора наглядно характеризует роль прокурора в системе местного управления Оренбургской губернии, подчеркивает его зависимость от начальника губернии [26, с. 89–90]. Вместе с тем, последующая работа в палате гражданского суда Оренбургской губернии, где служили опытные и «справедливые» судьи, стала настоящей школой для Дмитрия Борисовича. Председатель палаты смог убедить Мертваго, что «...путь к знанию не труден и не далек, лишь бы охота была учиться». Полгода службы в палате «много научили меня, и дали вкус любить дело» [26, с. 90]. К сожалению, архивные документы не позволяют определить кто занимал должность губернского прокурора после Д.Б. Мертваго, т. е. с 1786 по 1791 гг.

В 1792 г. на эту должность был назначен Максим Дмитриевич Княжевич [23. Л. 1]. По происхождению – серб, в 1779 г. он пересе-

лился в Россию, начал службу в лейб-гусарском полку [26, с. 138]. В январе 1791 г. М.Д. Княжевич поступил на службу в Саратовский верхний земский суд прокурором, а в 1792 г. переведен в Уфимское наместничество с чином коллежского асессора и назначен губернским прокурором [23. Л. 1]. Губернский прокурор М.Д. Княжевич проводил работу по разъяснению существующих законов, прежде всего «Учреждения для управления губерний...» 1775 г. На его утверждение поступали все решения судебных органов. Копии всех своих распоряжений в судебные учреждения края он отправлял генерал-прокурору [22. Л. 133–135].

В 1796 г., в соответствии с новым разделением государства на губернии, вместо Уфимского наместничества была образована Оренбургская губерния [18]. Центр новой губернии был перенесен из г. Уфы в Оренбург, куда были переведены все государственные учреждения [19]. В июне 1797 г. М.Д. Княжевич в рапорте генерал-прокурору А.Б. Куракину докладывал о переезде, отмечая его нецелесообразность [22. Л. 31]. Он писал, что в Оренбурге практически нет помещений, удобных для работы присутственных мест: «За ветхостью и разрушением казенных строений в губернаторском доме, палате суда и расправы оба департамента помещены будут в том месте, где в прежние времена была губернская канцелярия, весьма тесно и не более для каждого департамента досталось как по две комнаты и притом прихожая, где с трудностью или почти невозможно поместить присутственных камор и немалое число приказных служителей» [22. Л. 31]. По мнению М.Д. Княжевича, такие неудобства приведут к «великому промедлению в делах». Несмотря на доводы прокурора, центр губернии был перенесен в Оренбург.

Перевод всех присутственных мест создал трудности для семьи самого губернского прокурора. В 1792 г. в Уфе они с женой купили дом за 2 000 руб., потратив на него все свое имение [23. Л. 1–1 об.]. В письме к генерал-прокурору он писал: «Я не нахожу средств ехать в Оренбург, где пуд ржаной муки стоит 120 коп., сажень дров – 8 коп. Квартира нанимается две комнаты на трех сажнях по 10 рублей на месяц» [23. Л. 1]. Продать свой дом в Уфе за прежнюю цену М.Д. Княжевич не мог, так как «...в Уфе остаются одни казаки». М.Д. Княжевич просил перевести его на службу в другую губернию. Прошение оренбургского губернского прокурора было удовлетворено: в конце 1797 г. он был назначен казанским губернским прокурором и пожалован чином надворного советника [23. Л. 3; 25, с. 138].

После М.Д. Княжевича, в 1798 г. губернским прокурором Оренбургской губернии был назначен Григорий Павлович Богинский [20, Л. 30–31]. Из его формулярного списка следует, что он происходил из малороссийской шляхты, в Белебеевском уезде имел 105 душ крестьян [20. Л. 31]. Г.П. Богинский оставался в должности губер-

ского прокурора до 1815 г., а затем, стал председателем уголовной палаты.

Начало службы Г.П. Богинского в должности губернского прокурора было омрачено серьезным конфликтом с военным губернатором Н.Н. Бахметевым. В 1799 г. военный губернатор обратился к генерал-прокурору Сената А.А. Беклешову с прошением об удалении из Оренбургской губернии прокурора Г.П. Богинского и назначении на его должность «...известного и уважаемого дворянина С.Б. Мертваго (брата Д.Б. Мертваго), который находится вторым членом во временном межевом департаменте» [5. Л. 1]. Военный губернатор писал, что «...цель этого – действительная польза службы и обережение от различных притеснений обитающего здесь народа, поскольку начальство должно быть бескорыстным и честным» [5. Л. 1]. Такое решение военного губернатора было вызвано адресованной к нему жалобой отставного поручика Мартынова на произвол председателя казенной палаты Федорова и губернского прокурора Богинского [6. Л. 1]. В 1798 г. Мартынов купил у Федорова в Бугульминском уезде 5000 десятин земли за 5 000 р. и перевел на купленную землю 49 крестьян из Пензенского уезда. Поскольку всей указанной суммы у Мартынова не оказалось, то губернский прокурор предложил ссудить необходимую сумму под заклад купленной деревни. Не позаботившись в срок о правильном оформлении документов и, просрочив уплату долга, Мартынов лишился имущества, которое перешло во владение к Богинскому. Мартынову пришлось вновь выкупить деревню, заплатив сверх 500 р. и оставить Богинскому 10 крепостных душ [6. Л. 3].

В 1801 г. «гонения» на Мартынова продолжились. Военный губернатор писал генерал-прокурору Сената А.А. Беклешову: «...ясно вижу, что поручик Мартынов угнетается и разоряется кляузными председателя казенной палаты Федорова и прокурора Богинского. Но все законами оными прикрыто. Должность моя есть его защищать, но лишен я способов и другого не нахожу как все сие передать рассмотрению вашему...» [6. Л. 1]. Н.Н. Бахметев верно подметил, что Богинский и Федоров «... из таких людей, которые составляют себе состояние на счет слабости и неведения людей беззащитных» [5. Л. 7 об.]. В своем ответе генерал-прокурор Сената А.А. Беклешов указал, что по данному делу не может сделать никакого распоряжения и не может удовлетворить прошение военного губернатора, так как Г.П. Богинский не замечен «в упущении своей должности или злоупотреблениях, напротив, внимателен к службе своей» [5. Л. 15].

Военному губернатору Н.Н. Бахметеву не удалось добиться увольнения от должности губернского прокурора Г.П. Богинского. Во-первых, как справедливо отметил сам военный губернатор, он не

имел законных «способов» для этого, а формально губернский прокурор поступал по закону. Во-вторых, делопроизводство в Сенате происходило очень медленно и «тянулось» годами. Так, переписка по делу о губернском прокуроре Богинском началась в 1799 г. и продолжалась до конца 1802 г. Пока велась переписка, сменилось несколько генерал-прокуроров Сената. Наконец, сам Н.Н. Бахметев в 1803 г. ушел в отставку и покинул Оренбургский край, а в 1811 г. был назначен смоленским военным губернатором.

Новый военный губернатор, генерал от кавалерии князь Г.С. Волконский, назначенный в Оренбургский край в июле 1803 г., напротив, был очень высокого мнения о работе губернского прокурора Г.П. Богинского. В 1804 г. он писал генерал-прокурору Сената и одновременно министру юстиции П.В. Лопухину, что в лице губернского прокурора нашел «хорошего помощника ... которого строгие и благоразумные предписания уездным стряпчим чинимые, доказывают неусыпное его попечение и деятельность как на законное движение дел, так и на пресечение злоупотреблений» [7. Л. 1–1 об.]. Военный губернатор привел список с циркулярного предписания прокурора уездным стряпчим от 2 августа 1804 г., в котором прокурор требовал от стряпчих, чтобы все судебные дела имели законное течение, без проволочек, и, чтобы «ни под каким предлогом не было напрасной тяжущимся проволочки, а подсудным отягощения, особенно, чтобы зловредное лихоимство нигде от наблюдения вашего не скрывалось, поселяне и прочие жители ничем излишним кроме установленного законом не отягощались... Но к крайнему неудовольствию множество доходящих начальнику губернии и в правительстве от разного рода людей жалоб открывает тому противное... О злоупотреблениях доносить мне» [7. Л. 2]. П.В. Лопухин заявил, что всегда готов поддерживать деятельных чиновников и при случае непременно доложит императору [7. Л. 3].

В марте–апреле 1805 г. правительство рассматривало новые жалобы на губернского прокурора Г.П. Богинского в том, что он, под всякими предлогами «притесняет» неудобных ему чиновников [8. Л. 2–7]. Однако, многочисленные доносы не повлияли на мнение военного губернатора о губернском прокуроре, которого он считал «хорошим помощником».

Губернскому прокурору приходилось обращаться в Сенат и за уточнением положения самого военного губернатора. Так, в апреле 1811 г. оренбургский губернский прокурор Г.П. Богинский обратился к министру юстиции И.И. Дмитриеву с вопросом, является ли военный губернатор председателем губернского правления, или, «обязан сидеть на правой стороне председательского места?» [4. Л. 41–76]. Такой вопрос возник в связи с тем, что «Учреждение...» 1775 г. четко не разграничивало функции военного и гражданского губерна-

торов в местном управлении. Ответ министра юстиции напомнил о действующем именном указе, объявленном Сенату 15 апреля 1803 г., согласно которому «военный губернатор, управляющий и гражданской частью ...присутствуя на заседаниях губернского правления, является председателем» [9. Л. 4].

В первые десятилетия XIX в. руководители местной администрации в лице военного и гражданского губернаторов начинают более активно влиять на кадровую политику в крае. Так, 28 февраля 1815 г. военный губернатор Г.С. Волконский направил отношение министру юстиции Д.П. Трощинскому об определении губернского прокурора Г.П. Богинского председателем Оренбургской уголовной палаты, указывая, что «...чиновник сей по его заслугам и способности будет иметь счастье получить эту должность» [10. Л. 1]. Оренбургский гражданский губернатор М.А. Наврозов предложил другого кандидата на эту должность – стряпчего казенных дел коллежского советника М. Веригина, отметив, что он «вел себя добропорядочно и употребляем был мною с пользою по службе» [11. Л. 1]. По решению Сената председателем Оренбургской уголовной палаты стал Г.П. Богинский. Видимо, решающим оказалось покровительство военного губернатора, который принадлежал к знатному и древнему роду Волконских [13, с. 170–171]. Новое назначение Г.П. Богинского стало повышением его по службе.

На освободившуюся должность губернского прокурора военный губернатор предлагал назначить коллежского советника В. Теплякова, служившего в Оренбургской казенной палате более 10 лет, и, как писал Г.С. Волконский, исполнявшего должность вице-губернатора «с особливою деятельностью» [11. Л. 1]. Однако министр юстиции Д.П. Трощинский посчитал, что более подходящей кандидатурой является А.А. Веригин, который был опытным чиновником и имел большой стаж службы. 25 мая 1815 г. Сенат утвердил предложение министра юстиции Д.П. Трощинского [21. Л. 68 об.]. Из формулярного списка А.А. Веригина следует, что он с 1785 г. находился на гражданской службе в Уфимском наместничестве. Был неоднократно представлен к поощрению: сенаторами Спиридовым и Лопухиным при проведении ревизии края в 1800 г., в 1802 г. – военным губернатором Н.Н. Бахметевым, в 1808 г. – гражданским губернатором Фризелем [21. Л. 68 об.]. Исполняя должность губернского прокурора, А.А. Веригин получил похвальный лист от военного губернатора и 10 июля 1817 г. был назначен председателем палаты гражданского суда Оренбургской губернии.

В 1817 г. на должность губернского прокурора был назначен коллежский советник Василий Николаевич Никопольский, также имевший большой опыт чиновничьей службы с 1777 г. [21. Л. 97 об.]. Проходя службу советником в Грузинской казенной экспедиции, вы-

полнял поручения по обеспечению войск провиантом, лошадьми в сложнейших условиях голода и эпидемии. В.Н. Никопольский занимал должность до конца 1820 г., когда его сменил статский советник и кавалер А.Н. Гарбовский [16, с. 129].

В первой половине XIX в. надзорные функции губернских прокуроров постепенно сокращаются, их обязанности все больше ограничиваются надзором за деятельностью судебных органов, что и было законодательно закреплено в ходе судебной реформы 1864 г. [27].

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. губернские прокуроры были призваны осуществлять контроль за соблюдением законов, за деятельностью присутственных мест, защищать права граждан и интересы государства в губернии. Закон юридически закреплял их независимость. Но на практике должностной статус губернского прокурора был невысок, а выполняемые функции прокурора входили и в компетенцию органов государственного управления, прежде всего главных начальников Оренбургского края в лице генерал-губернатора и военного губернатора. Обеспечить губернскому прокурору полную независимость в системе местного управления в конце XVIII – начале XIX в. правительству не удалось. По сути прокуроры выступали частью государственного управления. Поэтому главные начальники губерний относились к прокурорам как к своим подчиненным, осуществляли контроль за их деятельностью, стремились влиять на их назначения. Окончательное решение о назначении оставалось за генерал-прокурором (министром юстиции) и Сенатом, которые старались поставить на эту должность опытных чиновников, ответственно исполнявших свои обязанности. Как свидетельствуют архивные документы, должность губернского прокурора была своего рода «стартовой площадкой» для более статусной и высокооплачиваемой должности председателей палат уголовного и гражданского суда в губернии.

Список литературы

1. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. – М., 2012.
2. Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. – Челябинск, 2011.
3. Воропанов В.А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). – Челябинск, 2008.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 755.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 763/4.
6. ГАОО Ф.6. Оп. 2. Д. 763/14.

7. ГАОО Ф. 6. Оп. 2. Д.1293.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1434.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3200.
10. ГАОО Ф. 6. Оп. 3. Д. 4567.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4584.
12. Градовский А.С. Начала русского государственного права. Т. III. Органы местного управления. Кн. 1. Исторический очерк местных учреждений в России. – СПб., 1883.
13. Губернаторы Оренбургского края / авт.-сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова. – Оренбург, 1999.
14. Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760–1824. Издание Русского архива. – М., 1867.
15. Любичанковский С.В. Изучение эффективности местного управления как научное направление, его объект и предметные границы // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность: сводные материалы заочной дискуссии. – Екатеринбург-Ижевск, 2010.
16. Мавлетбердин И.М. Аппарат прокуратуры Оренбургской губернии (1775–1865 гг.) // Вестн. ВЭГУ. – 2010. – № 5(49). – С. 128–132.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. (ПСЗ I). – СПб., 1830. – Т. XX. – № 14392.
18. ПСЗ I. СПб., 1830. – Т. XXIV. – № 17634.
19. ПСЗ I. СПб., 1830. – Т. XXIV. – № 17888.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1349. Оп. 4. Д. 208.
21. РГИА Ф. 1349. Оп. 4 Д. 240. Л. 68 об.
22. РГИА Ф. 1374. Оп. 1. Д. 452.
23. РГИА Ф. 1374. Оп. 1. Д. 596.
24. РГИА Ф. 1349. Оп. 4. Д. 240.
25. Сборник биографий кавалергардов. 1762–1801. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Марии Федоровны полка / сост. под ред. С. Панчулидзева. – СПб., 1904.
26. Семенова Н.Л. Оренбургская губернская администрация рубежа XVIII – XIX вв. в воспоминаниях современников // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 21 (192). – Вып. 32.
27. Шобухин В.Ю. Тенденции развития прокуратуры России в период 1722–1864 гг. // Журн. рос. права. – 2010. http://www.juristlib.ru/book_10285.html

К.А. Яковенко

История разработки правовых основ охраны труда рабочих табачной промышленности в России в конце XIX – начале XX в.

Статья посвящена истории разработки правового законодательства в табачной промышленности в России в конце XIX – начале XX в. в условиях повсеместного несоблюдения вопросов охраны труда и техники безопасности на предприятиях Российской империи. Автором освещена история создания и дана характеристика первым основополагающим законам фабрично-заводского законодательства, а также выявлены цели, задачи и функции «Общества рабочих табачного производства».

The article is dedicated to the history of the development of the tobacco industry legislation in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries under the conditions of general violation of work safety and accident prevention rules at the factories in Russian Empire. The author covered the history of the creation, and gave characterization of the first fundamental laws of the industrial legislation and explored purposes, goals and functions of the “tobacco industry workers society”.

Ключевые слова: фабрично-заводское законодательство, табачная промышленность, рабочие табачного производства, «Общество работников табачного производства».

Key words: industrial legislation, tobacco industry, tobacco industry workers, «tobacco industry workers society».

Актуальность исследования вопроса об охране труда российских рабочих в конце XIX – начале XX в. обусловлена, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, необходимостью углубить имеющиеся в науке представления о положении рабочих в позднеимперской России и об особенностях государственной политики в «рабочем вопросе» в указанный период. Во-вторых, потребностью дальнейшего совершенствования трудового законодательства в современной России с учетом ее исторического опыта в указанной сфере. Несмотря на наличие ряда научных работ, посвященных отдельным аспектам законодательного регулирования «рабочего вопроса» в России в конце XIX – начале XX в., вопросы разработки правовых основ охраны труда рабочих табачной промышленности в указанный период остаются до сих пор не исследованными.

В дореволюционной России систематическая разработка вопроса о законодательном регулировании трудовых отношений

началась еще в период Великих реформ. Межведомственные комиссии под руководством А.Ф. Штакельберга (1859–1862), П.Н. Игнатьева (1870–1872) и П.А. Валуева (1874–1875) подготовили ряд либеральных законопроектов, в основу которых были положены принципы и нормы фабричного законодательства западноевропейских стран, прежде всего, Англии, Франции и Германии [2, с. 16–17]. Однако ни один из этих законопроектов в тот период не был реализован.

Принятие первых фабричных законов в России и создание фабричной инспекции произошло лишь в начале 1880-х гг., во многом благодаря инициативе либерального экономиста и видного государственного деятеля Н.Х. Бунге. Разрабатывая вопросы улучшения положения в различных отраслях промышленности, Н.Х. Бунге в своей записке, адресованной императору Александру II (1880) указывал на необходимость самого срочного принятия законов, регулировавших наемный труд в фабрично-заводской промышленности [3]. В 1881–1886 гг., занимая пост министра финансов, Н.Х. Бунге внес огромный вклад в принятии ряда законов, нацеленных на охрану труда рабочих [11].

Важнейшим законом, который положил начало государственной и юридической защите прав работников и охране труда является Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [4, с. 265]. Закон обладал всеми признаками нормативного акта: устанавливал запрет на работу детей до 12 лет, для детей от 12 до 15 лет устанавливал максимальную продолжительность их работы 8 часами в день (притом не более 4 ч. без перерыва) и запрещал ночную (от 21.00 до 5.00) и воскресную работу, в том числе запрещал применение детского труда на вредных производствах; утверждал орган надзора за его исполнением – инспекцию по надзору за занятиями малолетних, работающих на фабриках и мануфактурах. Срок его вступления в силу был отложен из-за внесения корректировок [16, с. 64]. Окончательно закон был введен в действие с 1890 г. Тем же законом учреждалась специальная инспекция по контролю за его выполнением, которая впоследствии стала называться фабричной инспекцией [подробнее см.: 15, с. 10–18]. Для соблюдения закона и предотвращения его нарушения 5 июня 1884 г. был принят закон «О взысканиях за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках, мануфактурах и в ремесленных заведениях» [5, с. 342–343].

Развитие рабочего законодательства продолжилось и после отставки Н.Х. Бунге. При разработке законов 1886 г. в государственную межведомственную комиссию В.К. Плеве были приглашены представители фабрично-заводской промышленности Петербург-

ской, Московской, Владимирской губерний. В результате таких действий представители фабричной элиты получили возможность прямого влияния на содержание законов. В деятельности комиссии отразились разногласия между московскими промышленниками, пользовавшимися «патриархальным» способом: ночными работами, женским и детским трудом, и петербургским, более молодым, промышленным центром, значительную долю которого составляли иностранные предприниматели. Петербургский производственный уклад, естественно, был с более модернизированными фабриками, с меньшей продолжительностью рабочего дня, с культурно образованными рабочими, с большей производительностью труда и высокооплачиваемыми рабочими руками. Данное противоречие отразилось на принятии различных законов, причем в разные периоды законодательство то становилось более консервативным, то развивалось в соответствии с либеральными взглядами в зависимости от того, какие промышленные силы брали верх в правительственных кругах [14, с. 11].

Модернизация трудового вопроса продолжалась, и к началу XX в. в российском законодательстве появились важнейшие законы, регулировавшие трудовую деятельность рабочих. Фундаментом и гарантом прав работников стали следующие законы: «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» (1885), «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» (1886), они устанавливали порядок найма, увольнения и оплаты труда, регулировали внутренние стороны трудовой деятельности рабочих [12, с. 69]. В частности, запрещалось взимать с рабочих плату за врачебную помощь, освещение мастерских и использование орудий производства [9, с. 380].

В апреле 1890 г. вышел закон «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах, и распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» [6, с. 309].

В начале XX столетия, в условиях значительного ухудшения положения рабочих и их семей [1, с. 60; 10, с. 42–44], был учрежден институт фабричных старост [2, с. 18], приняты правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев на производстве [7 с. 595–596], а также обнародована целая серия законов 1912 г. о страховании рабочих от несчастных случаев и от болезней [8, с. 847–882].

Условия труда рабочих на табачных фабриках России, несмотря на отмеченное выше постепенное усовершенствование фабрично-заводского законодательства, а также использование передовых технологий [17, с. 130–131], оставались в целом тяжелыми.

Для защиты прав рабочих, занятых в табачной промышленности, в соответствии с вышеперечисленными законами было создано «Общество рабочих табачного производства» [13, с. 3]. Целью данной организации являлось выяснение экономических интересов рабочих, улучшение условий их труда, содействие умственному и нравственному развитию трудящихся. Общество устраняло конфликты между предпринимателями и его членами, предусматривало выдачу денежных пособий работникам в случае болезни и при других чрезвычайных обстоятельствах. Предусматривался также порядок оказания медицинской помощи, а для защиты юридических прав рабочих открывалось бюро по оказанию юридической помощи. С его помощью работник мог защищать свои интересы в суде через своих уполномоченных в соответствии с законодательством.

Для приезжающих членов Общества и тех, кто не имел места жительства, открывались общежития. Устраивались чайные, столовые, ясли для малолетних детей и другие учреждения, способствовавшие улучшению материального быта членов Общества. Заботясь об умственном и нравственном развитии работников, Общество устраивало лекции, вечера и экскурсии, а также создавало библиотеки.

В Уставе устанавливалось, что членами Общества могли быть лишь «рабочие и работницы, занятые на предприятиях табачной промышленности и платящие установленный членский взнос» [13, с. 6]. Члены общества платили единовременный взнос в размере 30 к., а затем установленный собранием ежемесячный членский взнос. Предусматривались меры наказания за отказ платить членский взнос. Это грозило нарушителю исключением из состава Общества. При этом условии все взносы, внесенные им, «ни в коем случае» не возвращались [13, с. 7]. Прием в состав Общества осуществлялся на основе рекомендации двух его членов и при отсутствии мотивации отказа в приеме.

Все входившие имели равные права. Это выражалось в пункте II §8 Устава, в котором говорилось о том, что все «члены Общества могут быть избираемы на все должности» [13, с. 7–8], вне зависимости от времени пребывания в его составе.

Для поддержания жизнедеятельности данного Общества необходимы были немалые денежные средства. В Уставе оговаривались статьи доходов: внесение единовременного членского взноса и последующие ежемесячные платежи. Немаловажную роль в складывании общего капитала имели пожертвования и отказы по завещанию с указанием специального (определенного) назначения или порядка расходования. Организуемые вечера, концерты, лекции, спектакли имели широкую популярность среди работников табачного производства. Все вырученные средства также шли в

общую кассу и расходовались для решения социальных проблем работников табачного производства.

Согласно Уставу, делами Общества занималось общее собрание и правление. Общие собрания созывались правлением и разделялись на обыкновенные, в функции которых входило рассмотрение и утверждение сметы, отчета, выборов членов и других обыденных вопросов и чрезвычайные, собиравшиеся по усмотрению правления.

Таким образом, Устав «Общества Рабочих табачного производства» содержал в себе основные понятия экономических и социальных интересов, гарантии их исполнения. Работая на трудном табачном производстве, члены данного общества могли рассчитывать на защиту своих интересов в любой сфере жизни согласно закону. За определенный членский взнос рабочий получал медицинскую, юридическую и другую помощь. Помимо этого, все члены Общества были уравнены в правах, что давало равные возможности в управлении данной организацией. Изменение Устава, а также закрытие Общества предполагалось коллективным решением на общем собрании, что определяло демократический характер организации.

Существование подобных организаций в табачном производстве свидетельствовало о заинтересованности как трудящихся, так и предпринимателей, занятых в данной отрасли промышленности, в регулировании многообразных и сложных отношений, возникавших в повседневной трудовой деятельности, на принципах общественной солидарности, открытости, и при строгом соблюдении всех норм фабричного законодательства.

Список литературы

1. Веретенко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. – СПб., 2001. – С. 55–63.
2. Гальченко П.Г. Рабочий вопрос в России XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2003.
3. Погребинский А.П. Финансовая политика царизма в 70-х–80-х гг. XIX в. // Исторический архив. – 1960. – № 2. – С. 130–144.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание-3. – Т. II. – 1882. – Отд. 2. – № 931. – СПб., 1886.
5. ПСЗ. Собрание-3. – Т. IV. – 1884. – Отд. 2. – № 2286. – СПб., 1887.
6. ПСЗ. Собрание-3. – Т. X. – 1890. – Отд. 1. – № 6742. – СПб., 1893.
7. ПСЗ. Собрание-3. – Т. XXIII. – 1903. – Отд. 2. – № 23060. – СПб., 1905.
8. ПСЗ. Собрание-3. – Т. XXXII. – 1912. – Отд. 2. – № 37444–37447. – СПб., 1915.
9. Просьбин С.А. Торгово-промышленный сборник. – СПб., 1904.

10. Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. – СПб., 2014.
11. Степанов В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. – М., 1998.
12. Ташбекова И.Ю. Правовое регулирование деятельности фабричной инспекции в России в конце XIX – начале XX века. – Курск, 2007.
13. Устав «Общества рабочих табачного производства». – СПб., 1906.
14. Шавин В.А. Внутриполитические условия и юридические причины создания фабричной инспекции в России во второй половине XIX в. – Н. Новгород, 2008.
15. Шавин В.А. Организационно-правовые формы надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде во второй половине XIX в. – конце 80-х гг. XX в. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Мытищи, 2009.
16. Шелымагин И. И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX века). – М., 1947.
17. Яковенко К.А. Создание и особенности деятельности петербургской табачной фабрики «Лаферм» (вторая половина XIX – начало XX в.) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участ. / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 5. – СПб., 2014. – С. 127–131.

Промышленное развитие майората Строгановых в годы Первой мировой войны

В статье рассматривается последний этап хозяйственного функционирования майората графа С.А. Строганова в 1914–1917 гг. Дана характеристика основных направлений промышленного производства, новой организационной и экономической структуры горнозаводского имения на основе полной частной собственности.

The article deals with the final stage of economic functioning of Count S. A. Stroganov's entail in 1914–1917. The core industries are characterized, a new management and economic system of a metallurgical estate based on entirely private ownership is described.

Ключевые слова: Урал, С.А. Строганов, промышленность, Первая мировая война, горнозаводское имение, частная собственность.

Key words: Ural, S.A. Stroganov, industry, World War I, metallurgical estate, private ownership.

Пермское нераздельное имение графов Строгановых было одним из немногих частновладельческих горнозаводских хозяйств, оставшимися в единоличной собственности графа С.А. Строганова. К октябрю 1917 г. из 22 действовавших на Урале горнозаводских хозяйств 18 были акционированы и только четыре – майорат С.А. Строганова, Пермское имение С.С. Абамелек-Лазарева, Ревдинское и Пожевское – не приняли акционерную форму [2, с. 253].

Обладая крупными денежными капиталами, граф С.А. Строганов не стал рисковать ими для технической модернизации архаичных производств. Заккрытие заводов и солеварен с устаревшей техникой стало важным звеном перестройки хозяйства Пермского имения графа в высокодоходное предприятие. Реорганизация, начавшаяся накануне и в годы Первой мировой войны, позволила сконцентрировать производство на трёх видах товарной продукции: железе, соли и деловой древесине [8, с. 248–249].

По данным на 31 мая 1917 г. в составе Пермского нераздельного имения С.А. Строганова, после передачи в надел земли бывшим мастеровым, промысловым работникам и дворовым людям, отчуждений под железные дороги и другие объекты, осталось 1 448 366,1 дес., а с землями, находившимися в споре с другими владельцами и собственными, не выделенными документально – 1 444 889 дес.

А.М. Анфимов, известный исследователь крупных помещичьих хозяйств Европейской России в конце XIX – начале XX в., самым крупным назвал имение графа С.А. Строганова [1, с. 385].

Леса были главным богатством имения, их площадь составляла 1 365 211 дес. или 94,26 % всей его территории и оценивались в 40 448 800 руб. В 1915 г. только в Царицын было сплавлено по Каме и Волге 128 тыс. бревен на сумму 915 тыс. р. По планам на 1917 г. главное управление имением предполагало продажу не менее 206 тыс. куб. метров деловой древесины на 4 млн р. [4. Л. 4–4 об].

Второе место в хозяйстве имения занимало металлургическое производство. С 1908 по 1917 г. включительно Билимбаевский завод выплавил 5 867 227 пуд. чугуна, Уткинский завод – 6 576 154 пуд. Добрянский завод выработал из этого чугуна 9 498 383 пуд. железа. Общий объём железорудных месторождений в Строгановском имении оценивался в 184 820 тыс. пуд. Добыча железных руд занимала в имении третье место среди отраслей промышленности [5. Л. 1].

Реорганизация металлургического производства, начавшаяся накануне Первой мировой войны, получила новый импульс в связи с переходом Добрянского завода на выполнение военных заказов. В июне 1915 г. Урал посетила правительственная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Михайловского. Комиссия осмотрела Добрянский завод и нашла его пригодным для работы по выполнению военных заказов. Предприятие имело хорошо оборудованный механический цех с высококвалифицированными рабочими, выполнявшими, помимо ремонта машин и механизмов, различные заказы по изготовлению сложных машин и даже двигателей внутреннего сгорания. На заводе имелись 2 мартена, разнообразное прокатное и прессовое оборудование для получения стальных изделий различных сортов, чугунолитейное производство, строились и ремонтировались пароходы [3. Л. 9].

Следом за комиссией в Пермь приехал главноуправляющий Петроградской конторой графа Строганова генерал-майор С.А. Римский-Корсаков. Он собрал в Перми совещание управляющих округами имения «по делу организации в Добрянском заводе выделки артиллерийских снарядов и других стальных изделий для русской армии». На совещании было принято решение – три фабрики Добрянского завода – Георгиевскую (быв. Хусгавельскую), Никольскую и Троицкую – переоборудовать для производства 220 000 снарядов в год [3. Л. 10]. Новое направление производства было оформлено договором Петроградской конторы графа С.А. Строганова с Петроградским окружным артиллерийским управлением от 2 октября 1915 г. Для трёх военных цехов, которые стали называться «шрапнельными», уже в 1915 г. в механическом цехе

было изготовлено несколько станков по чертежам из Главного военно-промышленного комитета, а часть оборудования была выполнена собственной конструкции: станки и прессы для обжимки снарядных поясков, для обточки головок, пулемётная машина и др. На американские заводы, за счёт государственных субсидий, было заказано 400 всевозможных станков, прессов и двигателей для снарядного производства в Добрянке. Один пресс в 380 тонн и десятки моторов поступили на Добрянский завод уже в 1916 г. Однако значительная часть оборудования застряла в 1917 г. во Владивостоке и позднее была захвачена интервентами и вывезена за границу. Почти всё оборудование, установленное в Добрянском заводе в 1915–1917 гг., а также моторы, электроаппаратура в тысячах экземпляров с 1920 г. развозились в порядке централизованного снабжения по уральским заводам: в Лысьву, Чусовой, Надеждинск и другие места для восстановления промышленности [3. Л. 12–13].

В годы войны образовалась огромная потребность рынка в листовом железе различных сортов. Резко возросли рыночные цены. В 1916 г. один пуд котельного железа продавался по 5 руб. при себестоимости на Добрянском заводе 1,73 рубля за пуд, кровельное продавалось по 3,5 р. за пуд при себестоимости 2,83 р. Острая потребность в листовом железе привела к увеличению прибылей на Добрянском заводе в 1916 г. только за счёт этого вида продукции до 505 730 руб. [3. Л. 14].

Традиционная для Строгановского имения отрасль – солеварение по доходности, переместилась в годы Первой мировой войны на четвёртое место. К 1917 г. в Усолье действовало 5 соляных скважин и 7 белых варниц, в Ленве также 5 скважин и 8 белых варниц. Среднегодовое производство белой соли в 1908 – по 1917 г. составило 3394981 пуд. [4. Л. 5]. Пятое место по доходности в Пермском нераздельном имении занимало мельничное хозяйство, насчитывавшее в 1917 г. 56 мельниц и 160 мельничных станков. Сотни тысяч пудов крестьянского зерна проходило через жернова строгановских мельниц, оставляя в кассах окружных управлений десятки тысяч рублей [4. Л. 5 об].

В годы Первой мировой войны в имении возникла ещё одна, быстро развивавшаяся отрасль – добыча торфа. В трёх округах имения были открыты огромные запасы торфа объемом около 10 млн куб. саженьей. Продолжалась в имении, но в незначительных количествах, добыча золота, некоторых высокоценных руд и минералов [4. Л. 6].

Земли Пермского нераздельного имения в начале XX в. не представляли сплошного массива, а делилась на 10 самостоятельных в административно-хозяйственном отношении единиц – округов. В то же время Пермское нераздельное имение представляло

собой единый хозяйственный организм, хотя округа располагались на значительном расстоянии друг от друга и каждый округ имел своё административное и хозяйственное управление. Все округа имели между собой тесные связи и подчинялись общему хозяйственному плану, разрабатываемому и проводимому в жизнь Главной Петроградской конторой. В селе Ильинском находилось главное управление имением, осуществлявшее оперативное руководство и контроль, а также ведавшее общей отчётностью. Вековые хозяйственные связи округов в ходе модернизации имения не были разрушены, а получили стройную и целесообразную организацию [6. Л. 75].

Доходы, получаемые от продажи вырабатываемой в имении товарной продукции, большей частью поступали в Главную Петроградскую контору, которая на основании ежемесячных анализов финансового состояния имения и потребности округов в денежных средствах переводила им необходимые суммы через главное управление в селе Ильинском. Сравнительно небольшие суммы денежных средств, поступавшие в виде местных доходов, расходовались в округах на подотчётной основе. Таким образом, источником оборотных средств каждого округа в отдельности являлась совокупность результатов взаимной деятельности всех округов. Между собой округа были связаны взаимными поставками своей продукции на основе отраслевой специализации [6. Л. 76].

В течение 1917 г. на содержание округов Главной конторой было переведено на текущий счёт главного управления 5 млн 150 тыс. руб. Из этой суммы на долю Добрянского завода и округа поступило 3 087 000 р. для модернизации металлургического производства. Таким образом, Добрянский завод использовал для технической реконструкции часть прибыли других округов, в первую очередь лесопромышленных от реализации товарной древесины на рынке. На вторую часть хозяйственного года, с ноября 1917 по апрель 1918 г. Петроградская контора перевела в октябре 1917 г. на счёт Ильинского главного управления 6,5 млн р. из 6 млн 677,4 тыс. р., запланированных к перечислению. Из этих средств значительная часть должна была инвестироваться в Добрянский завод [7. Л. 1].

Стоимость имевшегося на Добрянском заводе сырья, топлива и готовой продукции оценивалась на конец 1917 г. в 10 млн р. Этот запас сложился также за счёт продукции других округов: Билимбаевский и Уткинский снабжали Добрянский чугуном не по рыночной цене, а по себестоимости, более чем в два раза ниже рыночной цены; лесные округа: Иньвенский, Кувинский и Весляно-Пологский обеспечивали древесным углём и дровами Добрянский завод также по себестоимости. Получая от других округов топливо и материалы, Добрянский завод не платил за них деньгами, как и другие подраз-

деления имения, а рассчитывался взаимозачётом. Такая форма расчётов внутри имения сэкономила оборотные средства, что и позволило их значительную часть инвестировать в развитие производства [6. Л. 76].

Модель управления Пермским нераздельным имением графа С.А. Строганова, сложившаяся в годы Первой мировой войны, представляла собой рациональную и весьма эффективную систему организации производства многоотраслевого комбината. В этот период горнозаводская промышленность Пермского нераздельного имения подверглась значительным изменениям. Проведение технической и организационной модернизации, закрытие нерентабельных предприятий привело к концентрации выплавки чугуна и производства товарной продукции – листового и кровельного железа – на Билимбаевском, Уткинском и Добрянском заводах на раннеиндустриальной основе [8, с. 302].

В годы Первой мировой войны модернизационные процессы в металлургической отрасли имения ускорились благодаря получению Добрянским заводом крупного военного заказа на производство снарядов. В 1915–1917 гг. Добрянский завод за счёт собственных средств С.А. Строганова и государственных субсидий сформировал достаточно мощное машиностроительное производство на базе новейшей отечественной и импортной техники. Однако в последующие годы процесс коренной реконструкции Добрянского завода не был реализован в связи с изменившейся государственной промышленной политикой.

Список литературы

1. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. – М., 1969.
2. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). – М., 1982.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 551. Оп. 1. Д. 10.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Оп. 2. Ч. 1. Д. 964.
5. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. I. Д. 1251.
6. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. IV. Д. 7083.
7. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 428.
8. Шустов С.Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX–XX вв. – Пермь, 2008.

Е.В. Прохорова

Санитарно-пищевой надзор в послереволюционном Петрограде (1918–1921 гг.)

Статья посвящена санитарно-пищевому надзору в послереволюционном Петрограде. Показана деятельность санитарно-пищевых врачей, которым приходилось бороться с последствиями тайной торговли, выявлять пищевые и питьевые фальсификаты, предотвращая тем самым развитие желудочно-кишечных инфекций в городе.

The article is dedicated to the food control in post-revolutionary Petrograd. It is reported that the food-sanitary doctors had to struggle against consequences of a secret traffic and detect the falsification of foodstuffs staving off gastrointestinal infections in the city effectively.

Ключевые слова: Санитарно-пищевой контроль, послереволюционный Петроград, желудочно-кишечные заболевания, торговля.

Key words: Food control, post-revolutionary Petrograd, gastrointestinal diseases, commerce.

Продовольственная безопасность – одно из приоритетных направлений во внутренней политике Российской Федерации. Важнейшей ее составляющей является обеспечение доступа всего населения к пище в достаточном количестве и в таком качестве, которое гарантирует отсутствие негативных последствий для здоровья граждан страны.

Контроль за защищённостью в сфере оборота продовольствия в наши дни осуществляется созданной 12 марта 2004 г. Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). Сотрудники Роспотребнадзора регулярно проводят проверки предприятий и учреждений, где производится изготовление, хранение и продажа продуктов. В Санкт-Петербурге в период с 1 марта по 31 мая 2015 г. ими было проведено 618 контрольно-надзорных мероприятий на пищевых предприятиях [13, с. 481].

Служба санитарно-пищевого надзора прошла в своем историческом развитии непростой путь. Тем не менее, на сегодняшний день в историографии не имеется исследований, освещающих проблемы становления и развития этого института, за исключением обзорной статьи Е.В. Шерстневой [21]. Детальное изучение деятельности санитарных врачей по обеспечению продовольствен-

ной безопасности в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде вообще никем не проводилось, в связи с чем освещение исторического опыта по регулированию этой сферы в одном из крупнейших российских городов представляет научный интерес.

Впервые предложения о создании постоянно действующей службы надзора в сфере оборота пищевых продуктов прозвучали в России еще в 1860-х гг. Однако специальные торгово-санитарные врачи, средства на содержание которых отпускались из городской казны, появились в нашей стране лишь в начале 1890-х гг. В 1900 г. Санкт-Петербургская городская санитарная комиссия впервые учредила институт торгово-санитарных докторов в количестве 12 чел., в дополнение к общему санитарному надзору. На соответствующие должности подбирались лица из представителей различных медицинских специальностей (акушеров, хирургов, окулистов и др.), прошедшие в течение 4–6 месяцев обучение на базе Гигиенической лаборатории. Представляется все же, что столь немногочисленные штаты не позволяли осуществлять качественный и регулярный санитарный контроль за производством и торговлей пищевыми продуктами в столице Российской Империи, где по состоянию на 1900 г. проживало 1 418 000 чел. [16, с. 2]. К 1917 г. ситуация изменилась не кардинально: надзор за порядком на продовольственном рынке Петрограда призваны были обеспечивать двадцать санитарно-пищевых врачей.

Фактически накануне революции в России были созданы лишь основы единой системы здравоохранения. Доктор З.П. Соловьев не слишком грешил против истины, когда утверждал, что страна получила «в наследство от самодержавия равнодушно-лицемерную медицинскую бюрократию, бессильную земскую и городскую медицину, слабые ростки медицины рабочей и ясное сознание того, что страна шаг за шагом неуклонно идет к вырождению» [15, с. 147].

Для разрешения проблем здравоохранения после Октябрьской революции при местных Советах создавались медико-санитарные отделы. 24 марта 1918 г. был учрежден Комиссариат здравоохранения Петроградской трудовой коммуны, переименованный в мае того же года в Комиссариат здравоохранения Союза коммун Северной области, который с 18 июля 1919 г. получил название Отдел здравоохранения исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [14, с. 26].

Постепенно структура санитарных органов на местах в целом стала соответствовать структуре Наркомата здравоохранения РСФСР, в состав санитарно-эпидемиологического отдела которого входила отдельная санитарно-пищевая секция. Помимо изучения вопросов, связанных с физиологией питания, на сотрудников возлагались выработка норм оценки доброкачественности пищевых про-

дуктов и их суррогатов, контроль за лабораторными исследованиями, а также санитарный надзор в местах производства, заготовки, торговли и распределения пищевых веществ [20. Д. 350. Л. 12].

Еще задолго до окончания Первой мировой войны жители Петрограда начали ощущать нехватку важнейших продуктов и товаров. Столичные власти не обладали исчерпывающей информацией о наличии продовольствия и не могли контролировать процессы товарообмена [11, с. 143]. С приходом большевиков снабжение горожан товарами повседневного спроса и продуктами оказалось задачей вовсе трудновыполнимой вследствие экономического коллапса, нарушения хозяйственных связей, социальной аномии. В Петрограде действовали одновременно несколько организаций с различным подчинением, претендовавших на полномочия по распределению продовольственных ресурсов, в том числе Комиссариат продовольствия Петроградской трудовой коммуны, Районные управления по продуктообмену, Петроградское отделение Народного комиссариата торговли и промышленности и др. Только с изданием декрета от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» стал создаваться единый распределительный аппарат. В городах и в сельской местности потребительские кооперативы были реорганизованы в единые потребительские общества с обязательным членством населения, работавшие под руководством Народного комиссариата продовольствия [1, с. 20].

На созванном в апреле 1919 г. в Москве совещании сотрудников Наркомздрава было признано, что главная задача в условиях нехватки продовольствия – это борьба с порчей продуктов и поиск методов их исправления, а также выявление суррогатов, которые можно было бы употреблять в пищу [17, с. 78–79].

В этих условиях санитарно-пищевые врачи сосредоточили свои усилия на проверке складов и общедоступных столовых, организованных властями в попытке спасти население от голода летом 1919 г. Количество таких точек коллективного питания превышало 700, однако в них ощущалась нехватка мест, качество продуктов было невысоким. Из сообщений санитарно-продовольственных врачей следовало, что «столовые страдают, главным образом, от переизбытка загруженности обедающих и необорудованности помещения, что при массовом питании очень резко отзывается на качестве пищи. В последнее время вследствие получения загрязненного картофеля блюда в столовых крайне однообразны и безвкусны» [20. Д. 351. Л. 81]. Многие из занимаемых столовыми помещений находились в таком ужасающем антисанитарном состоянии, что в Петрогубкоммуне и в исполкоме Петросовета обсуждался вопрос о сокращении и серьезной реорганизации системы общепита.

С претворением в жизнь мер в рамках новой экономической политики система коммунального питания стала стремительно разрушаться сама собой. Еще в феврале 1921 г. горожане жаловались: «Хлеб сбавили, получаем по $\frac{1}{2}$ ф., будто бы к Петрограду хлеб не подвезли, а в столовых еще хуже, чем раньше, [кормят] грязной невской водой, которая бежит из люков» [2, с. 167]. А уже к июню 1921 г. количество общественных столовых с их скудным ассортиментом сократилось в сравнении с осенью 1920 г. в шесть раз [9, с. 70].

Ввиду массового закрытия частных магазинов и реквизиции содержавшихся в них запасов для распределения среди населения Петрограда, санитарно-продовольственные врачи обращали особое внимание на состав продуктов, хранящихся на складах райбюро. Они ежедневно посещали склады и продовольственные базы, при этом нередко в партиях продуктов выявляя просроченные и испорченные. Так, например, из ста вагонов сельдей, поступивших в Петроград 12 июля 1920 г., содержимое только половины из них могло быть употреблено в пищу [20. Д. 351. Л. 71]. По действовавшим правилам, без осмотра и положительного заключения врачей никакие продукты на рынок выпущены быть не могли [20. Д. 351. Л. 76].

Продукты, доброкачественность которых вызывала у врачей сомнение, отправлялись ими на исследование в Первую центральную лабораторию Губздравотдела. Только за 1920 г. ее сотрудники произвели 1163 анализа. Из исследованных образцов некачественными оказались 590 (50,73 %), еще 108 (9,29 %) – фальсифицированными [20. Д. 776. Л. 3].

Но в целом можно сказать, что требования к качеству продуктов заметно снизились за годы войны. Так, по свидетельству современников, Экстрольный завод Центральной продовольственной управы Петрограда служил «местом спасения всех мясных отбросов». Все, что нельзя было выдать потребителям в лавках в виде мяса, перерабатывалось здесь в колбасу, вызывавшую нередко тяжелые отравления [17, с. 78–79]. Но сотрудники надзорных ведомств были вынуждены выпускать на рынок «условно годные» к употреблению в пищу продукты, требуя их тщательной предварительной обработки. Ввиду острого дефицита сахара после революции был разрешен к продаже сахарин, запрещенный в России к свободному обороту до 1917 г., поскольку являлся, по мнению ряда гигиенистов, причиной многих тяжелых заболеваний. Но по требованию санврачей на этикетках пищевой продукции, изготовленной с добавлением сахарина, должны были помещаться предупредительные надписи.

В 1919 г. питание жителей Петрограда не только было ниже физиологической потребности, оно резко изменилось качественно в сравнении с довоенным уровнем: в рационе горожан в четыре раза

увеличилось потребление картофеля, а хлеба и мяса с рыбой – сократилось примерно наполовину [18, с. 13]. Такое положение дел не могло не сказаться на здоровье населения. Врачи все чаще стали говорить о «голодном истощении», которое со второй половины 1919 г. стало принимать черты массового явления. Число умерших за вторую половину 1919 г. составило 2 237 чел., за первые четыре месяца 1920 г. – 2 144 [10, с. 37]. Ослабление организма вследствие недоедания уменьшало сопротивляемость инфекционным заболеваниям, способствовало повышению смертности, в том числе от дизентерии, достигшей во второй половине лета 1920 г. масштабов эпидемии. Ухудшало ситуацию неудовлетворительное санитарное состояние Петрограда, которое и до революции являлось одним из самых «запущенных участков городского хозяйства» [12, с. 902].

В этой связи меры властей по ограничению рыночного торгога (несмотря на сугубо революционную риторику) имели не только идеологическую и политическую подоплеку, но и преследовали цель предотвращения распространения инфекций в условиях скученности людей на небольших пространствах городских площадей и подворотен.

Необходимо отметить еще один немаловажный аспект проблемы. На рынках нередко сбывались негодные в пищу припасы: «все третьесортное, последнего разбора». В газетах писали, что в некоторых частях города исчезли дворовые кошки, зато торговцы предлагали к продаже котлеты, которые при звуках «кись-кись-кись» начинали двигаться, а «при виде мыши» стремглав выскакивали из рук покупателя [5, с. 2]. Чтобы выжить, люди были готовы покупать любые продукты, не задумываясь, какого они качества, и к каким последствиям может привести их употребление. Горожан не пугали ни фальсификаты, ни суррогаты. Петроград, по словам врачей-гигиенистов, в 1918–1919 гг. перепробовал и съел все, что у него было. Тысячи людей приходили на рынки и базары. К середине 1918 г. из-за закрытия ларьков и магазинов весь торг сосредоточился именно здесь [3, с. 107].

В мае 1919 г. в Петрограде в качестве временной меры, связанной с введением осадного положения, была запрещена торговля на улицах. Однако в июле 1919 г. совещание представителей экономических отделов районных Советов, Петрокомпрода и других учреждений высказалось за окончательное закрытие уличной торговли, с разрешением ее только на рынках. 29 декабря 1919 г. объединенное заседание Президиума исполкома Петросовета, представителей завкомов, профсоюзов и других организаций признало, что само существование рынков отрицательно влияет на государственную политику снабжения и распределения. В середине 1920 г., в Петрограде частная торговля была запрещена полностью [11, с. 97]. Но в

условиях продовольственного дефицита «вольный» рынок не прекратил свое существование, а лишь переместился в переулки и подворотни.

Несмотря на то, что за годы гражданской войны в России сложилась весьма разветвленная сеть ревизионных органов различных уровней, широкое распространение получили злоупотребления властью и хищения [11, с. 176], которые происходили порой среди белого дня. Воровали возами и мешками: так, 29 ноября 1918 г. со склада Компрода Московского района было украдено 8,5 мешков сахара и 13 мешков риса. Продовольственные припасы были похищены днем во время обеденного перерыва, воры проникли на склад со взломом замка с черного хода, а товар вынесли через наружный выход на улицу [19. Д. 37. Л. 76]. Все эти продукты чаще всего оказывались на «вольном» рынке: «изгнанные из лавок и ларьков спекулянты перенесли свою работу на задворки, на перекрестки и в квартиры» [6].

По словам сотрудников санитарно-эпидемиологического подотдела, при таком «летучем» состоянии тайной торговли, надзор за пищевыми предприятиями Петрограда в 1918–1921 гг. фактически не мог быть осуществлен. Однако неверно говорить о том, что санитарно-пищевые врачи бездействовали, многочисленные сохранившиеся протоколы их совещаний свидетельствуют об обратном.

Частная торговля была разрешена в 1921 г., но в строго установленных местах, с соблюдением правил и только в определенное исполкомом время: с 8 до 20 часов [7]. Уличная торговля продуктами вразнос и на квартирах строжайше запрещалась. Но невозможно было проконтролировать продавцов-частников, которые продолжали заполнять дворы и улицы Петрограда: «в районе Николаевского вокзала, по Лиговской улице, пр. 25-го Октября и площади Восстания все тротуары усеяны торгашами. Продают квас, подкрашенный фуксином, съестные продукты открыты...» [8].

Представляется, что недостаточность штатов санитарно-пищевых врачей не позволяла обеспечить всеобъемлющий и постоянный надзор за всеми возможными местами продажи продуктов и напитков. Кроме того, деятельность докторов нередко протекала в условиях противодействия со стороны торговцев и предпринимателей. У каждого санитарно-продовольственного врача при себе имелось удостоверение, в котором всем учреждениям и лицам предписывалось оказывать содействие ему в надзорной деятельности, не чинить препятствий при исполнении им своих обязанностей. Но владельцы частных лавочек, магазинов и особенно хлебопекарен зачастую не пускали врачей на территорию заведения или препятствовали им во взятии образцов «подозрительной» продукции для лабораторной экспертизы [20. Д. 352. Л. 42].

Еще одна причина, по которой торгово-санитарный надзор в послереволюционном Петрограде не был эффективным, это организационные недостатки в его деятельности. За 1920 г. врачи провели 35 981 рейд по пищевым предприятиям города. Но эти данные, очевидно, являются далеко не полными. Несмотря на требование обязательного предоставления ежемесячных ведомостей о проделанной работе, пунктуальности от врачей так и не удалось добиться. Нигде не фиксировалось в подробностях число осмотров, которые производил тот или иной врач, и их результаты, поэтому отсутствовала возможность обобщать и анализировать результаты проверок для разработки действенной программы противодействия торговле некачественными продуктами и фальсификатами. Очевидно, в чрезвычайно сложных условиях разрушения городской инфраструктуры, нехватки продуктов, острых социальных противоречий врачам элементарно не хватало времени на «бумажную» работу. И, конечно, они вынуждены были закрывать глаза на ряд нарушений санитарного режима просто потому, что это являлось единственным выходом в условиях продовольственного коллапса.

Прекращение военных действий и вступление на путь мирного строительства дали возможность приступить к планомерной организации санитарного дела. Санитарно-эпидемиологический отдел Наркомздрава в феврале 1921 г. распространил анкету, адресованную всем губернским, городским отделам здравоохранения и комиссариатам здравоохранения республик, в которой предлагалось осветить следующие вопросы: как осуществлялся надзор за оборотом продовольствия, существовал ли институт торгово-санитарных врачей и лаборатория, где проводились анализы пищевых продуктов.

Согласно предоставленным из Петрограда сведениям, в 1920 г. в распоряжении санитарного отделения города имелся штат, состоявший из 10 старших и 23 младших врачей. Все они в своей деятельности руководствовались обязательным постановлением о торгово-санитарном надзоре от 11 декабря 1918 г., в котором четко прописывались их обязанности: осмотры и контроль за всеми заведениями и учреждениями, связанными с приготовлением, хранением или продажей продуктов; наблюдение за здоровьем тех лиц, кто производил пищевые продукты или торговал ими; ведение учета посещений; постоянный контакт с городской лабораторией. От врачей требовалось знание местной специфики, возможности определить дислокацию временных торговых точек, поэтому все они, как правило, проживали в том районе, где непосредственно и работали.

Осенью 1921 г. на заседании санитарно-продовольственных врачей Петрограда был заслушан и принят новый проект положения

о санитарно-пищевой секции Петрогубздравотдела, во главе которой стоял избранный коллегией старший врач, который и ведал всем делом надзора в сфере оборота продовольствия. В его подчинении находились бюро, штат врачей и городская лаборатория [20. Д. 351. Л. 81].

После окончания гражданской войны, с ее чрезвычайными мерами регулирования рынка, и изданием в 1922 г. декрета СНК «О санитарных органах Республики» деятельность санитарно-пищевого надзора стала более планомерной [4, с. 511].

К сожалению, современные исследователи не располагают исчерпывающей статистикой о качестве продуктов, обращавшихся на рынке в годы гражданской войны. Однако есть основания утверждать, что деятельность торгово-санитарного надзора способствовала сдерживанию уровня желудочно-кишечных заболеваний, сокращению числа вспышек пищевых отравлений, содействовала нормализации ситуации на продовольственном рынке Петрограда.

Список литературы

1. Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 1920-е – начало 1930-х годов. – М., 1978.
2. «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: документы и материалы / сост. М.В. Ходяков. – СПб., 2000.
3. Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский. «Новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). – СПб., 2010.
4. История медицины в СССР. – М., 1964.
5. Исчезновение кошек // Политический балаган. – 1918. – Март.
6. Красная газета. – 1920. – 15 нояб.
7. Красная газета. – 1921. – 23 апр.
8. Красная газета. – 1921. – 15 мая.
9. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картина повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. – СПб., 2003.
10. Материалы по статистике Петрограда. Вып. 1. – Пг., 1920.
11. На переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. – СПб., 2000.
12. Очерки истории Ленинграда. Т. 3. – М., 1964.
13. Петровский К.С., Ванханен В.Д. Гигиена питания. – М., 1982.
14. Сингал Б.С. Здравоохранение и медицина в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. – Л., 1957.
15. Соловьев З.П. Вопросы здравоохранения. – М., 1940.
16. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. – Пг., 1922.

17. Твердюкова Е.Д. «Колбаса – дело доверия»: фальсификация пищевых продуктов в России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Новейшая история России. – 2015. – № 1. – С. 71–82.

18. Труды Центрального статистического управления. Т. XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения в 1919–1924 гг. – М., 1926.

19. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1546. Оп. 2.

20. ЦГА СПб. Ф. 4301. Оп. 1.

21. Шерстнева Е.В. Организация санитарно-пищевого надзора в российских городах в конце XIX – начале XX веков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2008. – № 1. – С. 60–63.

Структура и руководство Института красной профессуры в 1920-е годы

В статье рассматривается структура Института красной профессуры, занимавшегося подготовкой преподавателей по общественным наукам в 1920-е гг. В частности, показано, какие отделения существовали в ИКП, как было организовано руководство институтом. Так же отмечается характерная для 1920-х гг. большая роль студенческих организаций в решении вопросов, связанных с деятельностью ИКП.

The article describes the structure of the Institute of Red Professors specialized in the education of the social sciences in the 1920s. In particular, it is showed which departments were in the ICP, how the management of the Institute was organized. Also the great part of students' organizations in solutions of questions of the ICP activities is marked.

Ключевые слова: Институт красной профессуры, высшее образование в 1920-е гг., историческое образование, экономическое образование, философское образование, студенческие организации.

Key words: Institute of Red Professors, higher education in the 1920s, historical education, economic education, philosophical education, students' organizations.

После прихода к власти перед большевиками стояла задача преобразования научных и учебных заведений в духе требований пролетарского государства. Главная проблема при осуществлении этой реорганизации состояла в обеспечении учебных заведений преподавателями-марксистами, прежде всего по общественным наукам. Для ее разрешения в Москве в 1921 г. был открыт Институт красной профессуры (ИКП) [3].

До 1928 г. институт состоял в ведении Государственного ученого совета (ГУС) Наркомата просвещения, затем перешел в подчинение ЦИК СССР [6, с. 414]. Председателем ГУСа Наркомпроса в 1920-е гг. был М.Н. Покровский. Кроме того, деятельность Института красной профессуры (как и других научных и учебных учреждений) находилась под контролем Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б) – ВКП(б). В Агитпроп ЦК партии руководство ИКП присылало протоколы заседаний Правления, мандатной комиссии, про-

граммы отделений, отчеты о работе [12. Оп. 60. Д. 65. Л. 12; Д. 502. Л. 65; Ф. 147. Оп. 1. Д. 35. Л. 8]. На заседаниях Секретариата и Оргбюро ЦК партии рассматривались и утверждались учебные планы, правила приема, состав преподавателей и слушателей, вопросы о распределении выпускников и многие другие (вплоть до урегулирования проблемы о возможности пользования икапистами библиотекой Института К. Маркса и Ф. Энгельса).

Во главе института стоял ректор, при котором действовало Правление. В 1920-е гг. ректором ИКП был известный историк-большевик с дореволюционным стажем Михаил Николаевич Покровский. В разные годы состав правления менялся. В конце 1920-х гг., помимо ректора, в него входили: проректор по учебной части, проректор по административно-хозяйственной части, секретарь института, один представитель от преподавателей, два представителя от слушателей, а также заведующие отделениями ИКП [2. Оп. 1. Д. 135. Л. 15–16].

Для приема в институт была создана мандатная комиссия, состоящая из трех человек: по одному представителю от ЦК партии (часто это были заведующие агитационно-пропагандистским отделом) [5, с. 77; 12. Оп. 113. Д. 296. Л. 10], Правления и слушателей ИКП. Так, в 1924–1925 гг. председателем мандатной комиссии был С.И. Сырцов, в 1926 г. – В.Г. Кнорин, в 1927 г. – А.И. Криницкий [12. Оп. 113. Д. 296. Л. 10]. О каждом кандидате комиссия выносила постановление. При положительном решении мандатной комиссии заявления поступали в правление. Оно рассматривало их и допускало (или нет) соискателей к представлению самостоятельной письменной работы по избранной специальности. Те, чьи работы признавались удовлетворительными, допускались к устному коллоквиуму по теоретической экономике, философии, русской и всеобщей истории [2. Оп. 1. Д. 2. Л. 76; Д. 98. Л. 12; Д. 100. Л. 6].

Помимо правления различные вопросы деятельности института решались на собраниях слушателей отделений, семинаров, а также собраниях (как общих, так и по отделениям) слушателей-коммунистов [14. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 8; Д. 4. Л. 4–10; Д. 9. Л. 6]. На последних обсуждались и вопросы политического характера, обстановка в стране и в партии.

Кроме этого, в ИКП существовало бюро коммунистов, которое выбиралось на собрании слушателей-коммунистов в количестве трех человек и двух кандидатов на полгода. Как отмечалось, через бюро ячейки коммунистов Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) руководил партийной и педагогической работой икапистов. Бюро коммунистов должно было отчитываться перед общим собранием слушателей – коммунистов ИКП [5, с. 77].

Слушательские организации решали важные вопросы деятельности института. Икаписты участвовали в деятельности различных институтских комиссий (академической, ревизионной, шефской, санитарно-курортной, партийном суде), обсуждали учебные планы, вопросы о переводе слушателей с одного курса на другой, оценивали работу руководителя семинара и могли требовать его замены [2. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 22; Д. 193. Л. 1, 13, 15; Д. 338. Л. 1, 75, 80; Д. 530. Л. 104–105].

Собрания слушателей-коммунистов, а также бюро коммунистов ИКП, помимо партийной и педагогической работы, рассматривали и учебные вопросы. Так, проректор по учебной части К.А. Попов отмечал в марте 1928 г.: «В организации участия слушателей и работе учебной части следует: 1) добиться правильных взаимоотношений между слушательскими организациями, с одной стороны, и учебной частью и Правлением Института с другой, на основе общего положения, что слушательские организации, до бюро ячейки включительно, не замещают ни учебной части, ни Правления, и что решающими органами являются именно учебная часть и Правление;... 3) добиться окончательного оформления слушательских организаций учебного характера...» [2. Оп. 1. Д. 438. Л. 16]. К.А. Попов указывал также, что со стороны руководства института нет должного контроля над педагогической практикой слушателей, а распределение на практику осуществляется не учебной частью, а Бюро ячейки коммунистов. При этом не отрицалась необходимость контроля со стороны коммунистической ячейки слушателей над различными сторонами деятельности ИКП, в том числе учебной дисциплиной преподавателей и слушателей [2. Оп. 1. Д. 438. Л. 18–19; 5, с. 80–81].

Проводимая в стране в 1920-е гг. политика пролетаризации студенчества, не могла не отразиться и на Институте красной профессуры. По решению XIII съезда РКП(б) в 1924 г. в ИКП было организовано двухгодичное подготовительное отделение, которое должно было подготовить рабочих к поступлению в институт. Оно стало основным источником комплектования ИКП [2. Оп. 1. Д. 98. Л. 46; 9, с. 282; 11].

До 1924 г. в Институте красной профессуры существовало три основных отделения – экономическое, историческое и философское. Каждое имело свою программу, рассчитанную на три года обучения. Историческое отделение изначально было разделено на секции русской и западной истории. В начале 1920-х гг. (до 1924–1925 гг.) существовала ещё и специализация по истории социализма [2. Оп. 1. Д. 2. Л. 54; Д. 53. Л. 27; Д. 56. Л. 16; Д. 98. Л. 115–116; Д. 100. Л. 4]. Философское отделение было разделено на секции истории мировоззрения (в некоторых программах она называлась

просто секцией мировоззрения) и социологическую секцию [2. Оп. 1. Д. 98. Л. 115–117; Д. 100. Л. 9].

В ходе обучения в ИКП слушатели должны были вести не только академическую и научную работу – готовить доклады, писать статьи [об этом см.: 8, с. 80], но и заниматься партийно-педагогической работой. Это тоже являлось частью процесса обучения в институте. Партийная работа включала в себя преподавание в районных партшколах, руководство марксистскими кружками на предприятиях, агитационные выступления и т. д. [6, с. 419].

Большая загруженность практической деятельностью приводила к невыполнению академических требований, к нехватке времени на самостоятельную работу. Слушатели имели большую задолженность (не выполняли необходимого количества докладов), плохо знали иностранные языки, не успевали написать и защитить диссертации. В связи с этим срок обучения в ИКП с 1924 года был продлен до четырех лет. Последний год предназначался для написания диссертации. Правда, выпускница института, историк Э.Б. Генкина вспоминала, что, когда она училась – а она закончила четырехлетний курс обучения – диссертации никто не писал [1, с. 262]. В 1928–1930 гг. одновременно с выпуском слушателей, прошедших четырехлетний курс обучения, проводились и выпуски «красных профессоров», окончивших трехлетний курс [2. Оп. 1. Д. 138. Л. 17–26; Д. 336. Л. 46–47].

По мере развития ИКП появлялись все новые отделения. В 1924 г. были открыты правовое и естественное отделения [2. Оп. 1. Д. 137. Л. 43–46; 4, с. 134]. На естественное отделение принимались лица, уже имевшие естественно-научное образование (физика, химия, биология). В ходе обучения в институте они должны были получить «солидную марксистскую школу применительно к данной специальности» [2. Оп. 1. Д. 135. Л. 11].

В 1927 г. были открыты литературное [2. Оп. 1. Д. 137. Л. 47–60; Д. 338. Л. 68; Д. 260. Л. 170; 1, с. 259] и историко-партийное отделения. Вопрос о времени открытия литературного отделения является спорным. В некоторых архивных документах, в том числе в списках приема, составленных в конце 1920-х гг., а также в работе советского историка Л.В. Ивановой отмечается, что литературное отделение было открыто в 1924 г. [2. Оп. 1. Д. 137. Л. 39–41; 4, с. 134]. Анализ источников позволяет нам отнести открытие литературного отделения к 1927 г., по крайней мере, в предшествующие годы планов работы отделения нет (в отличие от планов других отделений, рассматриваемых на заседаниях Правления и учебной части одновременно) [2. Оп. 1. Д. 99. Л. 108; Д. 260. Л. 34–43]. Первый выпуск литературного отделения состоялся в 1929 г. Тогда его закончили два человека – И.М. Беспалов (он поступил в ИКП в 1925 г.) и

П.С. Шукин (поступил в 1923 г.) [2. Оп. 1. Д. 137. Л. 39–50], которые, вероятно, перешли на литературное с других отделений.

В 1928 г. в составе исторического была открыта восточная секция. Л.В. Иванова отмечает, что в 1928/29 уч.г. восточная секция превратилась в отделение, но программы свидетельствуют о том, что и в 1929/30 уч. г. она оставалась секцией [2. Оп. 1. Д. 439. Л. 24; Д. 99. Л. 126–130; 4, с. 134].

Появление новых отделений было связано с необходимостью «...обеспечить высшей школе *марксистскую профессию*, прежде всего, по обществоведению и философии, но затем и по всем дисциплинам, вырабатывающим мировоззрение...» [2. Оп. 1. Д. 100. Л. 6]. Отделения возглавляли специалисты-марксисты, преподававшие в Институте. Так, в 1928 г. историческое отделение возглавлял М.Н. Покровский (его заместителем был выпускник ИКП И.И. Минц), экономическое – Ш.М. Дволайцкий, философское – А.М. Деборин, естественное – А.А. Максимов, правовое – Е.Б. Пашуканис, историко-партийное – В.Н. Астров, затем В.В. Адоратский, литературное – В.М. Фриче. Подготовительное отделение возглавлял Н.С. Березин [2. Оп. 1. Д. 438. Л. 43–44].

Основные отделения ИКП не были равнозначными по количеству слушателей. Самым крупным было экономическое отделение. Самыми малочисленными – правовое, естественное и литературное. В документах приема слушателей в ИКП 1928 г. отмечалось: «Правовое отделение отличается от ряда других отделений ИКП тем, что на нем количественный состав слушателей распределяется по курсам так, что более или менее компактная группа слушателей имеется лишь на первом курсе (8 чел...), на старших же курсах имеются лишь одиночки, причем второго курса вовсе нет» [2. Оп. 1. Д. 135. Л. 35]. В том же году в докладе учебной части «самым неорганизованным» в институте называлось литературное отделение [2. Оп. 1. Д. 439. Л. 17].

В 1929 г. Институтом красной профессуры было выпущено с четвертого курса: 13 экономистов, 12 историков, 6 философов, 1 правоведа, 2 литератора, 6 естественников. Плюс 1 историк и один экономист из состава третьего курса [2. Оп. 1. Д. 438. Л. 91]. В 1929 г. больше всего человек (по 15–20) было принято на экономическое и историко-партийное отделения. На остальные отделения было принято по 3–10 чел. [2. Оп. 1. Д. 137. Л. 62–65].

В декабре 1926 г. при Институте красной профессуры (под общим руководством МК ВКП(б)), с целью «... дать марксистско-ленинскую подготовку активному партийцу-рабочему, находящемуся на практической работе», был создан Воскресный коммунистический университет. Его программа строилась с таким расчётом, что $\frac{3}{4}$ всех учебных часов отводилось на общественные дисциплины и $\frac{1}{4}$ –

на общеобразовательные. Преподавателями Воскресного университета в основном являлись слушатели института [2. Оп. 1. Д. 260. Л. 77; 13].

В 1928 г. в ИКП под руководством его учебной части было организовано научно-консультативное бюро (НКБ) под руководством К.А. Попова. Оно должно было оказывать помощь коммунистам и комсомольцам [2. Оп. 1. Д. 336. Л. 14–15; 10; 15]. В его задачу входило: «1) консультация партийного и комсомольского актива по научной разработке актуальных теоретико-политических вопросов; 2) консультирование научно-исследовательских работ, проводимых местными партийными организациями и отдельными членами ВКП(б); 3) консультация коммунистов-преподавателей основных совпартшкол, комвузов и вузов по разработке курса той или иной общественной дисциплины или отдельных проблем; 4) консультация по подготовке партийцев к поступлению в ИКП... как на основное, так и на подготовительное отделение» [10]. С декабря 1929 г. и в течение 1930 г. издавался журнал «Бюллетень заочно-консультативного отделения ИКП». В нём печатались планы, программы отделений, списки литературы, правила приёма.

Таким образом, к концу 1920-х гг. в институте существовало подготовительное и семь основных отделений. Экономическое отделение состояло из двух секций – экономической и аграрной; философское – из секций философии и исторического материализма; историческое – из секций истории народов СССР, истории Запада и истории Востока. Историко-партийное, правовое, литературное и естественное отделения были едины [5, с. 84–89]. В 1930-е гг. на базе отделений ИКП были образованы самостоятельные Институты красной профессуры – исторический, историко-партийный, экономический, философии и естествознания, аграрный, мирового хозяйства и мировой политики; советского строительства и права; литературный; подготовки кадров и др.

За пять учебных лет (1924–1928 гг.) институтом было выпущено 194 слушателя, из которых 174 чел. окончили трехгодичный курс, а 20 – четырехгодичный. По специальности они распределялись так: 88 экономистов, 42 философа, 32 историка России, 18 «западных», 9 естественников, 5 правоведов [2. Оп. 1. Д. 135. Л. 8–12; 5, с. 86]. Среди выпускников ИКП были экономисты С.А. Бессонов, А.И. Гайстер, Г.С. Гордеев, А.С. Мендельсон, Ф.И. Михалевский, В.Е. Мотылев, В.Н. Позняков; историки С.С. Бантке, Н.Н. Ванаг, Э.Б. Генкина, П.О. Горин, Б.Б. Граве, В.М. Далин, С.М. Дубровский, Г.С. Зайдель, И.И. Минц, С.М. Моносов, А.М. Панкратова, А.Г. Пригожин; философы А.Ф. Вишневский, Н.А. Карев, Ф.В. Константинов, И.К. Луппол, М.Б. Митин, А.К. Столяров, И.М. Широков, П.Ф. Юдин и др.

Список литературы

1. Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки. Историографический ежегодник. – 1981. – М., 1985. – С. 257–273.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5284.
3. Декрет СНК об учреждении Институтов по подготовке красной профессуры // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1921. – № 12.
4. Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов. 1917–1929 гг.). – М., 1968.
5. К истории Института красной профессуры. Документы. Подготовили С.М. Дубровский и Д.В. Романовский // Исторический архив. – 1958. – № 6. – С. 73–90.
6. Никуленкова Е.В. Институт красной профессуры: структура и организация учебного процесса (1921–1930 гг.) // Петербургская историческая школа: Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». Третий год выпуска. Памяти Е.Р. Ольховского. – СПб., 2004. – С. 414–424.
7. Никуленкова Е.В. Оценка текущей работы слушателей Института красной профессуры в 1920-е гг. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 3. – С. 29–35.
8. Никуленкова Е.В., Тропов И.А. Освещение революционных событий 1917 года в России в советской историографии 20-х гг. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 4. – № 2. – С. 78–84.
9. О работе среди молодежи. Резолюция XIII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 3. – М., 1984.
10. Покровский М. От Института красной профессуры // Правда. – 1928. – 29 ноября.
11. Положение о подготовительных курсах Института красной профессуры // Правда. – 1924. – 14 авг.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17.
13. Сборник положений, учебных планов и программ Воскресного коммунистического университета при ИКП. – Вып. 1. – М., 1929.
14. Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). – Ф. 474.
15. Шульга С. Опыт Института красной профессуры // Правда. – 1929. – 30 июля.

Развитие медико-биологического направления советской медицины в условиях культа личности И.В. Сталина

Статья посвящена изучению отдельных аспектов развития медико-биологического направления советской медицины в первом десятилетии после окончания Великой Отечественной войны. Автор показывает зависимость развития медицинской науки в СССР от государственной политики, выявляет негативные последствия идеологического и партийного диктата в науке в условиях культа личности.

The article is devoted to the study of the development of biomedical direction of Soviet medicine in the first decade after the end of World War II. The author shows the dependence of the medical science development in the USSR on public policy. The author also reveals negative effects of ideological and party dictatorship in science in the context of the cult of personality.

Ключевые слова: советская медицина, медико-биологическое направление, генетика, здравоохранение, научные дискуссии, идеологический диктат, культ личности.

Key words: Soviet medicine, biomedical direction, genetics, health, scientific discussions, ideological dictatorship, the cult of personality.

Достижения советской медицины неоспоримы, но и в ее истории происходили трагические события, которые напрямую связаны с государственной идеологией, вмешательством власти в науку, с запретительными мерами и карательными действиями. В советское время медицинская наука, как и другие отрасли науки и культуры, находилась под жестким административным диктатом, испытывала негативное влияние идеологического произвола и репрессий.

Во второй половине 1940-х гг. медицинская наука и образование СССР подверглись невиданному давлению, проявлявшемуся повсеместно – в учебном процессе, в научно-исследовательской деятельности и лечебной работе. Первой жертвой тоталитарного режима в медицине стал академик АМН СССР В.В. Парин – основоположник космической медицины, осужденный в 1947 г. как американский шпион на 25 лет тюремного заключения. В 1948 г. был арестован один из ведущих отечественных хирургов С.С. Юдин, обвиненный в подготовке заговора против И.В. Сталина вместе с военными маршалами Г.К. Жуковым и И.С. Коневым.

Партийно-государственные установки и постановления первых послевоенных лет были направлены на воспитание идейно-подкованных специалистов, полностью лояльных к существующему режиму. Для выполнения этих задач на помощь была привлечена даже такая отрасль науки, как история медицины, которая с целью воспитания патриотизма, борьбы против влияния буржуазной идеологии в медицинской науке в 1948 г. была введена в медицинских институтах в качестве самостоятельного курса. Ее содержание жестко контролировалось и активно использовалось в идейно-воспитательном процессе. Под особым контролем находились руководители кафедр, на которых читался курс. В соответствии с приказом Министерства высшего образования СССР (МВО СССР) от 30 декабря 1950 г. заведующие кафедрами организации здравоохранения и истории медицины подлежали специальной аттестации [2, с. 332]. Перед историками медицины была поставлена задача показать передовую роль отечественных ученых в мировой медицинской науке [5, с. 485–488]. В этой связи под руководством директора Института организации здравоохранения и истории медицины АМН СССР Н.А. Семашко в 1948 г. было подготовлено учебное пособие, в котором вопросы истории медицины были тесно увязаны с достижениями советской медицинской науки.

К медицинским журналам в полной мере были отнесены те требования к печати, которые были сформулированы в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград»: они должны быть политическими органами, удовлетворять научным требованиям и быть высоко принципиальными во всей своей деятельности [11, с. 3–8]. Еще в декабре 1946 г. Коллегия Министерства здравоохранения СССР (МЗ СССР), рассмотрев вопрос о деятельности медицинских журналов, отметила, что далеко не всегда в медицинской науке выдерживались принципы партийности [8]. Этот же вопрос Коллегия МЗ СССР обсуждала в 1950 г. и пришла к выводу, что после решения партии по идеологическим вопросам «медицинские журналы стали активнее освещать актуальные проблемы медицины, разоблачать лженаучные теории в медицине» [3]. Так был окончательно установлен партийный диктат в медицинской науке. Более того, прямым следствием такой политики стала полная изоляция советской медицины от зарубежных исследований, от иностранной медицинской литературы. Согласно постановлению политбюро ЦК ВКП(б) от 16 июля 1947 г., было прекращено издание академических журналов АМН СССР на иностранных языках [13, с. 125].

Как пишет историк медицины М.Б. Мирский, вместо продуманных рациональных мероприятий по развитию науки, планировались и проводились так называемые «научные дискуссии», не имевшие

ничего общего с наукой. Они фактически монополизировали какое-то одно научное направление, отвергая и предавая остракизму все другие [7, с. 53].

Практика показала, что «научные дискуссии» 1940–50-х гг. сыграли роковую роль в развитии советской медицины, особенно в области медико-биологических наук. Именно к этому направлению как никогда было приковано внимание власти. Беспрецедентным гонениям подверглись отечественная биология и генетика. История развития этих наук в нашей стране отражает те тенденции, которые были характерны для экономической, политической и культурной жизни советского общества.

В настоящее время в истории преследований и гонений, выпавших на долю отечественных биологов и генетиков, выделяют 3 этапа. Третий, завершающий этап проходил в послевоенное время и был связан с тотальным разгромом генетики, когда была репрессирована целая наука [4, с. 57–59]. Накал идеологической борьбы оказался настолько высок, что первый президент АМН СССР Н.Н. Бурденко уже в 1944 г., выступая на одном из первых заседаний академии, кроме актуальных вопросов современной медицины, уделил внимание и кризису буржуазной философии, которая «выразилась в евгенике и менделизме» [6, с. 179].

В условиях продолжающейся идеологической кампании над наукой в августе 1948 г. состоялась печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ, которая завершила многолетнюю научную дискуссию по вопросам биологии окончательным разгромом генетики, привела к утверждению материалистического учения мичуринской биологии академика Т.Д. Лысенко и «клеточной» теории О.Б. Лепешинской [15, с. 180]. Участники сессии в обращении к ЦК ВКП(б) писали, что «передовая биологическая наука отвергает и разоблачает порочную идею о невозможности управления природой организмов при помощи подконтрольных человеку условий жизни растений, животных, микроорганизмов. Наука должна учить исследователей дерзать в поисках путей и способов управления природой для нужд человека» [12].

Сразу же после сессии 24 августа 1948 г. вышел совместный приказ министров высшего образования и здравоохранения СССР № 121/525 «О состоянии учебной и научной работы по биологическим наукам в медицинских учебных и научных учреждениях». В соответствии с приказом, фонд научной и учебной литературы, где упоминались имена немецкого зоолога А. Вейсмана, американского биолога, лауреата Нобелевской премии Т.Х. Моргана и ботаника Г.И. Менделя уничтожались. Наряду с этим указывалось на необходимость изменения изучения физиологических и патологических процессов в организме человека, на проведение борьбы с непра-

вильными представлениями о роли наследственности при болезни, о взаимосвязи организма и среды [6, с. 179].

Через несколько дней после завершения сессии ВАСХНИЛ, состоялось расширенное заседание президиума АМН СССР с повесткой дня «Проблемы медицины в свете решений сессии ВАСХНИЛ». В результате было принято постановление Президиума АМН СССР, утвердившее следующие решения:

- 1) Президиум официально запретил медицинскую генетику;
- 2) от обязанностей директора Института экспериментальной биологии был освобожден известный биолог, создатель теории биологического поля, открывший митогенетические лучи, профессор А.Г. Гурвич; от заведования лабораторией того же института был освобожден биолог, профессор Л.Я. Бляхер, от обязанностей заведующего лабораторией антибиотиков – профессор Г.Ф. Гаузе – микробиолог, один из пионеров науки об антибиотиках в нашей стране;
- 3) принято решение о пересмотре структуры и направлений научной деятельности Института экспериментальной биологии и Института экспериментальной физиологии, которым руководил один из выдающихся ученых страны С.С. Брюхоненко;
- 4) создана комиссия для подробного ознакомления с научной деятельностью невропатолога, основоположника клинической нейрогенетики в отечественной медицине, члена АМН СССР С.Н. Давиденкова [7, с. 54].

За сессией последовали многочисленные собрания ученых-биологов и медиков, на которых также критиковалась генетика. Например, в статье «О критике и самокритике в научной работе» мичуринец Ю.А. Жданов писал о том, что «... сессия дала образцы боевой, большевистской критики в науке, она помогла многим ученым избавиться от своих ошибок и встать на путь передовой мичуринской биологии» [14. Д. 30. Л. 8].

Таким образом, сессия ВАСХНИЛ завершила включение «мичуринской генетики» в центральное идеологическое ядро советской политической системы. Сессия, по своей сути, закрыв разработку ряда важных научных проблем, открыла дорогу псевдонаучным исследованиям. На волне лженаучных концепций в медицине в те годы стали выдвигаться так называемые «ученые-новаторы», в большинстве случаев оказавшиеся некомпетентными исследователями.

Характерным примером является «клеточная» теория О.Б. Лепешинской, получившая одобрение и поддержку со стороны АН СССР и АМН СССР. Хотя ее научные взгляды были примером профанации подлинной науки, тем не менее после заседания Президиума АМН СССР в Институте экспериментальной биологии был открыт отдел развития живого вещества, который она возглавила в 1949 г.

Еще в 1930-е гг. «эксперименты» О.Б. Лепешинской, доказывающие, что клетка может происходить не только из клетки, но также «из вещества неклеточной структуры» критиковали отечественные ученые (биолог Н.К. Кольцов в 1934 г., гистологи и цитологи А.А. Заварзин, Д.Н. Насонов и Н.Г. Хлопин в 1939 г.) [1, с. 95–96].

В 1948 г. путаная теория О.Б. Лепешинской снова подверглась критике ведущих ученых-медиков страны. 13 ленинградских биологов во главе с Н.Г. Хлопиным в статье, опубликованной в газете «Медицинский работник», повторили основные критические замечания, уже высказанные ранее в адрес О.Б. Лепешинской. В ней отмечались полная биологическая безграмотность автора, применение допотопных методик, недопустимая трактовка биогенетического закона; указывалось, что вместо точных фактов преподносятся плоды фантазии автора, фактически стоящей на уровне науки конца XVIII – начала XIX в. [1, с. 97–99].

Однако и в этот раз критические замечания оказались напрасными, а против авторов «статьи 13-ти» были приняты репрессивные меры.

Осенью 1950 г. работы О.Б. Лепешинской получили высшее государственное признание – «за выдающиеся заслуги перед советской биологией» ей досрочно была присуждена Сталинская премия 1 степени. АМН СССР срочно избрала О.Б. Лепешинскую своим действительным членом (академиком), признав тем самым законность ее выдающегося вклада в науку [1, с. 99].

Окончательным потрясением для советской медицины стала пятая «Павловская» объединённая сессия АН СССР и АМН СССР, которая состоялась летом 1950 г. и была посвящена юбилею И.П. Павлова и проблемам развития его физиологического учения. Решением от 4 июля 1950 г. сессия поручила Президиумам АН СССР и АМН СССР в кратчайший срок разработать необходимые научные и организационные мероприятия по дальнейшему развитию творческих основ и внедрению учения И.П. Павлова в практику медицины, педагогики, физического воспитания и животноводства.

Сессия признала необходимым пересмотреть план научной работы по физиологии и медицинским дисциплинам (внутренние болезни, гигиена, психиатрия, невропатология и др.) и положить в основу этих планов широкое развертывание исследований, развивающих идеи и направления И.П. Павлова. Кроме того, было отмечено, что идейное наследие И.П. Павлова недостаточно разрабатывается его учениками. Особое внимание было обращено на связь учения с вопросами профилактики, как ведущего направления советской медицины.

Таким образом, именно на этой сессии под знаменем борьбы с формальной генетикой состоялось окончательное утверждение

псевдонауки в медицине, поддерживаемой некомпетентным партийным руководством страны [9, с. 35]. Физиологическое учение И.П. Павлова сократили, изъяв неудобные власти положения, идущие в разрез с коммунистической идеологией. Учение И.П. Павлова о высшей нервной деятельности было канонизировано, провозглашено единственно верным и неоспоримым с ведущей идеей об условном рефлексе и определяющей ролью коры головного мозга в развитии всех заболеваний.

После сессии вышел приказ МВО СССР «О состоянии учебной и научной работы по физиологии в университетах, медицинских, педагогических, сельскохозяйственных и ветеринарных институтах», затем – приказ МЗ СССР «О реализации постановления научной сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова», ставшие для советской медицины очередной программой действий. Критика научного направления не закончилась закрытием только соответствующих кафедр, а приняла более грубые формы в виде изъятия учебных программ, учебников и книг по генетике [10, с. 120].

Более того, результаты сессии двух академий сказались на практическом внедрении учения И.П. Павлова в работу лечебно-профилактических учреждений. Физиологическое учение академика стало методологической основой работы многих медицинских коллективов страны. В ряде больниц был организован лечебно-охранительный режим. Такие болезни как гипертонию и язву желудка лечили электросном. «Новаторами» в этом направлении оказались коллективы Макаровской больницы на Украине и Виноградовской в Московской области, проводили такой режим и отдельные больницы Ленинграда.

Во всех медицинских учреждениях широко обсуждали материалы Павловской сессии. На сессиях, которые прошли в Москве и других городах, было показано, что разработанная Павловым и его последователями физиология высшей нервной деятельности является огромным и высшим достижением. Центром изучения и дальнейшего развития учения Павлова в Ленинграде стал Институт физиологии центральной нервной системы АМН СССР, который в 1948 г. был создан из объединившихся Институтов физиологии АМН СССР и Института мозга им. В.М. Бехтерева МЗ СССР.

Все эти ненаучные представления и ошибки, допущенные в работах, опубликованных после сессии, устранение инакомыслящих (академиков П.К. Анохина, Л.А. Орбели, И.С. Бериташвили и др.) нанесли ущерб отечественной физиологии, особенно развитию фундаментальных исследований в биологии, медицине, затормозили развитие целых направлений, школ, решение актуальных науч-

ных проблем, ударили по престижу, этике, моральному облику ученого в нашей стране.

Наряду с этим, крупнейшей политической акцией власти в отношении к медицинским работникам, имеющей широкий общественный и научный резонанс, следует отнести и так называемое «дело врачей». Это сугубо политическое, сфабрикованное в 1949–1953 гг. следственными органами МГБ СССР дело, было одобрено Политбюро и курировалось лично И.В. Сталиным. Процесс, широко освещавшийся более полвека назад в советской печати, должен был закончиться массовыми репрессиями по образцу 1937 г., направленными против интеллигенции, и в частности против еврейского населения СССР.

Незадолго до смерти И.В. Сталина МВД СССР сообщило, что по сфабрикованному доносу была арестована и осуждена большая группа врачей отечественной элитной медицины, среди которых назывались академики-терапевты В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, профессора М.С. Вовси, М.В. Коган, Б.Б. Коган, Б.В. Егоров, А.М. Гринштейн, А.И. Фельдман и др. (всего 37 чел., из них – 28 врачей). Только смерть И.В. Сталина спасла их от физического уничтожения. 31 марта 1953 г. было утверждено постановление о прекращении уголовного «дела врачей», а 3 апреля Президиум ЦК КПСС принял решение о реабилитации проходивших по этому делу.

Критика культа личности И.В. Сталина дала возможность во второй половине 1950-х гг. поставить вопрос о ликвидации отставания в разработке проблем теоретической медицины. Первым было развенчано «учение» О.Б. Лепешинской (1955–58 гг.). Далее состоялись дискуссии о пересмотре роли и места учения И.П. Павлова в отечественной медицине. Наиболее длительно и болезненно шел процесс возрождения генетических исследований (начало 1950-х – 1965 гг.).

Таким образом, рассматриваемый период можно назвать едва ли не самым трагичным в истории отечественной медицины. Изучение развития медико-биологического направления советской медицины в первые послевоенные годы показывает, что социально-политические процессы в стране, идеологический заказ государства в науке привели к фактическому уничтожению, разгрому крупнейшей отечественной научной школы генетиков и биологов.

Список литературы

1. Гайсинович А.Е., Музрукова Е.Б. «Отрыжка» клеточной теории // Природа. – 1989. – № 11. – С. 92–101.
2. Ерегина Н.Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953. – Ярославль, 2010.
3. Жданов Ю.А. О критике и самокритике в научной работе // Большевик. – 1951. – № 21. – С. 28–43.

4. Захаров И.А., Суриков И.М. Генетики – жертвы репрессий // Цитология и генетика. – 1989. – Т. 23. – № 6. – С. 57–61.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1954. – Т. 3.
6. Маркова С.В. Медицина и идеология: из истории советской науки // Становление государственной медицины в России (XVIII–XX вв.): материалы междунар. конф. – М., 2012. – С. 177–180.
7. Мирский М.Б. Медицинская наука в 40–50-е годы XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2004. – № 5. – С. 52–57.
8. О положении в биологической науке: стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. 31 июля – 7 авг. 1948 г. – М., 1948.
9. Очерки истории медицины XX века / под ред. Ю.П. Лисицына, М.Е. Путина, И.М. Ахметзянова. – Казань, 2006.
10. Полянский Ю.И. Годы прожитые. Воспоминания биолога. – СПб., 1997.
11. Постановление ЦК ВКП(б) от 14 авг. 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград». – М., 1951.
12. Правда. – 1948. – 12 авг. – № 255.
13. Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1954 / Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. – М., 2005.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 6. Оп. 5.
15. Щелкунов С.И. Клеточная теория и учение о тканях. – Л., 1958.

УДК 737(09)(4)«04/14»:903.8

С.Н. Травкин

Анализ материалов клада с Юга Бессарабии

Статья посвящена сравнительному анализу клада Сараты Резешь. Он был найден в 1910 г. Клад содержал серебряные вещи, талеры Западной Европы и монеты Великого княжества Литовского. Клад Сараты Резешь несет информацию по истории Юго-Восточной Европы.

The article is devoted to a comparative analysis of the treasure of Saraty Resesh. It was found in 1910. The treasure contained silver things, thalers of the Western Europe and the coins of the Grand Duchy of Lithuania. The treasure carries information on the history of South-Eastern Europe.

Ключевые слова: монета, Средние века, Юго-Восточная Европа, Польское королевство, Великое княжество Литовское, Молдавское княжество, Османская империя, чеканка монет.

Key words: coin, Middle Ages, South-Eastern Europe, the Polish kingdom, the Grand Duchy of Lithuania, the Moldavian principality, the Ottoman Empire, stamping of coins.

Монетные клады являются важным историческим источником. Они являются своеобразной фотографией денежного обращения на момент своего сокрытия, максимально объективно отражая экономические и политические реалии своего времени. Одновременно и информация об обстоятельствах находки кладов и введения их в научный оборот представляет значительный интерес. Процесс изучения нумизматических находок в некоторых случаях мог затянуться на годы. Публикации иногда содержали весьма противоречивую информацию.

Типичным примером подобной ситуации может служить монетно-вещевой клад, обнаруженный в 1910 г. возле поселения Сараты Резешь в Измаильском уезде на юге Бессарабии. Регион, где был найден рассматриваемый нумизматический комплекс, ограничен на западе реками Прут и Дунай, на востоке Днестром, а на юге Черным морем. Северная граница наиболее неопределенная проходит там, где Днестр и Прут приближаются друг к другу. Эти земли находятся на границе степей и предгорий Карпат. Подобное пограничное по-

ложение оказало влияние на политическую и нумизматическую историю края.

В 1910 г. данная территория входила в состав Бессарабской губернии Российской империи. Клад из Сараты Резешь был найден местными жителями, но конфискован полицией [12, с. 100]. Вследствие этого монеты и вещи из клада поступили в Императорскую Археологическую комиссию в Санкт-Петербурге.

Археологическая комиссия передала для определения и оценки в Императорский Эрмитаж 13 серебряных монет из клада, включая восемь больших экземпляров и пять малых. Из числа полученных монет четыре талера были приобретены Императорским Эрмитажем за 6 р. Остальные монеты были переданы Археологической комиссии для возвращения находчику. Определение и оценка монет в Императорском Эрмитаже было произведено А.А. Марковым [1, с. 57–59, 69].

В 1913 г. в «Отчете Императорской Археологической комиссии за 1909 и 1910 годы» впервые была опубликована информация о данном кладе. Он включал восемь западноевропейских талеров и пять литовских полугрошей Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа. Вещевая часть клада состояла из нескольких серебряных вещей: широкого перстня, пряжки и трех ажурных поясных бляшек. В дополнении к серебряным изделиям из состава клада упоминается железная «сапа» (вероятно, мотыга?). Монеты и вещи были упакованы в глиняный горшок, от которого сохранились только обломки [13, с. 213].

Подобная история находки и определения клада из Сараты Резешь была типичной для Российской империи во второй половине XIX и XX вв. В это время существовал достаточно эффективно работавший механизм по собиранию, музеефикации и публикации археологических находок на территории всего государства от Сибири до Царства Польского и Бессарабии. Существенным недостатком подобной системы было то, что в музеи передавали только «уникальные» или «интересные» вещи. В результате этого произошло разрушение единого комплекса клада.

После публикации 1913 г. последовал длительный период, когда материалы рассматриваемой находки оставались невостребованными.

В результате революционных событий 1917 г. политическая ситуация на юго-западной окраине бывшей Российской империи была на длительное время дестабилизирована. Положение обострялось соперничеством Румынского королевства и Советского Союза. В 1918–1940 гг. земли Бессарабии находились под властью Румынского королевства. С 1940 по 1991 гг. Бессарабия была частью СССР. При этом часть юга Бессарабии была передана в состав

Украинской ССР, а большая часть региона в 1940 г. вошла в Молдавскую ССР [6, с. 162–228]. Политические перевороты и военные действия в 1941–1944 гг. не способствовали изучению рассматриваемого клада.

В 1976 году А.А. Нудельман повторно опубликовал материалы клада из Сараты Резешь. На основании архивных материалов он более подробно рассмотрел состав клада. Согласно публикации А.А. Нудельмана, в комплекс из Сарата Резешь входили восемь талеров и пять литовских полугрошей. В данной публикации был проведен более глубокий анализ рассматриваемого нумизматического комплекса. Среди талеров были представлены чеканки Испанских Нидерландов – три монеты Филиппа II (1556–1598), герцогства Брауншвейг – две Эрика II (выпуск 1572 г.) и Юлия (1589), графства Рейнланд Берг – одна Фридриха (чекан 1577), союза имперских вольных городов Кампен, Зволле, Девентер – одна (1596), конфедерации Швейцарии – одна (1587). Чеканка Великого княжества Литовского была представлена 1 экземпляром Сигизмунда I Старого 1510 г., и четырьмя монетами Сигизмунда II Августа, датируемых 1547 (две), 1560 и 1563 гг. Наиболее поздняя монета комплекса датирована 1596 г., что позволило определить время сокрытия тазаврации рубежом XVI и XVII столетий [12, с. 100].

Нумизматический комплекс имел весьма скромные размеры, однако состав и обстоятельства сокрытия клада из Сараты Резешь позволяют сделать целый ряд исторических наблюдений.

В XV столетии территория Бессарабии входила в состав Молдавского средневекового княжества. Однако в конце XV и XVI вв. Османская империя установила свой контроль над югом региона. Города Аккерман, Бендеры, Килия и Измаил стали турецкими крепостями. Земли вокруг них образовали два санджака Османской империи: Аккерманский и Бендерский [8, с. 75–77].

Место обнаружения рассматриваемого клада находилось на границе Молдавского княжества с владениями Османской империи. Данный район был зоной хронической военной опасности со стороны турецких солдат и воинов Крымского ханства, которые занимались грабежом местного христианского населения. Одновременно с этим близость к турецким городам способствовала развитию торговли и оживлению монетного обращения.

Состав монет из клада по географическому принципу и номиналу делился на две части. Первую составляли талеры из Западной Европы. Вторую половину комплекса образовали полугроши Великого княжества Литовского. Все эти монеты были импортными для юга Бессарабии.

Талеры были международной валютой всей Европы в XVI и XVII вв. Они получили широкое распространение по всему миру.

Наиболее ярким подтверждением этого могут служить монеты, выпущенные по весовой норме талера.

В Османской империи талеры послужили образцом для чеканки собственных курушей и игирмиликов. В Европе для курушей использовали термин «пиастры» [2, с. 18].

В Московском государстве талеры называли «ефимки» [4, с. 73]. В России европейские серебряные монеты использовали в качестве сырья для чеканки собственных денежек. В середине XVII столетия была сделана попытка перечеканки и надчеканки талеров на монетных дворах Московии [17].

В Молдавском княжестве собственные талеры и орты выпустил господарь Иоанн Гераклид (1561–1563), получивший прозвище Деспот Водэ. Подобные монеты были выпущены очень маленьким тиражом. В настоящее время они считаются нумизматической редкостью [3, с. 241–242; 19, с. 34–35].

Использование западноевропейских талеров на юге Бессарабии на рубеже XVI и XVII вв. было достаточно типичным явлением для этого времени. Обращает на себя внимание только то, что среди талеров клада присутствовали чеканки Испанских Нидерландов и Швейцарии. Подобные монеты достаточно редко проникали на земли Юго-Восточной Европы. Можно предположить, что появление этих монет свидетельствует о торговых контактах Северного Причерноморья со столь отдаленными регионами Западной Европы.

Другой по сравнению с талерами была ситуация с литовскими полугрошами. Мелкие номиналы Великого княжества Литовского чеканили для использования преимущественно во внутреннем обращении этого государства.

В 1569 г. произошло объединение Польского королевства и Великого княжества Литовского в единое государство Речь Посполитую. В результате этой унии создана единая денежная система этого политического объединения. Реальная чеканка монет по единой стопе началась в 1578 г. [15, с. 45–46].

Однако в правление Сигизмунда I (1506–1548) и Сигизмунда II Августа (1545–1572) нормы монетной чеканки в Великом княжестве Литовском отличались от польских и принятых позднее в Речи Посполитой [15, с. 43].

Долгое время на территории Литвы и Польши существовали два изолированных ареала монетного обращения. Ближайшим к Бессарабии владением Великого княжества Литовского была современная Украина.

С первой по третью четверти XVI столетия на территории Украины в денежном обращении господствовали литовские полугроши [9, с. 174–175].

Согласно мнению Н.Ф. Котляра в XVI столетии на территории современной Украины произошло объединение монетной массы Великого княжества Литовского и Польского королевства. Более точная хронология данного события остается предметом научной дискуссии. [10, с. 95–97]. Данный процесс происходил одновременно с политической интеграцией этих двух государств.

Остается открытым вопрос о времени проникновения литовских монет на запад от Днестра. Возможно, они попали на эти земли одновременно с талерами, то есть на рубеже XVI и XVII вв. Однако нельзя исключить возможности проникновения литовских полугрошей на земли Молдавского княжества сразу после их выпуска в XVI столетии.

Более тяжелые литовские монеты периода независимой чеканки долгое время оставались в обращении Речи Посполитой. В условиях массовой безграмотности населения главное значение для использования монет имели их вес, содержание драгоценного металла и оформление. Литовские монеты автономной чеканки были оформлены согласно стандартам польско-литовской чеканки, а весовые характеристики не уступали более поздним чеканкам.

В кладах, сокрытых на территории современной Украины в XVII столетии, известны находки монет Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа. [20, с. 128, 135–136, 139–140]. Судя по количеству монет и кладов, содержавших их, подобные номиналы в XVII в. составляли не большую, но достаточно привычную для населения часть денежной массы.

Появление литовских монет малого достоинства за пределами Великого княжества Литовского и Речи Посполитой можно объяснить нехваткой мелкой монеты на территории Бессарабии.

Османская империя проводила политику систематической эксплуатации подвластных ей земель. Это приводило к оттоку серебра из Молдавского княжества, что вызвало кризис местной монетной чеканки.

Последние выпуски собственных монет Молдавского княжества датированы правлением господаря Еремии Мовилэ (1595–1606). В более позднее время господари Евстратий Дабижа (1661–1665), Георгий Дука (1665–1666, 1668–1672, 1678–1683) и Ильяш Александр (1666–1668) организовали в городе Сучаве чеканку дешевых подражаний мелких монет соседних Христианских государств [3, с. 242–243].

Одновременно с этим негативные тенденции появились и в турецкой денежной системе. Монетная чеканка в Османской империи продолжалась в XVII столетии, однако в ней произошли значительные изменения. На денежную систему Оттоманской Порты активное

влияние оказывала монетная чеканка государств Западной Европы [2, с. 18].

Географический состав монет из клада свидетельствует о том, что владелец тезаврации имел контакты с международной торговлей. В связи с этим представляется интересным рассмотреть реальную стоимость монет из клада.

В XVI и XVII вв. цены и реальная стоимость денег на территории Молдавского княжества и Османской империи неоднократно изменялись. Данный процесс был связан с «революцией» цен, охватившей Европу после завоевания испанцами Америки [16, с. 95]. Приток драгоценных металлов в Европу способствовал обесцениванию монеты и высокому уровню инфляции. В конце XVI столетия правительство Османской империи было вынуждено провести девальвацию своей валюты [7, с. 302–303].

Наиболее распространенным предметом экспорта этого времени с территории Молдавского княжества был скот [14, с. 60–61, 79].

Согласно исследованиям молдавских историков в 1591–1600 гг. бык стоил в Молдавии и во Львове 8 талеров, в 1601–1620 гг. 10 или 10,5 талера. Баран в 1591–1620 гг. на тех же рынках оценивался в 0,8 или 1 талер [5, с. 234].

В рассматриваемом кладе было восемь талеров и пять мелких монет. В 1591–1620 гг. на эти монеты можно было приобрести 1 быка или 10 баранов. Вероятно, владельца клада нельзя было отнести к числу богатых людей. Это подтверждается и вещевой частью клада, которая включала в себя вещи весьма средней для того времени стоимости.

Покупка четырех талеров из состава клада Императорским Эрмитажем в 1910 г. позволяет сопоставить примерную стоимость комплекса из Сараты-Резешь с ценами начала XX столетия. Императорский Эрмитаж уплатил за четыре талера 6 р. Можно предположить, что общая стоимость всех восьми талеров составляла примерно 12 р. Стоимость литовских полугрошей, вероятно, была значительно меньше.

В конце XIX столетия на бумагопрядильных фабриках Российской империи мужчина рабочий получал в месяц 13 р. и 50 к., женщина работница 11 р. На парфюмерной фабрике Г. Брокара ежемесячная заработная плата рабочего доходила до 17 р. [11, с. 18, 72].

В 1910 г. средний заработок рабочего в Российской империи составлял 20 р. в месяц. К 1913 г. он вырос до 22 р. В С.-Петербурге в 1913 г. пуд свинины стоил 8 р. и 23 к., телятины 13 р. Месячная зарплата рабочего высокой квалификации доходила до 60 р. в месяц [18, с. 160].

Стоимость рассматриваемого клада в 1910 г. приближалась к средней заработной плате русского рабочего за месяц в конце XIX столетия или две трети зарплаты начале XX в.

Следовательно, за 300 лет, которые прошли от момента сокрытия до находки клада, социальный статус его владельцев почти не изменился. В начале XX в., как и на рубеже XVI–XVII вв. по своей стоимости рассматриваемый клад принадлежал средним слоям населения.

На основании рассмотренных материалов можно сделать вывод о том, что история клада из Сараты Резешь отражала ситуацию не только времени его сокрытия, но и периода его обнаружения. «Национальный» состав монет из рассматриваемого комплекса свидетельствовал о пограничном положении региона находки. В данном нумизматическом комплексе отразились глобальные процессы, происходившие в мировой экономике на рубеже Средних веков и Нового времени: «революция цен», развитие международной торговли, перераспределение центров монетной чеканки, выдвижение Западной Европы на первое место в системе глобальных торговых связей. Клад из Сараты-Резешь сделал своеобразный снимок экономической и политической ситуации на территории Бессарабии рубежа XVI и XVII вв.

Список литературы

1. Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 5. 1910. Д. 7.
2. Быков А.А. Монеты Турции XIV–XVII вв. – Л., 1939.
3. Бырня П.П., Русев Н.Д. Монеты средневековой Молдавии (Историко-Нумизматические очерки) // *Stratum plus*. – 1999. – № 6. – Кишинев, СПб., Одесса, 1999.
4. Зварич В.В. Нумизматический словарь. – Львов, 1979.
5. История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.) / отв. ред. П.В. Советов. – Кишинев, 1976.
6. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней / В.Е. Андрощук, П.А. Бойко, П.П. Бырня, И.И. Жаркуцкий, В.П. Платон, Н.Д. Русев, А.Ю. Скворцова, К.В. Стратиевский, Н.П. Тельнов, В.И. Царанов, Н.А. Чаплыгина, П.М. Шорников. – Кишинев, 1998.
7. Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. – М., 1999.
8. Киртоагэ И.Г. Административно-территориальное деление юга Днестровско-Прутского междуречья под турецким владычеством в XVI – первой половине XVII в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. – Кишинев, 1988.
9. Козубовский Г.А. Нумізматичні пам'ятки XVI–XVIII ст. // Археологія доби українського козацтва XVI – XVIII ст. – Киев, 1997.
10. Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. – Киев, 1971.
11. Мартынов С.Д. Мануфактура и фабриканты: Прохоровы, Гарднер, Крестниковы, Брокер, Кноп. – СПб., 1993.
12. Нудельман А.А. Топография кладов и находок единичных монет. Археологическая Карта МССР. Вып. 8. – Кишинев, 1976.

13. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. – СПб., 1913.
14. Подградская Е.М. Экономические связи Молдовы со странами Центральной и Восточной Европы в XVI–XVII вв. – Кишинев, 1991.
15. Рябцевич В.Н. О чем рассказывает монета. – Минск, 1968.
16. Савкевич О.С. «Революция цен»: к истории вопроса // Из истории и культуры Средневековья. – СПб., 1991.
17. Спасский И.Г. Русские ефимки. – Новосибирск, 1988.
18. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. – СПб., 2009.
19. Iliescu O. Moneda in Romania 491–1864. – Bucuresti, 1970.
20. Kotlar M. Znalaziska monet z XIV–XVII w. na obszarze Ukrainskiej SRR. – Wroclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk, 1975.

Начало русских православных миссий в Пекине

В статье исследуются албазинцы в Пекине. Анализируется развитие русско-китайской торговли в начале XVIII в. и начало Российских православных миссий в Пекине. Выявлен указ Петра I об организации первой миссии в Пекине.

The article discusses albazintsy in Beijing. The development of Russian-Chinese trade at the beginning of the XVIII century and the beginning of the Russian Orthodox Mission in Beijing are analyzed. A decree of Peter I on the organization of the first mission in Beijing is revealed.

Ключевые слова: албазинцы в Пекине; Российские православные миссии в Пекине; Канси; Пётр I.

Key words: albazintsy in Beijing; Russian Orthodox Mission in Beijing; Kangxi; Peter I.

Внимание исследователей давно привлекало начало Российских православных миссий в Пекине. Архимандрит Авраамий Часовников, иеромонах Николай Адоратский, П.Е. Скачков, П.Т. Яковлева писали о ней по материалам российских исследований. Чжан Суй, Цай Хуншэн, Ли Минбинь, Ян Юйлинь выпустили несколько интересных работ на эту тему в Китае [9, с. 80]. В этих работах изучались прежде всего экономические, военно-политические и культурные отношения России и Китая, но недостаточно обращалось внимания на сложный в своем содержании контекст начального периода в организации православных миссий в Пекине.

В 1685 г. маньчжурская армия во главе с китайским военачальником высокого ранга Пэнчунем после осады овладела крепостью Албазин, но вскоре казаки вновь заняли и отстроили крепость. В 1686 г. цинские войска опять атаковали Албазин, но после пятимесячной осады и больших потерь отступили, блокировав его со всех сторон. Русское правительство направило на Амур посольство Ф.А. Головина с предложением переговоров, и блокада Албазина была снята. В 1689 г. в после наступления большой цинской армии,

окружившей город, Ф.А. Головин подписал Нерчинский договор. В соответствии с его условиями была определена граница России с Цинской империей в верхнем течении Амура, крепость Албазин подлежала срытию, устанавливались мир и торговля между обоими государствами.

Во время русско-цинского пограничного конфликта некоторые казаки оказались в плену в Китае: в 1681 г. – 31 казак, в 1684 г. – 22 казака, в 1685 г. – 46 казаков. По приказу китайского императора Канси все военнопленные в 1681 и 1684 г. были конвоированы в Пекин. В 1685 г. 6 военнопленных были отправлены в Пекин, и другие 40 в город Шэньян. Среди 59 военнопленных в Пекине находился один православный священник, которого звали Максим Леонтьев.

Император поселил их в Пекине и окружил заботой. Все они были причислены к потомственному военному сословию, которое в китайской государственной иерархии находилось на втором месте после чиновничьего. Пленные казаки получили при этом все сословные льготы – казенные квартиры, жалование, бесплатное продовольствие, участки пахотных земель и место под кладбище. Цинское правительство по китайским нормам приказало: «В этом конфликте много русских были в плену, надо зачислить их в регулярную армию. У них будет право на жительство» [6. Л. 18]. Эти албазинцы были зачислены в знаменные войска маньчжуров в Пекине. Они стали семнадцатым цзолин (единица войск маньчжуров в то время) четвертого цаньлин маньчжуров, который был расположен в переулке Хуцзяюань в городе Пекин. Офицеры албазинцев были удостоены цинским правительством китайских чинов. У них были квартиры и пашни в Пекине. Холостые получили в жены китайок. Для богослужения русским была передана во владение буддийская кумирня Гуаньдимяо в переулке Хуцзяюань, которую священник Максим Леонтьев, первый православный священник на китайской земле, обратил в часовню во имя святителя Николая Чудотворца. Священник Максим Леонтьев был возведён в ранг гражданских чинов.

Цинское правительство предоставляло албазинцам льготы, так как император Канси осуществлял политику великодушия к пленным. По его мнению, цинская империя была самым крупным и сильным государством, так что не надо было бояться «заморских варваров», к которым были отнесены и русские [7, с. 11]. Поэтому в то время он поощрял заимствования и изучение достижений иностранной цивилизации. Православная вера албазинцев не была исключена из этой сферы иностранных культур.

Китайцы являлись буддистами или конфуцианцами. А так как албазинцы постоянно жили совместно с китайцами, они начали отходить от христианских канонов. Исследователь истории Российской духовной миссии в Китае В.П. Петров писал, что «очевидно

сильно было влияние огромного китайского человеческого моря... Казалось бы тот факт, что албазинцам было разрешено иметь свою часовню в углу внутреннего Пекина, а также своё кладбище за стенами города, должно было удерживать их в вере отцов и предков, но оказалось, что влияние китайской жизни, а главное тот факт, что им всем были даны жены из разбойничьего приказа, все это привело к тому, что несмотря на все усилия отца Максима, албазинцы стали постепенно "окитаизироваться"» [4, с. 15].

После заключения Нерчинского договора начала быстро развиваться русско-китайская торговля. Много русских купцов приезжали в Китай. Они привозили меха из Сибири через Нерчинск в Пекин, в котором находились биржи. Русские купцы покупали хлопчатобумажные ткани, фарфор и чёрный чай, которые продавали в России. В 1697 г. общая стоимость меха из России в Китай превысила 240 тыс. р., что составило 48 % прибыли русским купцам [8, с. 183].

Торговля с Китаем после Нерчинского договора серьёзно расширилась и доставляла России, также как и Китаю, значительные экономические выгоды, что и повлияло на характер Кяхтинского договора, уделившего большое внимание торговым делам [3, с. 205].

Торговлю с Китаем вела, прежде всего, царская казна и крупное купечество. В этой торговле активно участвовали все сибирские воеводы, монастыри, средние и мелкие торговцы, особенно сибирские, а также многие служилые люди. За два года пребывания Ф.А. Головина в Сибири, с 1687 по 1689 гг., было собрано в Нерчинской таможне в царскую казну десятинной пошлины с торговых людей камками и атласами, то есть китайскими товарами, по тогдашней сибирской цене, которая была ниже московской цены, 2509 р. за что Пётр I хвалил Головина «особым милостивым словом». Объём торговли России с Китаем значительно увеличился в первые же годы после заключения Нерчинского договора. Даже во время нерчинских переговоров бойко шла торговля русских с китайцами.

В российской литературе принято считать, что религиозное отчуждение албазинцев стало причиной организации православной миссии в Пекине. Тем не менее, в соответствии с документами, опубликованными в первом томе «Русско-китайских отношений в XVIII веке», можно сделать вывод, в соответствии с которым русских купцов не удовлетворяло состояние православной церкви, поскольку она мало содействовала соблюдению сложных в своем содержании обрядов православного богослужения [2, с. 53]. Они хотели иметь свой собственный храм в Пекине. К тому же, как отметил Н. Адорадский, в некоторых русских караванах, приходивших в Пекин, находились священники, но они не оставались в китайской сто-

лице долго. При этом они не имели дозволения китайского правительства отправлять богослужение открыто [2, с. 53].

В 1693 г. русский посланник Эверт Избрант ходатайствовал перед китайским правительством «о дозволении построить в Пекине российскую церковь иждивением российских государей и для оной отвести место». На это ему Лифаньюань (служба в империи Цин, ведавшая зависимыми монгольскими территориями) ответил, что строительство церквей в Китае иностранцам, которые живут постоянно, разрешается, но приезжающим на определенный срок просить разрешение строить церкви запрещено [2, с. 53]. Как предположил в данной связи Т.А. Панг, «этот строгий отказ китайского правительства послужил причиной поиска других возможностей создания постоянно действующего православного храма в Китае. Такой возможностью послужило крайне неудовлетворительное положение дел в албазинской общине» [10, с. 132–139]. Последующие действия правительства России, а также указ Петра I об организации первой миссии в Пекине, о поиске людей, подходящих для миссионерской деятельности в Китае, достаточно подробно изучены в научной литературе [1, с. 50].

В книге «Православие и православие в Китае», китайский учёный Чжан Суй написал, что русский царь Пётр I санкционировал указ об организации первой православной миссии в Пекине для того, чтобы собирать сведения о Китае и готовить захват значительной территории Китая по реке Амур [8, с. 183]. С таким мнением трудно согласиться, поскольку в то время Пётр I готовился к войне со Швецией и он не мог одновременно воевать с Китаем.

По нашему мнению, царь Пётр I санкционировал указ об организации Российской Православной миссии в Пекине не только для того, чтобы построить российскую церковь в Пекине для албазинцев. Она должна была способствовать укреплению торговых связей с Китаем, так как Россия и Китай могли извлекать взаимную выгоду в этой торговле. Пётр I ввёл православную церковь в систему российской государственности как один из её институтов. По его мнению, миссии должны способствовать утверждению и распространению православия в Китае, обеспечению православного богослужения.

Деятельность миссий в Пекине была организована в соответствии с внутривластными и внешнеполитическими интересами и задачами России. Они будут играть важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений. Вследствие отсутствия дипломатических отношений между обоими государствами послы миссий в течение длительного времени станут неофици-

альными представителями российского правительства в Китае. Указ царя Петра I явился основной для будущих русско-китайских многообразных связей, в том числе и религиозных.

Список литературы

1. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. – М., 1978. – Т. 1. 1700–1725.
2. Адоратский Н. иером. История Пекинской Духовной Миссии в первый период её деятельности (1685–1745). – Вып. I. – Казань, 1887.
3. Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. – М., 1958.
4. Петров В.П. Албазинцы в Китае. – Вашингтон, 1956.
5. Петров В.П. Российская духовная миссия в Китае. – Вашингтон, 1968.
6. 《清圣祖实录》，北京，第111卷。630页。Китайский первый исторический архив. Ф. №111, год 1685.
7. 黄定天：《中俄文化史稿（17世纪-1937年）》，长春出版社2011年版。263页。Хуан Динтянь. Культурные связи Китая с Россией с XVII века до 1937 года. – Чанчунь, 2011.
8. 张绥：《东正教和东正教在中国》，上海学林出版社1986年版。345页。Чжан Суй. Православие и православие в Китае. – Шанхай, 1986.
9. 李伟丽：《俄国驻华宗教使团及其汉学研究综述》。《华北水利水电学院学报（社科版）》，2005年第4期。第79-83页。Ли Вейли. Исследования о Российских православных миссиях в Пекине // Вестн. китайского северного ирригационного ин-та. – Чжэнчжоу, 2005. – № 4. – С. 79–83.
10. Pang T.A. The «Russian company» in the Manchu Banner Organization // Central Asiatic journal Wiesbaden. 1999.

Сведения об авторах

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович – аспирант, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: felix_1985@mail.ru

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, профессор кафедры психолого-педагогических и медицинских проблем социальной работы факультета социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова; e-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Васильев Дмитрий Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, Институт государственного управления, права и инновационных технологий, первый проректор; e-mail: dvvasiliev@mail.ru

Веременко Валентина Александровна – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: valentina.veremenko@ya.ru

Громова Анна Игоревна – аспирант сектора этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; e-mail: anna4gromova@yandex.ru

Гусев Алексей Геннадьевич – аспирант кафедры политической истории, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; e-mail: gusevalekc@gmail.com

Давыдова Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры организации здравоохранения, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: t-davydova@mail.ru

Дудина Ирина Сергеевна – аспирант, Юго-Западный государственный университет; e-mail: dudina-is@ya.ru

Карпова Вероника Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: nika7676@mail.ru

Кондаков Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет (РГПУ) им. А.И. Герцена; e-mail: yura.kondakov.67@mail.ru

Конкин Андрей Алексеевич – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: aspid8889@rambler.ru

Крылова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: hellennak@ya.ru

Кузнецова Наталья Юрьевна – аспирант, Институт истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета; e-mail: foliage.07@mail.ru

Лазарев Константин Владимирович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: lk0991@yandex.ru

Никуленкова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: elena_na2004@mail.ru

Прохорова Елизавета Викторовна – аспиранта кафедры новейшей истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: karnellia@rambler.ru

Ружинская Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, Институт истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета; e-mail: kafedraistorii.zavkabinetom@yandex.ru

Семенова Наталия Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, e-mail: natalja_leonid@mail.ru

Султанов Роберт Альбертович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, кафедра всеобщей истории, методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: rasultanoff@rambler.ru

Тань Тяньюй – аспирант кафедры русской истории факультета социальных наук, Санкт-Петербургский Институт истории РАН; e-mail: t498724802@126.com

Травкин Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: trawkin09@yandex.ru

Федькин Андрей Васильевич – аспирант, кафедра истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: andr.f@bk.ru

Шустов Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Пермский институт экономики и права; e-mail: lanaschust@mail.ru

Яковенко Кристина Александровна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: chris24.91@mail.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;

- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 3
Том 4. История**

Редактор *Т. Т. Титова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 22.09.2015. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 1187

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10